
Сочинения
Козьмы
Пруткова

20.5.65 г.

г. [redacted]

Сочинения Козьмы Пруткова

ИХЛ

Издательство
«Художественная литература»
Москва 1965

Р1
П85

Текст печатается по изданию:
«Сочинения Козьмы Пруткова», Гослитиздат, М. 1955

Вступительная статья
В. Сквозникова

Примечания
А. Бабореко

Художник
С. Пожарский



КОЗЬМА ПРУТКОВ

С литографии Л. М. Жемчужникова,
А. Е. Бейдемана и Л. Ф. Лагорио
1853—1854 гг.

КОЗЬМА ПРУТКОВ

Писатель Козьма Прутков, придуманный группой единомышленников[1],— явление в нашей литературе уникальное. Ни до, ни после него не было случая, чтобы литературный псевдоним приобрел такую самостоятельность, когда писатель, известный как литератор под собственным именем, мог издавать под именем вымышленного лица *особое* «собрание сочинений», снабженное к тому же портретом и подробной биографией. К. П. Прутков — равноправный член семьи русских литераторов, реально живших и творивших; его мнимое имя занимает законное место в литературном алфавите наряду с подлинными именами его главных «опекунов».

Трудно выделить те прямые художественные традиции, из которых возник этот феномен. Истоков, по-видимому, было много — и сатирическая журналистика XVIII века, и Фонвизин, и мудрое лукавство Крылова, и даже «горюхинская» хроника Пушкина. Ближе всех стоит, конечно, Гоголь,— его гений, определивший судьбы всей последующей русской литературы, был и для создателей Пруткова непререкаемым образцом подлинного комизма и сатиричности. Позднее Прутков, сотрудничая в «Современнике» и уже определившись как писатель, оказывая влияние на сатирическую

---

[1] Братья Алексей (1821—1908), Владимир (1830—1884) и Александр (1826—1896) Михайловичи Жемчужниковы и их двоюродный брат поэт Алексей Константинович Толстой (1817—1875).

поэзию журнала, сам в свою очередь не мог не испытать хотя бы косвенного воздействия боевого духа этой поэзии. Но все такие разнородные истоки и влияния претворились (большей частью непреднамеренно) и растворились в оригинальном облике собственно прутковского творчества.

Это творчество возникло в конкретных условиях российской действительности. Николаевский режим, приведший страну к упадку и крымской катастрофе, требовал полной покорности подданных и беспрекословного рабского молчания. В такой обстановке малейшее проявление протеста и свободомыслия (особенно если это касалось печати) требовало немалого мужества.

А. Толстой и Жемчужниковы принадлежали к родовитому дворянству, их молодость проходила в условиях отличного достатка, зимой среди светских развлечений и (у Толстого) при дворе, а летом — в обстановке сельского приволья. Они отличались здоровьем, талантом и завидным запасом жизнерадостности. В сочетании с большим досугом все это предрасполагало к неистощимому озорству. Легенды об их многочисленных проделках, часто преувеличенные, охотно передавались современниками. По обстоятельствам 40—50-х годов и такое озорство тоже было своеобразной «оппозицией», демонстрацией духовной и даже политической независимости. Происхождение и самый образ жизни создателей Пруткова не способствовали большему. И в поступках, и в наиболее крайних по политическому звучанию произведениях (как, например, «Сон Попова» А. Толстого или «прутковский» «Проект: о введении единомыслия в России» и т. п.) они были далеки от революционности.

Однако как ни стремились они держаться подальше от политики, как ни чурались крайностей, неизбежных во всякой общественной борьбе, как ни претила им всякая партийная непримиримость — русская действительность вынуждала жить по своим реальным законам. Приходилось нередко вступать в жаркую полемику по литературным и политическим поводам. В атмосфере многообразной полемики постепенно и оформился образ Пруткова.

Он заявил себя прежде всего пародистом — находчивым, метким и злободневным. При жизни «незабвенного» Николая Павловича, когда весь строй держался гигантской бюрократической машиной,— военной и гражданской,— Пруткова еще нельзя было произвести в «статские» генералы и сделать директором. Из того, что братья тогда могли и считали нужным опубликовать, вырисовы-

вался облик просто литературного эпигона с безмерным самомнением: «Я поэт, поэт даровитый! Я в этом убедился; убедился, читая других: если они поэты, так и я тоже!» Со временем сатирический тон окреп, казенность точки зрения Пруткова на все предметы стала яснее. А в 1863 году братья известили литературный мир о кончине крупного чиновника и поэта.

Казалось бы, явление, столь связанное с непосредственной злобой дня, должно было постепенно отойти в историю. Но истинная общественная актуальность как раз и способствует долгому существованию в потомстве,— Прутков яркое тому подтверждение. Он никогда не жил,— но его вовсе не просто оказалось похоронить.

Авторы великолепной мистификации так старательно и успешно создавали имя своему детищу, что они очутились в нелегком положении, когда с середины 70-х годов посторонние люди стали покушаться на их собственность, соблазняясь легким путем к успеху. А. Толстой к тому времени умер, Александр Жемчужников продолжал литературные шалости отдельно от братьев,— и братьям Алексею и Владимиру пришлось вступить в настоящую борьбу, по сути принципиальную, хотя, быть может, для стороннего взгляда смешную и мелочную.

Приходилось писать в различные редакции объяснения, обосновывая, казалось бы, бесспорное право Жемчужниковых после смерти Толстого на исключительное владение именем Пруткова. Расчет новых журнальных дельцов был прост: по смерти лиц, достаточно осведомленных, и вообще за давностью времени можно было вполне полагаться на безнаказанность.

Но особенно обидным было, что своими подробными разъяснениями братья торопливо разоряли собственную богатую постройку, разом «демаскировали» то, что с такой тщательностью и терпением маскировалось на протяжении многих лет. Правда, никто в литературном мире и прежде не принимал Пруткова за чистую монету, а многим были положительно известны истинные авторы этого псевдонима. И все же в печати, за исключением единичных случаев, было как бы молчаливо условлено считать К. П. Пруткова особенным литератором. Теперь ему грозила опасность распадения и тем самым уничтожения как художественного единства.

Издание Полного собрания в 1884 году закрепило имя и состав творений Пруткова и пресекло безответственное приписывание ему всякого вздора. Успех издания опрокидывал опрометчивые предсказания тогдашних прогрессистов-либералов, находивших прутковский юмор чисто «балагурским», а потому устарелым

в новых, пореформенных условиях [1]. «Давно забытое имя» [2] оказывалось вовсе не забытым уже потому, что им охотно пользовались журнальные ловкачи; теперь же открылась его непреходящая популярность в публике. За восемьдесят лет со времени первого издания сочинения его в более или менее полном составе выходили двадцать раз [3],— а это немало, если к тому же учесть великие исторические перемены, происшедшие в эти годы.

Прежде чем пытаться уяснить, что такое Прутков, надо как-то разобраться в том, какие произведения мы подписываем этим именем. Прутков оставил наследство хотя и далеко не бедное, но несколько, так сказать, расстроенное. До сих пор невозможно определить раз и навсегда, что именно должно считаться прутковским, а что не должно. Причин тому несколько. Во-первых, если А. Толстой и Алексей Жемчужников, выступая с юмористикой или сатирой вне прутковского содружества, этой своей деятельности Пруткову и не приписывали, то Александр Жемчужников с 70-х годов не раз печатал под именем Пруткова свои безделушки, которые брат Владимир полупрезрительно называл «Сашенькины глупости». Во-вторых, протестуя против «Сашенькиного» самоуправства, его братья, готовя Собрание сочинений после смерти Толстого, в свою очередь досочиняли Пруткова. В-третьих, позднее в архиве Жемчужниковых советские исследователи раскопали немало текстов, в том числе и неотделанных, которые не только были подчас написаны после распада главного триумвирата, но по разным соображениям не публиковались и при жизни составителей «полного собрания».

Так постепенно «полный» Прутков становился все «полнее», хотя, строго говоря, следовало бы считать подлинно прутковскими произведениями лишь те, что были созданы до смерти Толстого и, по крайней мере, не без его ведома. Но и этого, к сожалению, нельзя знать с точностью.

Да и внутри самого прутковского «хозяйства» нет непреложной ясности. Ведь Козьма Прутков — это не только «сам» Козьма Петрович. В его лице объединены и «дед» Федот Кузьмич, и «отец»

---

[1] См., например, рецензию в журнале «Неделя», 1884, № 9, стр. 313—315.

[2] Об этом издевательски писал М. Филиппов, издатель журнала «Век», один из похитителей имени К. Пруткова (см. «Век», 1883, апрель, VI отдел, стр. 75—76).

[3] В это число не входят различные издания «избранных» произведений, состав которых беднее первого «полного собрания».

Петр Федотыч, и, наконец, даже «дети» Козьмы Петровича. В ряде случаев возникает настоящая путаница. Считать ли, например, произведением Пруткова пьесу «Любовь и Силин», которую Александр Жемчужников напечатал под этим именем? Недовольным братьям пришлось посчитаться с совершившимся фактом. В результате — неопределенный компромисс: сначала В. Жемчужников в целом отвергает комедию [1], а затем братья соглашаются считать ее все же прутковской. Но вот отыскалась превосходная сатира «Торжество добродетели»,— и из предисловия к ней уже оказывается, что «Любовь и Силин» — сочинение не самого Козьмы Петровича, а его детей. Заодно «выясняется», что ими же сочинена и... «Фантазия», которая появилась еще прежде самого имени Пруткова и была лишь затем ему приписана.

И однако, при всей пестроте материала нельзя согласиться с утверждением, будто «наследие Пруткова распадается... и почти без остатка на произведения отдельных авторов» [2]. Такое «распадение» представлялось действительным лет тридцать назад, когда прежде всего хотелось отыскать как можно больше текстов и обосновать их принадлежность хоть кому-нибудь из членов кружка. Тогда казалось, что неясное вот-вот прояснится. Теперь наступило время более придирчивого отношения и к уже найденному, и к его распределению. Так, едва ли можно считать то или иное произведение безусловно принадлежащим кому-либо только на основании того, кому принадлежит автограф: при коллективном творчестве вовсе не обязательно пишут в две или четыре руки.

Как мнимо ни «распадается» большая часть собрания Пруткова на сочинения отдельных авторов, как ни соблазнительно помочь такому «распадению» и оставшейся части, как ни подстрекательно звучит афоризм самого Пруткова, словно нарочно для этого случая предназначенный («не в совокупности ищи единства, но более — в единообразии разделения») — главное здесь все же *единство*, единый творческий облик.

Что лежит в основе такого единства? Может показаться, что никакого вопроса здесь нет, потому что ответ давно уже устоялся. Двое из создателей этой переменчивой маски точно определили в

---

[1] См. письмо А. Н. Пыпину от 15(27) февраля 1883 года.

[2] П. Берков, Неизданные и забытые произведения Козьмы Пруткова.— «Лит. наследство», № 3, М. 1932, стр. 225. Это дословно повторено в кн.: П. Н. Берков, Козьма Прутков, директор Пробирной палатки и поэт, изд. АН СССР, Л. 1933, стр. 165, и в кн.: Козьма Прутков, Полн. собр. сочинений, «Academia», М.—Л. 1933, стр. 591.

некрологе, биографии Пруткова и особенно в письмах, специально рассчитанных на оглашение, что Прутков есть пародия на всевозможные проявления «казенности» и ретроградства — сперва лишь литературного, а потом и политического,— которые так процветали «в эпоху суровой власти и предписанного мышления». Прутков — это образ литератора «типического, самодовольного, тупого, добродушного и благонамеренного», подражающего самым ходовым мотивам в стихах, самому потертому глубокомыслию в прозе. Добролюбов, рекомендуя, со своей стороны, читателю «Современника» очередные подборки стихов Пруткова, особенно ценит в них разоблачение приемов «чистого искусства» [1].

К началу нашего века Пруткова воспринимают уже в значительно смягченном виде: как забавника, комичного нелепостью своих претензий. Забываются пародируемые образцы, та конкретная злоба дня, на которую откликались многие творения Пруткова, и та едкость, с которой они язвили какое-нибудь явление или личность. На какое-то время Прутков, казалось, подобрел, стал покладистее — и пошлее. Венцом подобного восприятия является тихое празднование в 1913 году пятидесятилетия кончины Пруткова с юбилейным номером журнала «Сатирикон» во главе — этакое благонамеренно-либеральное торжество дарованной «свободы слова», когда упоминание чего-либо вроде: «камергер редко наслаждается природой» — кажется прямо-таки головокружительной смелостью.

После революции читателей Пруткова стало больше. Людям эпохи, когда во всех областях жизни ломались старые порядки и представления, оказался близким самый насмешливый тон прутковской музы. В поисках того, чем же именно интересны и теперь эти пародии на полузабытых подражателей античным или ложноромантическим темам, эти прописи казенной мудрости, эти невероятные нелепицы, именуемые «пьесами», и т. п.— в поисках всего этого наше литературоведение не сразу попало на верный путь. Так, в единственной до сего времени книге о Пруткове, среди интересных находок и наблюдений встречается и такой сфинкс: «В конечном счете, не по линии экономической и политической, а «чисто» литературной поэзия Пруткова была продуктом борьбы части дворянства, становившегося на путь «прусского» развития капитализма, против консервативно-феодальных и тяготевших к ним

---

[1] См. сопроводительные редакционные заметки к сериям «Пух и перья» (Н. А. Добролюбов, Полн. собр. соч., т. 6, ГИХЛ, М. 1939, стр. 128 и 156).

крупноторгово-капиталистических элементов русской реакции, поддерживавшейся всей системой николаевского самодержавия, николаевской казенности»[1]. Позднее становилось ясно, что какова бы ни была позиция создателей Пруткова относительно «прусского развития», она еще не объясняет живучести творений Пруткова, их созвучности столь разным эпохам, как середина XIX века и середина XX века.

И снова, но уже на новом уровне, внимание неизбежно обращается к тому, как на старости лет определили Пруткова его создатели: сатира на многоликую николаевскую реакцию — и отсюда на всякую идейную реакционность вообще, духовную нищету; сатира на николаевскую государственность — и отсюда на бюрократизм вообще и т. д. К началу 50-х годов злободневно прозвучало и другое: «примеры борьбы с эстетством, с преклонением перед всем иноземным, с проявлениями пошлости и гениальничанья», потому что «еще и до нашего времени встречаются иногда такие уродливые пережитки прошлого, как «желанье быть испанцем», стремление позировать на иноземный лад, имитировать ложное глубокомыслие...»[2]

Итак, смешная пародия, меткая сатира, саморазоблачение «пошлости» и «тупости»... Во всех этих выводах много очень верного. И все же — не весь Прутков, не вся правда о нем умещается в них. Остается не совсем понятным: что нам теперь, читающим стихотворения «Философ в бане», или «Письмо из Коринфа», или диалог «Спор древних греческих философов», до того, что когда-то хотелось осадить поэта Щербину, который назойливо (хотя подчас и очень мило) воспевал красоту в условно-античном вкусе? И может ли иметь какой-либо живой интерес то обстоятельство, что так называемая «драматическая пословица» «Блонды» является ответом журналисту, уколовшему аристократов Жемчужниковых подозрением в незнании светского тона? И уж наверное, не только высмеиванием взаимоотношений тогдашнего полковника и священника интересны для нас «Военные афоризмы».

В любых разговорах о Пруткове чаще всего отмечается его непроходимая «тупость», от которой становится «смешно». Такой штамп повторяется почти механически, как нечто само собою разумеющееся. А так ли это, если вдуматься? Что до «смешного», то на

---

[1] П. Н. Берков, Козьма Прутков, директор Пробирной палатки и поэт, изд. АН СССР, Л. 1933, стр. 92.

[2] Полное собрание сочинений Козьмы Пруткова, «Советский писатель», Л. 1949, стр. LV. Вступительная статья Б. Бухштаба.

наш теперешний взгляд многое у Пруткова совсем не вызывает настоящего смеха, а чтение подряд всей книжки даже утомительно. Представления о смешном тоже меняются. Во времена Пруткова, например, вызывали смех карикатуры, на которых к огромной голове с фотографически точными портретными чертами пририсовывалось крохотное тельце [1]. А теперь нас это не смешит. Но вот что любопытно: даже и в то время не всем читателям Прутков казался смешным. Пародийный характер его творчества раскусили быстро (благо объекты пародий были тогда хорошо известны), а сами пародии многих не посмешили. Что же говорить о наших современниках, среди которых гораздо большее число людей, захотев посмеяться, предпочтут скорее Ильфа и Петрова или Архангельского.

А насчет «тупости» недоумений должно быть еще больше. Б. Бухштаб, применивший для обозначения этого свойства несовместимое сочетание «бесконечная ограниченность», находит, например, «гениальным» по своей «тупости» стихотворение о юнкере Шмидте («Вянет лист...») [2]. Раньше оно называлось «Из Гейне» и скорее всего пародирует русских подражателей Гейне. Подражатели давно забыты, а пародия живет безотносительно к ним и к самому Гейне. Что-то подкупает в ней своей трогательностью, полнейшей незащищенностью от обличений со стороны критики, от насмешек. Оттого ли, что написана она А. Толстым еще до полной обрисовки мифического директора «Палатки», но только кажется, что сочинил это стихотворение не надменный петербургский чиновник с изжелта-коричневым лицом, а какой-нибудь уездный фельдшер или почтальон, умирающий от скуки и уныло мечтающий о неведомой «красивой» жизни. При одной превосходной рифме («лето» — «пистолета») и мастерской чеканке ритма, выдающих большого поэта, стихотворение в общем стилизовано под беспомощные любительские «стишки», которые тайно «пописывают» между делом. Самый неуклюжий перенос ударения ради сохранения метра («честнóе») явно указывает на насмешку.

И вместе с тем тут же, в тех же строках есть и добрая интонация. Если человеку, утратившему вкус к жизни, находящемуся в состоянии подавленности, скажут: «Юнкер Шмидт, честнóе слово,

---

[1] Еще популярнее такой прием был раньше,— так, к красивой головке королевы Марии-Антуанетты карикатуристы эпохи французской революции приделывали туловище свиньи, и это казалось смешным.

[2] Полное собрание сочинений Козьмы Пруткова, «Советский писатель», Л. 1949, стр. XXVI и XL.

лето возвратится!» — то это будет шуткой, но ведь ободряющей шуткой! Впрочем, в иных обстоятельствах, тоже желая ободрить, но пожестче, можно сказать и иначе: кажется, наш юнкер Шмидт из пистолета хочет застрелиться? или что-либо подобное. И такой смысл в стихотворении тоже потенциально заключен.

Еще пример — коротенькое стихотворение «Перед морем житейским». В позднейшем примечании, сопровождающем его публикацию, авторы указывают на «смущение» и даже на «отчаяние», которые овладели николаевским служакой Прутковым при известии о готовящихся реформах и привели его к созданию этого восьмистишия. Недаром казенный поэт хочет покончить с собой. Но предположим, что ничего не знаем о примечании. Прочтем:

Все стою на камне,—
Дай-ка брошусь в море...
Что пошлет судьба мне,
Радость или горе?..

Да ведь это (кроме, быть может, «Дай-ка») просто начало какой-нибудь неизвестной народной песни — задушевной, лиричной, печальной. Во второй же половине — уже намек на нелепость (вдруг сравнение с кузнечиком). Печаль дополняется иронией,— но не снимается ею, остается, только чуть «подправляется», и настроение пустенького вроде бы стиха оказывается сложнее, чем просто разоблачение отчаявшегося ретрограда.

Кстати, строка о почти вечном стоянии на камне («Все стою...») невольно вызывает в памяти другое, куда более сильное и популярное стихотворение, в котором есть знаменитая строчка о сидении на камне барона фон Гринвальдуса («Немецкая баллада»). Здесь не исключена возможность и прямой пародии на жанр рыцарской баллады (впрочем, к 1854 году этот обветшалый жанр уже не очень угрожал литературному прогрессу). Под внешне литературной пародией — подтрунивание над, казалось бы, безусловно положительным качеством — верностью. Иронический взгляд и до нее добрался,— он находит опасность в преувеличении даже такого свойства: окаменелое сидение на камне «все в той же позицьи» (тот же, между прочим, прием, что в «Юнкерс Шмидте»: «честнóе» — «позицьи») — и вот выспренне подчеркнутая верность оборачивается комической стороной. Неспроста стихотворение по кусочкам поминается тогда, когда надо вышутить или разоблачить каменное постоянство убеждений или поступков. И все это независимо от «немецких баллад».

Никакого непримиримого противоречия между добродушной шуткой и сатирической издевкой в этих и им подобных случаях нет. Корень дела — в особенностях русского юмора. Вне этих особенностей Козьма Прутков действительно может представиться развлекателем средней руки, к тому же изрядно устаревшим.

В свое время Достоевский, со свойственным ему крайне обостренным ощущением национальной самобытности русского народа, категорически заявил: «...Все-таки кажется несомненным, что европейцу, какой бы он ни был национальности, всегда легче выучиться другому европейскому языку и вникнуть в душу всякой другой европейской национальности, чем научиться русскому языку и понять нашу русскую суть... все характерное, все наше национальное по преимуществу (а стало быть, все истинно художественное), по моему мнению, для Европы неузнаваемо»[1]. Конечно, с этим нельзя согласиться безоговорочно, Достоевский преувеличивает. И все же, по крайней мере относительно нашего юмора, такое утверждение сохраняет известную правоту. Ведь чего-нибудь да стóит реальный опыт: сочинения Пруткова, насколько известно, почти не переводились на другие языки[2], в то время как иные юмористы с бóльшим или меньшим успехом поддаются иноязычной передаче, и чужое сознание в разной мере приближается к смыслу оригинала. Здесь же очень трудно, если не невозможно, приблизиться потому, что вне этой юмористической стихии в разных ее вариантах (от легкой шутки до ядовитой сатиры) вряд ли что ценное от Пруткова останется.

Особенности такого непосредственного, непереводимого юмора, идущего от очень здорового национального самосознания, нельзя кратко и однозначно сформулировать. Некоторые из них можно переживать только в конкретных образных претворениях.

Припомним снова представления о «безграничной» прутковской «тупости». Особенно часто говорится о ней применительно к «Мыслям и афоризмам». Так утверждал уже Алексей Жемчужников в упомянутом письме к брату: вместо «житейской мудрости» Прутков с важностью изрекает «общие места», «вламывается в открытые двери». Как говорится, авторам и книги в руки. Однако имеющаяся в виду «житейская мудрость» сама по себе тоже некое «общее место»! Так что «общее место» — вовсе еще не тот признак, по кото-

---

[1] Ф. М. Достоевский, Полн. собр. худож. произведений, т. XI, ГИЗ, М.—Л. 1929, стр. 71.

[2] В последние три года исключением стали славяне (Prutkov Kozma, Z voľných chvíľ. Bratisl., 1961; Prutkow Koźma, Puch i pierze. (Satyry i aforyzmy). «Iskry», Warszawa, 1962).

рому пародия отлична от подлинной мудрости. Значит, различие в чем-то ином.

Вот два афоризма:

«Шпионы подобны букве «Ъ». Они нужны в некоторых только случаях, но и тут можно без них обойтиться, а они привыкли всюду соваться».

«Девицы вообще подобны шашкам: не всякой удается, но всякой желается попасть в дамки».

Второй из них принадлежит Пруткову, в нем пародирована «житейская мудрость». А первый принадлежит Пушкину и ровно ничего не пародирует. Просто Пушкин высказывает некую сентенцию в том стиле, острота которого была обозначена им самим: «отменно тонко и умно, что нынче несколько смешно». Оба афоризма внешне очень похожи, что видно и на первый взгляд. В обоих неожиданно сближены предметы, вроде бы не имеющие никаких существенных общих свойств: шпион — и буква «Ъ»; девицы — и шашки. Они сближены лишь на основании случайно возникшей далекой ассоциации. Такое неожиданное сближение рождает комизм: кто бы мог подумать, что шпион похож на «Ъ» [1], а вот оказывается, какое подобие, это забавно.

И все же дух пушкинского высказывания отличается от прутковского. При всей насмешливости Пушкин высказывает свое игривое рассуждение без «задней мысли». Это то, что называется «житейской мудростью». Впрочем, для Пушкина такие «мудрости» — лишь гимнастика ума, побочный продукт живого и активного воображения. Не то у Пруткова. Для него изречения — любимое дело. Он совершенно серьезен. Его сочинители — остроумные люди, им тесно в рамках стилизованной буквальной «тупости», вроде: «Ревнивый муж подобен турку». Они выходят за рамки и тоже изрекают «мудрости»: «Достаток распутного равняется короткому одеялу: натянешь его к носу, обнажатся ноги» (чем не тришкин кафтан!) и многое тому подобное.

Все дело в том, что предметом вышучивания является не «тупость» как таковая, а именно самая, с позволения сказать, «мудрость», точнее — та безапелляционность и то беспредельное самодовольство рассудка, с которым он, торжествуя, накидывает свою сетку на неуловимо разнообразную живую жизнь.

---

[1] Скорее, впрочем, наоборот, потому что Пушкина занимают в данном случае проблемы русской грамматики (Пушкин, Полн. собр. соч., т. 11, изд. АН СССР, 1949, стр. 149. Статья «Опровержение на критики»).

Таким образом, Алексей Жемчужников, противопоставляя прутковскую «тупость» «житейской мудрости» обычных афоризмов, на склоне лет явно недооценивал масштаба своих более молодых проказ. Недаром его брат Владимир в письме А. Н. Пыпину (от (24)12 февраля 1884 года) признавался в то же время, что они (братья) уже стары, «да и духом не прежние». А «прежнее» состояние «духа» было куда агрессивнее. Высмеивалась не нелепая глупость только, а безмерные притязания всякой отвлеченной мысли. И когда Прутков выступает с многообразными пародиями на «мудрость», то в этом сказывается, быть может, также и косвенная реакция на рационализм, например на просветительскую веру в безграничную преобразующую силу разума. Но, как часто бывает, с изменением исторических условий такой возможный консервативный элемент выветривается, и для людей новой эпохи в афоризмах Пруткова звучит прежде всего очень здоровая нота — отвращение от абстрактного и самонадеянного умствования.

Развенчание ложной мудрости проводится так, как обычно происходит в пародии: посредством известного, так сказать, «пересаливания», путем доведения глубокомыслия до верха претенциозности [1]. Например: «Кончина наступает однажды, а ждем мы ее всю жизнь: боязнь смерти мучительней, чем сама жизнь». Это серьезно говорит французский писатель Лабрюйер [2]. Мысль претендует на универсальность и абсолютную правоту. Видимо, невольно, но с ней перекликается Прутков: «Смерть для того поставлена в конце жизни, чтобы удобнее к ней приготовиться». Выдержан глубокомысленный тон, сохранен и формально-логический костяк. Достаточно чуть вдуматься, чтобы стало очевидно нелепым допущение того, что смерть могла бы быть и как-то иначе «поставлена», а не «в конце», что здесь еще нужны какие-то особые мотивировки. В свете такой шутки и серьезная сентенция уже не кажется такой незыблемой, абсолютной.

Суждения подобного рода вовсе не обязательно рассмешат в буквальном смысле. Но ведь юмор и не сводится всецело только к «смешному». Юмор — это особого рода мысль, это вольная или невольная оценка. Там, где юмор выступает в форме пародии, он чаще всего является *переоценкой* чего-то привычного, он является

---

[1] «Механизм» пародий на стихи поэтов «чистого искусства» прослежен в кн.: П. Н. Берков, Козьма Прутков, директор Пробирной палатки и поэт, изд. АН СССР, Л. 1933, стр. 173—177.

[2] Жан де Лабрюйер, Характеры, или Нравы нынешнего века, «Художественная литература», М.—Л. 1964, стр. 239.

свежим, насмешливым взглядом, проникающим внутрь предмета сквозь, казалось бы, непререкаемую правильность оболочки.

Недаром сам Прутков после первых же своих выступлений в печати протестует против того, чтобы его творения назывались пародиями: «...Я пишу пародии? Отнюдь!..» В самом деле, такая «пародия», будучи столь же «общим местом», что и пародируемый предмет, оказывается — как это ни удивительно — ближе к действительной жизни и потому истиннее. Она мудрее серьезной непререкаемой «мудрости». Жизнь сложна, и наше познание ее, как известно, в каждый момент относительно. Именно диалектику в познании жизни,— пусть в самом обыденном виде,— и несут в себе мнимо дурашные афоризмы Пруткова.

Будучи гибкими от пропитывающей их внутренней иронии, они не старятся в разных условиях и случаях жизни — и потому они долговечнее неподвижно абсолютной «мудрости». А последняя, напротив, часто звучит куда пошлее, вроде: «Лучше скажи мало, но хорошо». Кто только ни повторяет эту мнимозначительную пропись! И Прутков не отстает от таких своих читателей: ведь приведенная максима взята из его сочинений, иначе говоря, в неприкосновенности перенесена им «из жизни». И у Пруткова много подобных примеров того, как «мудрость» сама себя сатирически поедает, сама себя пародирует.

Следует еще раз подчеркнуть, что положение остроумцев — опекунов Пруткова — было нелегким. Им постоянно надо было, следуя принятым рамкам (соблюдению прутковской маски), сдерживать желание, свойственное каждому человеку: высказать не пародийное, а просто острое словцо. И они нередко «проговаривались», словно забыв о маске. В самом деле, что, собственно, «казенного» в таком, например, изречении: «Век живи — век учись! и ты, наконец, достигнешь того, что, подобно мудрецу, будешь иметь право сказать, что ничего не знаешь». Оно достойно войти в любую хрестоматию «максим и афоризмов». Его невеселая ирония не только не «тупа», но она даже противоречит направленности «казенных» мыслей Пруткова, поскольку выступает на стороне того серьезного глубокомыслия, которое в них пародируется. Можно думать, что именно по этой причине целый ряд удачных афоризмов (как и только что приведенный) не были включены авторами в книгу сочинений Пруткова.

Афоризмы — не только наиболее популярный жанр его творчества, но и самая определенная его часть. Про басни, например, этого никак не скажешь. Трудно уловить что-либо пародийное в

басне «Помещик и Трава», или «Помещик и Садовник», или «Разница вкусов». Последнее — просто остроумная, хорошая басня, заключительное присловье которой («Тебе, дружок, и горький хрен — малина...») напоминает даже пушкинскую притчу о художнике, сапожнике и разнице вкусов («Суди, дружок, не выше сапога»). А ведь написана эта басня В. Жемчужниковым, который, в отличие от всех остальных участников содружества, никак больше не писательствовал, как только для Пруткова. И лишь известная архаичность жанра (басня, «максимы») да отдельные словечки могли напомнить о том, что все это сочинено директором «палатки» и имеет отношение к пародии.

Итак, понятие пародийности применительно к Пруткову оказывается довольно условным. Можно проделать такой опыт: читая разнообразные произведения Пруткова, держать все время перед своим мысленным оком тот облик автора, который запечатлен на знаменитом портрете (украшающем и эту книжку). И очень часто окажется, что творение и облик автора плохо связываются, никак не срастаются. Конечно, так случается и с реальными писателями — но ведь духовно-физический облик Пруткова придуман нарочно, со специальной целью «соответствовать»! Что-то «непрутковское» в Пруткове давно подмечали проницательные люди. Один из них, сам превосходный пародист, удивлялся: «Пародии на поэтов того времени, в высшей степени удачные, не могут, однако, принадлежать Пруткову, который был бы другой личностью, если бы умел так верно замечать отрицательные стороны чужой поэзии... Сами по себе эти произведения — образцы в своем роде по меткости и тонкости» [1].

Такое частое несоответствие указывает не просто на известную пестроту, о чем сказано, но прежде всего на большую широту, на бесшабашье даже, с которым в пределах «творений Пруткова» разгулялась юмористическая стихия. В размахе ее самый образ надутого чиновника и директора выступает лишь *одним из обличий,* одной из масок того, что называется «Прутков». А портрет оказывается одним из разноликих его «творений».

Эту подлинную двуплановость надо обязательно иметь в виду, чтобы понять глубину в «тупости» мнимого автора, реальный смысл многих бессмыслиц (вроде «Фантазии», произведшей целый скандал в театре). Ведь часто дело представляется в таком, говоря схе-

---

[1] Статья Вл. С. Соловьева. Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауз — И. А. Ефрон, т. 25а, СПб. 1898, стлб. 634.

матически, упрощенном виде: читателя поначалу ошарашивает комизм нелепости, но потом он начинает понимать, что эта нелепость отражает (если не как зеркало, то как увеличительное стекло) нелепость определенных явлений; невежество и тупость Пруткова — увеличенный портрет невежества и тупости бюрократа и т. п.; т. е., нелепость отражает нелепость, тупость — тупость же и т. п., и получается замкнутый круг. Тогда якобы серьезное содержание, скрытое под формой глупости, оказывается на поверку совсем не столь уж серьезным, во всяком случае преходящим. Выходит: изживем остатки бюрократизма — и выбросим Пруткова за ненадобностью. Упрощение, как можно видеть, состоит в том, что не чувствуется глубинный слой, единая основа того разномастного материала, от которого на поверхности чуть ли не рябит в глазах.

Эта основа — органическая связь и меткой сатиры, и словесных (от переизбытка сил!) дурачеств, которыми развлекались веселые аристократы, с глубоким народным корнем. Его смысл поэтично обрисовал Гоголь в размышлении Чичикова после того, как встретившийся ему мужичонка двумя словами разом очертил все плюшкинское своеобразие. Это тот «сам-самородок, живой и бойкий русский ум, что не лезет за словом в карман»; «всякий народ», отличаясь «каждый своим собственным словом», выражает в нем «часть собственного своего характера»; и «нет слова, которое было бы так замашисто, бойко... так бы кипело и животрепетало, как метко сказанное русское слово» [1]. Самое «слово», самый способ «выражаться» есть полноценное проявление «бойкого» русского народного ума. Прутков переполнен этой стихией, и потому его нельзя свести всецело к «пародии» в узком смысле такого понятия.

Именно желание раскрыть многоцветность такого слова, поиграть им так, чтобы вся его прелесть выступила выпуклее, приводит, например, к созданию «Выдержек из записок моего деда». Здесь, как известно, эффект создается искусно стилизованной старомодностью, обилием обветшалых слов и конструкций. Надо думать, что для нашего современника этот юмористический эффект ярче, чем для людей, живших сто лет назад, а лет двести назад он был бы почти незаметным, и соответствующие анекдоты (буде их тогда бы рассказали) могли быть оценены только с точки зрения своей голой занимательности. Слог же подобный был делом обычным. Вот как тогда писали образованные люди, хорошо владеющие

---

[1] Н. В. Гоголь, Собр. соч. в 6-ти томах, т. 5, Гослитиздат, М. 1959, стр. 113, 114.

литературным русским языком: «Теперь уведомляю вас о довольно странной и примечания заслуживающей конверсации, которую имел со мною король шведский в прошедший понедельник. За несколько ден перед сим сделал он мне приватную визиту, которой я ответствовал равномерною с своей стороны... Пришед к нему и, после обыкновенных комплиментов, начал говорить про офицеров и дворянство. Тут ничего примечания достойного не замыкалось...» и т. п. [1].

Это было нормой. Прошло немало времени, и на самый когда-то примелькавшийся способ «выражаться», вышедший из обихода, можно было взглянуть заново, как бы удивленным взглядом, и заметить не только его стародедовскую неуклюжесть, но и своеобразную грацию в этой неуклюжести. Нарочито пустое сообщение «деда», облеченное в тяжелый и важный слог, претендует на значительность и оказывается комичным.

Поэтому подчас бессмысленно в каждой из подобных «гисторий» или в пьесах «Фантазия», «Блонды», «Опрометчивый турка», или во всех «военных афоризмах» непременно искать «бичевания» во что бы то ни стало. Комично бы выглядел человек, который бы стал утверждать, что, например, в анекдоте «Лучше побольше, чем поменьше» прежде всего разоблачается немецкая скаредность (поданы только кильки), педантичность (килек ровно пять, по числу гостей), тупая бесцеремонность (вопрос хозяина гостям о съеденной лишней кильке). И действительно: неужели ради такого убогого «разоблачения» стоило писать, печатать и потом многократно перепечатывать эту безделушку?..

Или еще. Когда читаешь крошечную басню «Пастух, Молоко и Читатель», то вряд ли приходит в голову: вот, мол, какое удачное разоблачение разных глупых басен! Эта басня — шедевр «чистого» остроумия, это как бы *излишек* смешливости русского ума и словоохотливости, которых оказывается все же больше, чем надо даже для самых больших практических целей, для оформления серьезной мысли, и потому они перехлестывают через край [2]. Пастух, унесший свое Молоко куда-то в бесконечность; Читатель, поставлен-

---

[1] Император Павел Первый, историко-биографический очерк Н. К. Шильдера, СПб. 1901, стр. 130. (Письмо наследника Павла Н. И. Панину.)

[2] Эта басня, по предположению Б. Бухштаба, возможно, и не принадлежит «непременным членам» содружества, но ими охотно принята как вполне соответствующая общему духу прутковского творчества.

ный заголовком в число «действующих лиц», хотя он и не участвует в «сюжете» (подобно тому, как знаменитые «Незабудки» были в другой басне помянуты просто для «шутки») — как можно все это строго-рационально истолковать?

Еще в старое время один критик заметил по поводу шуточного стихотворения А. К. Толстого «Вонзил кинжал убийца нечестивый...» и ему подобных: «...Ключ ли к ним утратился, или они сочинены вообще во славу бессмыслицы, но только всякий комментатор рискует очутиться в глупом положении, если начнет изощрять свое остроумие в их серьезном толковании» [1]. Как известно, самый талантливый поэт в прутковском кружке А. Толстой любил и независимо от Пруткова предаваться стихотворной игре словами и алогизмами. Даже у Козьмы Петровича не часто встретишь такие экстравагантности, как толстовские рифмованные наставления в куплетах «Мудрость жизни», вроде:

Будь всегда душой обеда,
Не брани чужие щи
И из уха у соседа
Дерзко ваты не тащи...—

а это еще самое благопристойное! Не удивителен потому тот громадный размах, которого достигает нелепость в коллективно созданных пьесах.

Ставится заведомо абсурдная задача: создать словесную основу вроде бы нормального сценического зрелища *из ничего* или из такого пустякового зерна, как, скажем, упомянутая идея «драматической пословицы» «Блонды» насчет учтивости и проч. В этом отношении замечательно «разговорно-естественное представление» «Опрометчивый турка, или Приятно ли быть внуком?».

Как в басне о Молоке ни при чем был Читатель, так и здесь, разумеется, ни Турка не появляется, ни вопроса о приятности быть внуком не возникает. Взят уже популярный у читателя и полюбившийся авторам [2] афоризм о поощрении и канифоли — и буквально раздут в «представление», в целую сцену. А она в свою очередь произвольно оборвана, что называется, «на самом интересном месте»: как раз тогда, когда злополучный скрипач Иван Семеныч, отец многих детей, «не считая рожденных от первого брака и случайно», со-

---

[1] Н. Котляревский, Старинные портреты, СПб. 1907, стр. 388.

[2] Обратим внимание на эпиграфы ко всем трем разделам «Полного собрания сочинений» К. Пруткова.

бирается открыть невероятную тайну. Как-нибудь разбирать «сюжет» этого произведения просто невозможно (потому что его нет), выискивать сатирическую цель тоже: не на начальника же здесь сатира, что обиделся из-за игры без канифоли!

Создается особая, вязкая смесь диких анекдотов и словесного озорства — а вяжется «действие» (т. е. бездействие) «плавным, важным, авторитетным» голосом Миловидова, который в своей основополагающей речи никак не может из-за помех сдвинуться дальше первых двух фраз, время от времени слово в слово монотонно повторяя начало. Когда, например, гоголевский почтмейстер с удовольствием повторяет городничему при всем уездном обществе знаменитого «сивого мерина» из письма Хлестакова, то здесь ясна определенная цель и героя и автора. А когда Миловидов в малейшую паузу, образующуюся по ходу бессвязной, словно пьяной беседы, вставляет свое: «Итак, нашего Ивана Семеныча больше не существует...» и т. д. — то здесь такой повтор только подчеркивает издевательство всего «представления» над здравым смыслом [1]. «Здравая» логика, в частности, «подразделила» все возможные «представления» «на многие отрасли, как-то: на комедии, трагедии, драмы, оперы, пантомимы, водевили и хороводы», — а вот такого «естественно-разговорного» жанра так и не предусмотрела!

Интересно, что сами создатели Пруткова отлично знали по опыту, как нелепо-серьезно могут быть восприняты (и воспринимались, начиная отзывами о «Фантазии» [2]) его сочинения. Вряд ли случайно в одном из оригинальнейших прутковских жанров — «военных афоризмах», где тесно сплетаются самая едкая сатира на солдафонство с невероятной словесной бутадой, появляется подстрочный комментатор — командир полка. Это поистине один из сильнейших сатирических образов Пруткова, достойный стать в один ряд с образом самого директора Пробирной палатки, что сочинил «Проект: о введении единомыслия в России». Вот уж подлинно олицетворение тупости.

Полковник сразу же начинает серьезничать. Он читает: «Проходя город Кострому, заезжай справа по одному» — и примечает:

---

[1] Вспомним хотя бы, как, «оттолкнувшись» от цитаты из стихотворения Лермонтова, князь Батог-Батыев отправляется странствовать на Восток, — «а сзади, как вы сами можете себе представить, синеет гнилой Запад!», и наконец он забирается в такую «самую восточную страну», где и спереди восток, и с боков восток, и сзади восток, — «короче: везде и повсюду один нескончаемый восток!».

[2] Они собраны в книге П. Н. Беркова «Козьма Прутков, директор Пробирной палатки и поэт», изд. АН СССР, Л. 1933, стр. 47—50.

«Это можно отнести и к другим городам. Видна односторонность». Недоумение критика растет все более: «Чтобы полковнику служба везла, он должен держать полкового козла». Впрочем, в том, что полковник и полковой козел поставлены рядом, причем служебное благополучие первого предопределено присутствием второго, заключена известная двусмысленность и проблескивает издевка. Но где уж чинуше, взявшемуся за перо критика, понять то, что говорил Гоголь о русском уме! И он начинает раздражаться: «В этом нет никакого смысла. К чему тут козел?» Казалось бы, явно дразнит тупицу двадцать восьмой афоризм, построенный на рифме: «сорокам — сроком», но тот не унимается: «Опять нет смысла. Сороки не служат». Предположение о скопце, командующем штабом, вызывает почти беспомощное: «Когда же это бывает?»

В примечаниях полковника сквозит, однако, не только достойная жалости умственная невинность. Замечая, что в сочинении офицера Фаддея Пруткова не упоминается о службе «престол — отечеству», что в них есть «неприличный намек на маневры» и т. п., критик делает как бы косвенный политический донос, на всякий случай, как бы чего не вышло, отдаленно перекликаясь с будущим чеховским Беликовым. В свете такой невольной переклички образ «мысли» критика-ретрограда приобретает немалую актуальность. Как до сих пор не изжито «желание быть испанцем» и т. п., так еще, к сожалению, не совсем перевелась та порода критиков, которые, надежно огородившись частоколом соответствующих проверенных цитат, видят «односторонность», чуть ли не преступность, во всякой попытке мысли выйти за пределы общих мест, за пределы самоочевидного. Можно представить себе недоумение и страх подобного фельдфебеля, назначенного в Вольтеры (говоря известными грибоедовскими словами), когда он, зная, что в пьесе должна быть и завязка, и развязка, и многое другое, читает прутковские пьесы и отчаивается: при чем тут турка? Когда же это бывает? Такой критик даже автора «Медного всадника» обвинил бы в мистике за «тяжелозвонкое скаканье» (ибо «когда же это бывает?»), если бы этим автором был не Пушкин.

Если «Проект...», сочиненный чиновником К. П. Прутковым и предвосхищающий, как уже отмечалось, знаменитые щедринские «проекты»[1], являет собою открытую сатиру на охранительство и

[1] Напр., в «Дневнике провинциала в Петербурге». См. об этом упомянутый комментарий Б. Бухштаба в кн.: Полное собрание сочинений Козьмы Пруткова, «Советский писатель», Л. 1949, стр. 377.

особых разъяснений не требует, то «Военные афоризмы» или «Торжество добродетели» — произведения более сложного рода.

Так, последнее — великолепная сатира на обстановку всеобщей слежки и подозрительности в деспотическом государстве, которое, «наслаждаясь либеральными политическими учреждениями, повинуется вместе с тем малейшему указанию власти». В обычную схему комедии о борьбе за «местечко» с взаимными подножками и пр. авторы вводят агента «министерства народного подозрения», который, «целуя взасос» очередную жертву, с беспредельным сладострастьем «вписывает» ее в специальный реестр: «Я в настоящее время знаю очень немногих благонадежных,— остальные почти все у нас вписаны. Скоро придется вписать и последних». Политически казнив своих «друзей», полковник Биенинтенсионне — весь умиление: «Друзья мои! Позвольте утереть слезу сострадания и расцеловать вас! (Утирает слезу сострадания...)» и т. д. Такое политическое обличение впору хоть самому Щедрину.

Но Прутков есть Прутков: только читатель настроился на восприятие «всамделишной» сатиры, как вдруг министр вторично требует экипаж: «Карету, как сказано выше!..» Актуальная для условий тогдашней России сатира, и подтрунивание над чересчур облегченным «легким» жанром, и просто избыточная жизнерадостная «бойкость» — все это в неразложимом сплаве придает фарсу о «министре плодородия», как и многим другим характерным вещам Пруткова, неповторимый отпечаток.

Козьма Прутков требует от читателя особого настроения. В известном смысле, он — обманщик: его лицо обещает гораздо менее того, что может дать его книга. Поэтому, вознамерившись просто развлечься, посмеяться над «казенностью» и т. п., можно закрыть эту книгу с разочарованием. Только помня о том, что Прутков глубже и значительнее плоского «обличительства», можно ощутить его неповторимость в многообразии русской литературы.

В. Сквозников



Поощрение столь же необходимо гениальному писателю, сколь необходима канифоль смычку виртуоза.

«Плоды раздумья» Козьмы Пруткова

ПРЕДИСЛОВИЕ

Читатель, вот мои «Досуги»... Суди беспристрастно! Это только частица написанного. Я пишу с детства. У меня много неконченого (d'inachevé)! Издаю пока отрывок. Ты спросишь: зачем? Отвечаю: я хочу славы. Слава тешит человека. Слава, говорят, «дым»; это неправда. Я этому не верю!

Я поэт, поэт даровитый! Я в этом убедился; убедился, читая других: если они поэты, так и я тоже!.. Суди, говорю, сам, да суди беспристрастно! Я ищу справедливости; снисхожденья не надо; я не прошу снисхожденья!..

Читатель, до свиданья! Коли эти сочинения понравятся, прочтешь и другие. Запас у меня велик, материалов много; нужен только зодчий, нужен архитектор; я хороший архитектор!

Читатель, прощай! Смотри же, читай со вниманьем, да не поминай лихом!

Твой доброжелатель —

Козьма Прутков.

11 апреля
1853 года (annus, i) [1]

---

[1] год, года *(лат.)*.

ПИСЬМО ИЗВЕСТНОГО КОЗЬМЫ ПРУТКОВА
К НЕИЗВЕСТНОМУ ФЕЛЬЕТОНИСТУ «С.-ПЕТЕРБУРГСКИХ ВЕДОМОСТЕЙ» (1854 г.), ПО ПОВОДУ СТАТЬИ СЕГО ПОСЛЕДНЕГО[1]

Фельетонист, я пробежал твою статейку в № 80 «С.-Петербургских ведомостей». Ты в ней упоминаешь обо мне; это ничего. Но ты в ней неосновательно хулишь меня! За это не похвалю, хотя ты, очевидно, домогаешься моей похвалы.

Ты утверждаешь, что я пишу пародии? Отнюдь!.. Я совсем не пишу пародий! Я никогда не писал пародий! Откуда ты взял, будто я пишу пародии?! Я просто анализировал в уме своем большинство поэтов, имевших успех; этот анализ привел меня к синтезису; ибо дарования, рассыпанные между другими поэтами порознь, оказались совмещенными все во мне едином!.. Прийдя к такому сознанию, я решился писать. Решившись писать, я пожелал славы. Пожелав славы, я избрал вернейший к ней путь: *подражание* именно тем поэтам, которые уже приобрели ее в некоторой степени. Слышишь ли? — «подражание», а не пародию!.. Откуда же ты взял, будто я пишу пародии?!

В этом направлении написан мною и «Спор древних греческих философов об изящном». Как же ты, фельетонист, уверяешь, будто для него «нет образца в современной

[1] Письмо это было напечатано в журнале «Современник» 1854 г.

литературе»? Я, твердый в своем направлении, как кремень, не мог бы и написать этот «Спор», если бы не видел для него «образца в современной литературе»!.. Тебе показалась устарелою *форма* этого «Спора»; и тут не так! Форма самая обыкновенная, разговорная, драматическая, вполне соответствующая этому, истинно драматическому, моему созданию!.. Да и где ты видел, чтобы драматические произведения были написаны не в разговорной форме?!

Затем ты, подобно другим, приписываешь, кажется, моему перу и «Гномов» и прочие «Сцены из обыденной жизни»? [1] О, это жестокая ошибка! Ты вчитайся в оглавление, вникни в мои произведения и тогда поймешь, как дважды два четыре: что в «Ералаши» мое и что не мое!..

Послушай, фельетонист! — я вижу по твоему слогу, что ты еще новичок в литературе; однако ты уже успел набить себе руку; это хорошо! Теперь тебе надо добиваться славы; слава тешит человека!.. Слава, говорят, «дым»; но это неправда! Ты не верь этому, фельетонист! — Итак, во имя литературной твоей славы, прошу тебя: не называй вперед моих произведений пародиями! Иначе я тоже стану уверять, что все твои фельетоны не что иное, как пародии; ибо они как две капли воды похожи на все прочие газетные фельетоны!

Между моими произведениями, напротив, не только нет пародий, но даже не всё подражание; а есть настоящие, неподдельные и крупные самородки!.. Вот ты так пародируешь меня, и очень неудачно! Напр., ты говоришь: «Пародия должна быть направлена против чего-нибудь, имеющего более или *менее* (!) серьезный смысл; иначе она будет пустою забавою». Да это прямо из моего афоризма: «Бросая в воду камешки, смотри на круги, ими образуемые; иначе такое бросание будет пустою забавою!..»

В написанном небрежно всегда будет много недосказанного, неконченого (d'inachevé).

Твой доброжелатель

Козьма Прутков.

---

[1] Под этими заглавиями были помещены в «Современнике» чужие, т. е. не мои, хотя также очень хорошие произведения, на страницах «Ералаши». Смешивать эти произведения с моими могут только люди, не имеющие никакого вкуса и ничего не понимающие! *Примечание К. Пруткова.*



МОЙ ПОРТРЕТ

Когда в толпе ты встретишь человека,
Который наг; [1]
Чей лоб мрачней туманного Казбека,
Неровен шаг;
Кого власы подъяты в беспорядке;
Кто, вопия,
Всегда дрожит в нервическом припадке,—
Знай: это я!

Кого язвят со злостью вечно новой,
Из рода в род;
С кого толпа венец его лавровый
Безумно рвет;

---

[1] *Вариант:* «На коем фрак». *Примечание К. Пруткова.*

Кто ни пред кем спины не клонит гибкой,—
Знай: это я!..
В моих устах спокойная улыбка,
В груди — змея!

НЕЗАБУДКИ И ЗАПЯТКИ

Басня

Трясясь Пахомыч на запятках,
Пук незабудок вез с собой;
Мозоли натерев на пятках,
Лечил их дома камфарой.

Читатель! в басне сей откинув незабудки,
Здесь помещенные для шутки,
Ты только это заключи:
Коль будут у тебя мозоли,
То, чтоб избавиться от боли,
Ты, как Пахомыч наш, их камфарой лечи.

ЧЕСТОЛЮБИЕ

Дайте силу мне Самсона;
Дайте мне Сократов ум;
Дайте легкие Клеона,
Оглашавшие форум;
Цицерона красноречье,
Ювеналовскую злость,
И Эзопово увечье,
И магическую трость!

Дайте бочку Диогена;
Ганнибалов острый меч,
Что за славу Карфагена
Столько вый отсек от плеч!
Дайте мне ступню Психеи,
Сапфы женственный стишок,
И Аспазьины затеи,
И Венерин поясок!

Дайте череп мне Сенеки;
Дайте мне Вергильев стих,—
Затряслись бы человеки
От глаголов уст моих!
Я бы, с мужеством Ликурга,
Озираяся кругом,
Стогны все Санктпетербурга
Потрясал своим стихом!

Для значения инова
Я исхитил бы из тьмы
Имя славное *Пруткова,*
Имя громкое *Козьмы!*

КОНДУКТОР И ТАРАНТУЛ

Басня

В горах Гишпании тяжелый экипаж
С кондуктором отправился в вояж.
Гишпанка, севши в нем, немедленно заснула;
А муж ее, меж тем, увидя таранту́ла,
Вскричал: «Кондуктор, стой!
Приди скорей! ах, боже мой!»
На крик кондуктор поспешает
И тут же веником скотину выгоняет,
Примолвив: «Денег ты за место не платил!» —
И тотчас же его пятою раздавил.

Читатель! разочти вперед свои депансы [1],
Чтоб даром не дерзать садиться в дилижансы,
И норови, чтобы отнюдь
Без денег не пускаться в путь;
Не то случится и с тобой, что с насекомым,
Тебе знакомым.

---

[1] издержки, расходы (от *франц.* dépenses).

ПОЕЗДКА В КРОНШТАДТ

***Посвящено сослуживцу моему
по министерству финансов,
г. Бенедиктову***

Пароход летит стрелою,
Грозно мелет волны в прах
И, дымя своей трубою,
Режет след в седых волнах.

Пена клубом. Пар клокочет.
Брызги перлами летят.
У руля матрос хлопочет.
Мачты в воздухе торчат.

Вот находит туча с юга,
Все чернее и черней...
Хоть страшна на суше вьюга,
Но в морях еще страшней!

Гром гремит, и молньи блещут...
Мачты гнутся, слышен треск...
Волны сильно в судно хлещут...
Крики, шум, и вопль, и плеск!

На носу один стою я [1],
И стою я, как утес.

[1] Здесь, конечно, разумеется нос парохода, а не поэта; читатель сам мог бы догадаться об этом. *Примечание К. Пруткова.*

Морю песни в честь пою я,
И пою я не без слез.

Море с ревом ломит судно.
Волны пенятся кругом.
Но и судну плыть нетрудно
С Архимедовым винтом.

Вот оно уж близко к цели.
Вижу,— дух мой объял страх! —
Ближний след наш еле-еле,
Еле видится в волнах...

А о дальнем и помину,
И помину даже нет;
Только водную равнину,
Только бури вижу след!..

Так подчас и в нашем мире:
Жил, писал поэт иной,
Звучный стих ковал на лире
И — исчез в волне мирской!..

Я мечтал. Но смолкла буря;
В бухте стал наш пароход.
Мрачно голову понуря,
Зря на суетный народ:

«Так,— подумал я,— на свете
Меркнет светлый славы путь;
Ах, ужель я тоже в Лете
Утону когда-нибудь?!»

МОЕ ВДОХНОВЕНИЕ

Гуляю ль один я по Летнему саду[1],
В компанье ль с друзьями по парку хожу,
В тени ли березы плакучей присяду,
На небо ли молча с улыбкой гляжу —
Все дума за думой в главе неисходно,
Одна за другою докучной чредой,
И воле в противность и с сердцем несходно,
Теснятся, как мошки над теплой водой!
И, тяжко страдая душой безутешной,
Не в силах смотреть я на свет и людей:
Мне свет представляется тьмою кромешной;
А смертный — как мрачный, лукавый злодей!

И с сердцем незлобным и с сердцем смиренным,
Покорствуя думам, я делаюсь горд;
И бью всех и раню стихом вдохновенным,
Как древний Атилла, вождь дерзостных орд...
И кажется мне, что тогда я главою
Всех выше, всех мощью духовной сильней,
И кружится мир под моею пятою,
И делаюсь я все мрачней и мрачней!..
И, злобы исполнясь, как грозная туча,
Стихами я вдруг над толпою прольюсь:
И горе подпавшим под стих мой могучий!
Над воплем страданья я дико смеюсь.

---

[1] Считаем нужным объяснить для русских провинциалов и для иностранцев, что здесь разумеется так называемый «Летний сад» в С.-Петербурге. *Примечание К. Пруткова.*

ЦАПЛЯ И БЕГОВЫЕ ДРОЖКИ

Басня

На беговых помещик ехал дрожках.
Летела цапля; он глядел.
«Ах! почему такие ножки
И мне Зевес не дал в удел?»
А цапля тихо отвечает:
«Не знаешь ты, Зевес то знает!»

Пусть баснь сию прочтет всяк строгий семьянин:
Коль ты татарином рожден, так будь татарин;
Коль мещанином — мещанин,
А дворянином — дворянин.
Но если ты кузнец и захотел быть барин,
То знай, глупец,
Что наконец
Не только не дадут тебе те длинны ножки,
Но даже отберут коротенькие дрожки.

ЮНКЕР ШМИДТ

Вянет лист. Проходит лето.
Иней серебрится...
Юнкер Шмидт из пистолета
Хочет застрелиться.

Погоди, безумный, снова
Зелень оживится!
Юнкер Шмидт! честно́е слово,
Лето возвратится!

РАЗОЧАРОВАНИЕ

Я. П. Полонскому

Поле. Ров. На небе солнце.
А в саду, за рвом, избушка.
Солнце светит. Предо мною
Книга, хлеб и пива кружка.

Солнце светит. В клетках птички.
Воздух жаркий. Вкруг молчанье.
Вдруг проходит прямо в сени
Дочь хозяйкина, Маланья.

Я иду за нею следом.
Выхожу я также в сенцы;
Вижу: дочка на веревке
Расстилает полотенцы.

Говорю я ей с упреком:
«Что ты мыла? не жилет ли?
И зачем на нем не шелком,
Ниткой ты подшила петли?»

А Маланья, обернувшись,
Мне со смехом отвечала:
«Ну так что ж, коли не шелком?
Я при вас ведь подшивала!»

И затем пошла на кухню.
Я туда ж за ней вступаю.
Вижу: дочь готовит тесто
Для обеда к караваю.

Обращаюсь к ней с упреком:
«Что готовишь? не творог ли?»
«Тесто к караваю».—«Тесто?»
«Да; вы, кажется, оглохли?»

И, сказавши, вышла в садик.
Я туда ж, взяв пива кружку.
Вижу: дочка в огороде
Рвет созревшую петрушку.

Говорю опять с упреком:
«Что нашла ты? уж не гриб ли?»
«Все болтаете пустое!
Вы и так, кажись, охрипли».

Пораженный замечаньем,
Я подумал: «Ах, Маланья!
Как мы часто детски любим
Недостойное вниманья!»

ЭПИГРАММА
№ 1

«Вы любите ли сыр?» — спросили раз ханжу.
«Люблю,— он отвечал,— я вкус в нем нахожу».

ЧЕРВЯК И ПОПАДЬЯ

Басня [1]

Однажды к попадье заполз червяк за шею;
И вот его достать велит она лакею.
Слуга стал шарить попадью...
«Но что ты делаешь?!» — «Я червяка давлю».

Ах, если уж заполз к тебе червяк за шею,
Сама его дави и не давай лакею.

---

[1] Эта басня, как и всё, впервые печатаемое в «Полн. собр. сочинений К. Пруткова», найдена в оставшихся после его смерти сафьянных портфелях за нумерами и с печатною золоченою надписью: *«Сборник неоконченного (d'inachevé) №».*

АКВИЛОН

В память г. Бенедиктову

С сердцем грустным, с сердцем полным,
Дувр оставивши, в Кале
Я по ярым, гордым волнам
Полетел на корабле.

То был плаватель могучий,
Крутобедрый гений вод,
Трехмачтовый град плавучий,
Стосаженный скороход.
Он, как конь донской породы,
Шею вытянув вперед,
Грудью сильной режет воды,
Грудью смелой в волны прет.
И, как сын степей безгранных,
Мчится он поверх пучин
На крылах своих пространных,
Будто влажный сарацин.
Гордо волны попирает
Моря страшный властелин,
И чуть-чуть не досягает
Неба чудный исполин.
Но вот-вот уж с громом тучи
Мчит Борей с полнощных стран.
Укроти свой бег летучий,
Вод соленых ветеран!..

Нет! гигант грозе не внемлет;
Не страшится он врага.
Гордо голову подъемлет,
Вздулись верви и бока,
И бегун морей высокий
Волнорежущую грудь
Пялит в волны и широкий
Прорезает в море путь.

Восшумел Борей сердитый,
Раскипелся, восстонал;
И, весь пеною облитый,
Набежал девятый вал..
Великан наш накренился,
Бортом воду зачерпнул;
Парус в море погрузился;
Богатырь наш потонул...

И страшный когда-то ристатель морей
Победную выю смиренно склоняет;
И с дикою злобой свирепый Борей
На жертву тщеславья взирает.

И мрачный, как мрачные севера ночи,
Он молвит, насупивши брови на очи:
«Все водное — водам, а смертное — смерти;
Все влажное — влагам, а твердое — тверди!»

И, послушные веленьям,
Ветры с шумом понеслись,
Парус сорвали в мгновенье;
Доски с треском сорвались.
И все смертные уныли,
Сидя в страхе на досках,
И неволею поплыли,
Колыхаясь на волнах.

Я один, на мачте сидя,
Руки мощные скрестив,
Ничего кругом не видя,
Зол, спокоен, молчалив.

И хотел бы я во гневе,
Морю грозному в укор,
Стих, в моем созревший чреве,
Изрыгнуть, водам в позор!
Но они с немой отвагой,
Мачту к берегу гоня,
Лишь презрительною влагой
Дерзко плескают в меня.

И вдруг, о спасенье своем помышляя,
Заметив, что боле не слышен уж гром,
Без мысли, но с чувством на влагу взирая,
Я гордо стал править веслом.

ЖЕЛАНИЯ ПОЭТА

Хотел бы я тюльпаном быть,
Парить орлом по поднебесью,
Из тучи ливнем воду лить
Иль волком выть по перелесью.

Хотел бы сделаться сосною,
Былинкой в воздухе летать,
Иль солнцем землю греть весною,
Иль в роще иволгой свистать.

Хотел бы я звездой теплиться,
Взирать с небес на дольний мир,
В потемках по небу скатиться,
Блистать, как яхонт иль сапфир.

Гнездо, как пташка, вить высоко,
В саду резвиться стрекозой,
Кричать совою одиноко,
Греметь в ушах ночной грозой...

Как сладко было б на свободе
Свой образ часто так менять
И, век скитаясь по природе,
То утешать, то устрашать!

ПАМЯТЬ ПРОШЛОГО

Как будто из Гейне

Помню я тебя ребенком,
Скоро будет сорок лет;
Твой передничек измятый,
Твой затянутый корсет.

Было в нем тебе неловко;
Ты сказала мне тайком:
«Распусти корсет мне сзади;
Не могу я бегать в нем».

Весь исполненный волненья,
Я корсет твой развязал...
Ты со смехом убежала,
Я ж задумчиво стоял.

РАЗНИЦА ВКУСОВ

Басня [1]

Казалось бы, ну как не знать
Иль не слыхать
Старинного присловья,
Что спор о вкусах — пустословье?
Однако ж раз, в какой-то праздник,
Случилось так, что с дедом за столом,
В собрании гостей большом,
О вкусах начал спор его же внук, проказник.
Старик, разгорячась, сказал среди обеда:
«Щенок! тебе ль порочить деда?
Ты молод: все тебе и редька и свинина;
Глотаешь в день десяток дынь;
Тебе и горький хрен — малина,
А мне и бланманже — полынь!»

Читатель! в мире так устроено издавна:
Мы разнимся в судьбе,
Во вкусах и подавно;
Я это басней пояснил тебе.
С ума ты сходишь от Берлина;
Мне ж больше нравится Медынь.
Тебе, дружок, и горький хрен — малина,
А мне и бланманже — полынь.

---

[1] В первом издании (см. журнал «Современник», 1853 г.) эта басня была озаглавлена: «Урок внучатам»,— в ознаменование действительного происшествия в семье Козьмы Пруткова.

ПИСЬМО ИЗ КОРИНФА

Древнее греческое

Посвящено г. Щербине

Я недавно приехал в Коринф.
Вот ступени, а вот колоннада.
Я люблю здешних мраморных нимф
И истмийского шум водопада.

Целый день я на солнце сижу.
Трусь елеем вокруг поясницы.
Между камней паросских слежу
За извивом слепой медяницы.

Померанцы растут предо мной,
И на них в упоенье гляжу я.
Дорог мне вожделенный покой.
«Красота! красота!» — все твержу я.

А на землю лишь спустится ночь,
Мы с рабыней совсем обомлеем...
Всех рабов высылаю я прочь
И опять натираюсь елеем.

* * *

Романс

На мягкой кровати
Лежу я один.
В соседней палате
Кричит армянин.

Кричит он и стонет,
Красотку обняв,
И голову клонит;
Вдруг слышно: пиф-паф!..

Упала девчина
И тонет в крови...
Донской казачина
Клянется в любви...

А в небе лазурном
Трепещет луна;
И с шнуром мишурным
Лишь шапка видна.

В соседней палате
Замолк армянин.
На узкой кровати
Лежу я один.

ДРЕВНИЙ ПЛАСТИЧЕСКИЙ ГРЕК

Люблю тебя, дева, когда золотистый
И солнцем облитый ты держишь лимон,
И юноши зрю подбородок пушистый
Меж листьев аканфа и белых колонн.

Красивой хламиды тяжелые складки
Упали одна за другой...
Так в улье шумящем вкруг раненой матки
Снует озабоченный рой.

ПОМЕЩИК И САДОВНИК

Басня

Помещику однажды в воскресенье
Поднес презент его сосед.
То было некое растенье,
Какого, кажется, в Европе даже нет.
Помещик посадил его в оранжерею;
Но как он сам не занимался ею
(Он делом занят был другим:
Вязал набрюшники родным),
То раз садовника к себе он призывает
И говорит ему: «Ефим!
Блюди особенно ты за растеньем сим;
Пусть хорошенько прозябает».
Зима настала между тем.
Помещик о своем растенье вспоминает
И так Ефима вопрошает:
«Что? хорошо ль растенье прозябает?»
«Изрядно,— тот в ответ,— прозябло уж совсем!»

Пусть всяк садовника такого нанимает,
Который понимает,
Что значит слово «прозябает».

БЕЗВЫХОДНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ

г. Аполлону Григорьеву,
по поводу статей его в «Москвитянине»
1850-х годов[1]

Толпой огромною стеснилися в мой ум
Разнообразные, удачные сюжеты,
С завязкой сложною, с анализом души
И с патетичною, загадочной развязкой.
Я думал в «мировой поэме» их развить,
В большом, посредственном иль в маленьком масштабе.
И уж составил план. И к миросозерцанью
Высокому свой ум стараясь приучить,
Без задней мысли, я к простому пониманью
Обыденных основ стремился всей душой.
Но, верный новому в словесности ученью,
Другим последуя, я навсегда отверг:
И личности протест, и разочарованье,
Теперь дешевое, и модный наш дендизм,
И без основ борьбу, страданья без исхода,
И антипатии болезненной причуды!
А чтоб не впасть в абсурд, изгнал экстравагантность...

---

[1] В этом стихотворном письме К. Прутков отдает добросовестный отчет в безуспешности приложения теории литературного творчества, настойчиво проповеданной г. Аполлоном Григорьевым в «Москвитянине».

Очистив главную творения идею
От ей несвойственных и пошлых положений,
Уж разменявшихся на мелочь в наше время,
Я отстранил и фальшь и даже форсировку
И долго изучал без устали, с упорством
Свое, в изгибах разных, внутреннее «Я».
Затем, в канву избравши фабулу простую,
Я взгляд установил, чтоб мертвой копировкой
Явлений жизненных действительности грустной
Наносный не внести в поэму элемент.
И технике пустой не слишком предаваясь,
Я тщился разъяснить творения процесс
И «слово новое» сказать в своем созданье!..

С задатком опытной практичности житейской,
С запасом творческих и правильных начал
С избытком сил души и выстраданных
чувств,
На данные свои взирая объективно,
Задумал типы я и идеал создал;
Изгнал все частное и индивидуальность;
И очертил свой путь, и лица обобщил;
И прямо, кажется, к предмету я отнесся;
И, поэтичнее его развить хотев,
Характеры свои зараней обусловил;
Но разложенья вдруг нечаянный момент
Настиг мой славный план, и я вотще стараюсь
Хоть точку в сей беде исходную найти!

В АЛЬБОМ КРАСИВОЙ ЧУЖЕСТРАНКЕ

Написано в Москве

Вокруг тебя очарованье.
Ты бесподобна. Ты мила.
Ты силой чудной обаянья
К себе поэта привлекла.
Но он любить тебя не может:
Ты родилась в чужом краю,
И он охулки не положит,
Любя тебя, на честь свою.

СТАН И ГОЛОС

Басня

Хороший стан, чем голос звучный,
Иметь приятней во сто крат.
Вам это пояснить я басней рад.

Какой-то становой, собой довольно тучный,
Надевши ваточный халат,
Присел к открытому окошку
И молча начал гладить кошку.
Вдруг голос горлицы внезапно услыхал...
«Ах, если б голосом твоим я обладал,—
Так молвил пристав,— я б у тещи
Приятно пел в тенистой роще
И сродников своих пленял и услаждал!»
А горлица на то головкой покачала
И становому так, воркуя, отвечала:
«А я твоей завидую судьбе:
Мне голос дан, а стан тебе».

ОСАДА ПАМБЫ

Романсеро, с испанского

Девять лет дон Педро Гомец,
По прозванью Лев Кастильи,
Осаждает замок Памбу,
Молоком одним питаясь.
И все войско дона Педра,
Девять тысяч кастильянцев,
Все, по данному обету,
Не касаются мясного,
Ниже хлеба не снедают;
Пьют одно лишь молоко.
Всякий день они слабеют,
Силы тратя попустому.
Всякий день дон Педро Гомец
О своем бессилье плачет,
Закрываясь епанчою.
Настает уж год десятый.
Злые мавры торжествуют;
А от войска дона Педра
Налицо едва осталось
Девятнадцать человек.
Их собрал дон Педро Гомец
И сказал им: «Девятнадцать!
Разовьем свои знамена,
В трубы громкие взыграем
И, ударивши в литавры,

Прочь от Памбы мы отступим
Без стыда и без боязни.
Хоть мы крепости не взяли,
Но поклясться можем смело
Перед совестью и честью:
Не нарушили ни разу
Нами данного обета,—
Целых девять лет не ели,
Ничего не ели ровно,
Кроме только молока!»
Ободренные сей речью,
Девятнадцать кастильянцев,
Все, качаяся на седлах,
В голос слабо закричали:
«Sancto Jago Compostello! [1]
Честь и слава дону Педру,
Честь и слава Льву Кастильи!»
А каплан его Диего
Так сказал себе сквозь зубы:
«Если б я был полководцем,
Я б обет дал есть лишь мясо,
Запивая сантуринским».
И, услышав то, дон Педро
Произнес со громким смехом:
«Подарить ему барана;
Он изрядно подшутил».

---

[1] Святой Иаков Компостельский! *(исп.)*

ЭПИГРАММА
№ II

Раз архитектор с птичницей спознался.
И что ж? — в их детище смешались две натуры:
Сын архитектора — он строить покушался,
Потомок птичницы — он строил только «куры».

ДОБЛЕСТНЫЕ СТУДИОЗУСЫ

Как будто из Гейне

Фриц Вагнер, студьозус из Иены,
Из Бонна Иерóнимус Кох
Вошли в кабинет мой с азартом,
Вошли, не очистив сапог.

«Здорово, наш старый товарищ!
Реши поскорее наш спор:
Кто доблестней: Кох или Вагнер?» —
Спросили с бряцанием шпор.

«Друзья! вас и в Иене и в Бонне
Давно уже я оценил.
Кох логике славно учился,
А Вагнер искусно чертил».

Ответом моим недовольны:
«Решай поскорее наш спор!» —
Они повторили с азартом
И с тем же бряцанием шпор.

Я комнату взглядом окинул
И, будто узором прельщен,
«Мне нравятся очень... *обои!*» —
Сказал им и выбежал вон.

Понять моего каламбура
Из них ни единый не мог,
И долго стояли в раздумье
Студьозусы Вагнер и Кох.

ШЕЯ

Моему сослуживцу г. Бенедиктову

Шея девы — наслажденье;
Шея — снег, змея, нарцисс;
Шея — ввысь порой стремленье;
Шея — склон порою вниз.
Шея — лебедь, шея — пава,
Шея — нежный стебелек;
Шея — радость, гордость, слава;
Шея — мрамора кусок!..
Кто тебя, драгая шея,
Мощной дланью обоймет?
Кто тебя, дыханьем грея,
Поцелуем пропечет?
Кто тебя, крутая выя,
До косы от самых плеч,
В дни июля огневые
Будет с зоркостью беречь:
Чтоб от солнца, в зной палящий,
Не покрыл тебя загар;
Чтоб поверхностью блестящей
Не пленился злой комар;
Чтоб черна от черной пыли
Ты не сделалась сама;
Чтоб тебя не иссушили
Грусть, и ветры, и зима?!

ПОМЕЩИК И ТРАВА

Басня

На родину со службы воротясь,
Помещик молодой, любя во всем успехи,
Собрал своих крестьян: «Друзья, меж нами связь —
Залог утехи;
Пойдемте же мои осматривать поля!»
И, преданность крестьян сей речью воспаля,
Пошел он с ними купно.
«Что ж здесь мое?» — «Да все,— ответил голова.—
Вот тимофеева трава...»
«Мошенник! — тот вскричал,— ты поступил преступно!
Корысть мне недоступна;
Чужого не ищу; люблю свои права!
Мою траву отдать, конечно, пожалею;
Но эту возвратить немедля Тимофею!»

Оказия сия, по мне, уж не нова.
Антонов есть огонь, но нет того закону,
Чтобы всегда огонь принадлежал Антону.

НА ВЗМОРЬЕ

На взморье, у самой заставы,
Я видел большой огород.
Растет там высокая спаржа;
Капуста там скромно растет.

Там утром всегда огородник
Лениво проходит меж гряд;
На нем неопрятный передник;
Угрюм его пасмурный взгляд.

Польет он из лейки капусту;
Он спаржу небрежно польет;
Нарежет зеленого луку
И после глубоко вздохнет.

Намедни к нему подъезжает
Чиновник на тройке лихой.
Он в теплых, высоких галошах,
На шее лорнет золотой.

«Где дочка твоя?» — вопрошает
Чиновник, прищурясь в лорнет,
Но, дико взглянув, огородник
Махнул лишь рукою в ответ.

И тройка назад поскакала,
Сметая с капусты росу...
Стоит огородник угрюмо
И пальцем копает в носу.

КАТЕРИНА

Quousque tandem, Catilina,
abutere patientia nostra?

Цицерон

«При звезде, большого чина,
Я отнюдь еще не стар...
Катерина! Катерина!»
«Вот, несу вам самовар».
«Настоящая картина!»
«На стене, что ль? это где?»
«Ты картина, Катерина!»
«Да, в препорцию везде».
«Ты девица; я мужчина...»
«Ну, так что же впереди?»
«Точно уголь, Катерина,
Что-то жжет меня в груди!»
«Чай горяч, вот и причина».
«А зачем так горек чай,
Объясни мне, Катерина?»
«Мало сахару, я, чай?»
«Словно нет о нем помина!»
«А хороший рафинад».
«Горько, горько, Катерина,
Жить тому, кто не женат!»
«Как монахи все едино,
Холостой ли иль вдовец!»
«Из терпенья, Катерина,
Ты выводишь наконец!!»

НЕМЕЦКАЯ БАЛЛАДА

Барон фон Гринвальдус,
Известный в Германьи,
В забралах и в латах,
На камне пред замком,
Пред замком Амальи,
Сидит принахмурясь;
  Сидит и молчит.

Отвергла Амалья
Баронову руку!..
Барон фон Гринвальдус
От замковых окон
Очей не отводит
И с места не сходит;
  Не пьет и не ест.

Года за годами...
Бароны воюют,
Бароны пируют...
Барон фон Гринвальдус,
Сей доблестный рыцарь,
Все в той же позицьи
  На камне сидит.

ЧИНОВНИК И КУРИЦА

Басня

Чиновник толстенький, не очень молодой,
По улице, с бумагами под мышкой,
Потея и пыхтя и мучимый одышкой,
Бежал рысцой.
На встречных он глядел заботливо и странно,
Хотя не видел никого.
И колыхалася на шее у него,
Как маятник, с короной Анна.
На службу он спешил, твердя себе: «Беги,
Скорей беги! Ты знаешь,
Что экзекутор наш с той и другой ноги
Твои в чулан упрячет сапоги,
Коль ты хотя немножко опоздаешь!»
Он все бежал. Но вот
Вдруг слышит голос из ворот:
«Чиновник! окажи мне дружбу;
Скажи, куда несешься ты?» — «На службу!»
«Зачем не следуешь примеру моему,
Сидеть в спокойствии? признайся напоследок!»
Чиновник, курицу узревши этак
Сидящую в лукошке, как в дому,
Ей отвечал: «Тебя увидя,
Завидовать тебе не стану я никак;
Несусь я, точно так,
Но двигаюсь вперед; а ты несешься сидя!»

Разумный человек коль баснь сию прочтет,
То, верно, и мораль из оной извлечет.

ФИЛОСОФ В БАНЕ

С древнего греческого

Полно меня, Левконоя, упругою гладить ладонью;
Полно по чреслам моим вдоль поясницы скользить.
Ты позови Дискомета, ременно-обутого Тавра;
В сладкой работе твоей быстро он сменит тебя.
Опытен Тавр и силен; ему нипочем притиранья!
На спину вскочит как раз; в выю упрется пятой.
Ты же меж тем щекоти мне слегка безволосое темя;
Взрытый наукою лоб розами тихо укрась.

НОВОГРЕЧЕСКАЯ ПЕСНЬ

Спит залив. Эллада дремлет.
Под портик уходит мать
Сок гранаты выжимать...
Зоя! нам никто не внемлет!
Зоя, дай себя обнять!

Зоя, утренней порою
Я уйду отсюда прочь;
Ты смягчись, покуда ночь!
Зоя, утренней порою
Я уйду отсюда прочь...

Пусть же вихрем сабля свищет!
Мне Костаки не судья!
Прав Костаки, прав и я!
Пусть же вихрем сабля свищет;
Мне Костаки не судья!

В поле брани Разорваки
Пал за вольность, как герой.
Бог с ним! рок его такой.
Но зачем же жив Костаки,
Когда в поле Разорваки
Пал за вольность, как герой?!

Видел я вчера в заливе
Восемнадцать кораблей;
Все без мачт и без рулей...
Но султана я счастливей;
Лей вина мне, Зоя, лей!

Лей, пока Эллада дремлет,
Пока тщетно тщится мать
Сок гранаты выжимать...
Зоя, нам никто не внемлет!
Зоя, дай себя обнять!

В АЛЬБОМ N. N.

Желанья вашего всегда покорный раб,
Из книги дней моих я вырву полстраницы
И в ваш альбом вклею... Вы знаете, я слаб
Пред волей женщины, тем более девицы.
Вклею!.. Но вижу я, уж вас объемлет страх!
Змеей тоски моей пришлось мне поделиться;
Не целая змея теперь во мне, но — ах! —
Зато по ползмеи в обоих шевелится.

ОСЕНЬ

С персидского, из Ибн-Фета

Осень. Скучно. Ветер воет.
Мелкий дождь по окнам льет.
Ум тоскует; сердце ноет;
И душа чего-то ждет.

И в бездейственном покое
Нечем скуку мне отвесть...
Я не знаю: что такое?
Хоть бы книжку мне прочесть!

ЗВЕЗДА И БРЮХО

Басня

На небе, вечерком, светилася звезда.
Был постный день тогда:
Быть может, пятница, быть может, середа.
В то время пó саду гуляло чье-то брюхо
И рассуждало так с собой,
Бурча и жалобно и глухо:
«Какой
Хозяин мой
Противный и несносный!
Затем, что день сегодня постный,
Не станет есть, мошенник, до звезды;
Не только есть — куды! —
Не выпьет и ковша воды!..
Нет, право, с ним наш брат не сладит:
Знай бродит по саду, ханжа,
На мне ладони положа;
Совсем не кормит, только гладит».

Меж тем ночная тень мрачней кругом легла.
Звезда, прищурившись, глядит на край окольный;
То спрячется за колокольней,
То выглянет из-за угла,
То вспыхнет ярче, то сожмется,

Над животом исподтишка смеется...
Вдруг брюху ту звезду случилось увидать.
Ан хвать!
Она уж кубарем несется
С небес долой,
Вниз головой,
И падает, не удержав полета;
Куда ж? — в болото!
Как брюху быть? Кричит: «ахти!» да «ах!»
И ну ругать звезду в сердцах.
Но делать нечего: другой не оказалось,
И брюхо, сколько ни ругалось,
Осталось,
Хоть вечером, а натощак.

Читатель! басня эта
Нас учит не давать, без крайности, обета
Поститься до звезды,
Чтоб не нажить себе беды.
Но если уж пришло тебе хотенье
Поститься для душеспасенья,
То мой совет
(Я говорю из дружбы):
Спасайся, слова нет,
Но главное: не отставай от службы!
Начальство, день и ночь пекущееся о нас,
Коли сумеешь ты прийтись ему по нраву,
Тебя, конечно, в добрый час
Представит к ордену святого Станислава.
Из смертных не один уж в жизни испытал,
Как награждают нрав почтительный и скромный.
Тогда,— в день постный, в день скоромный,—
Сам будучи степенный генерал,
Ты можешь быть и с бодрым духом
И с сытым брюхом!
Ибо̀ кто ж запретит тебе всегда, везде
Быть при звезде?

ПУТНИК

Баллада

Путник едет косогором;
Путник по полю спешит.
Он обводит тусклым взором
Степи снежной грустный вид.

«Ты к кому спешишь навстречу,
Путник гордый и немой?»
«Никому я не отвечу;
Тайна то души больной!

Уж давно я тайну эту
Хороню в груди своей
И бесчувственному свету
Не открою тайны сей:

Ни за знатность, ни за злато,
Ни за груды серебра,
Ни под взмахами булата,
Ни средь пламени костра!»

Он сказал и вдаль несется
Косогором, весь в снегу.
Конь испуганный трясется,
Спотыкаясь на бегу.

Путник с гневом погоняет
Карабахского коня.
Конь усталый упадает,
Седока с собой роняет
И под снегом погребает
Господина и себя.

Схороненный под сугробом,
Путник тайну скрыл с собой.
Он пребудет и за гробом
Тот же гордый и немой.

ЖЕЛАНИЕ БЫТЬ ИСПАНЦЕМ

Тихо над Альгамброй.
Дремлет вся натура.
Дремлет замок Памбра.
Спит Эстремадура.

Дайте мне мантилью;
Дайте мне гитару;
Дайте Инезилью,
Кастаньетов пару.

Дайте руку верную,
Два вершка булату,
Ревность непомерную,
Чашку шоколату.

Закурю сигару я,
Лишь взойдет луна...
Пусть дуэнья старая
Смотрит из окна!

За двумя решетками
Пусть меня клянет;
Пусть шевелит четками,
Старика зовет.

Слышу на балконе
Шорох платья,— чу! —
Подхожу я к донне,
Сбросил епанчу.

Погоди, прелестница!
Поздно или рано
Шелковую лестницу
Выну из кармана!..

О синьора милая,
Здесь темно и серо...
Страсть кипит унылая
В вашем кавальеро.

Здесь, перед бананами,
Если не наскучу,
Я между фонтанами
Пропляшу качучу.

Но в такой позиции
Я боюся, страх,
Чтобы инквизиции
Не донес монах!

Уж недаром мерзостный,
Старый альгвазил
Мне рукою дерзостной
Давеча грозил.

Но его, для сраму, я
Маврою [1] одену;
Загоню на самую
На Сьерра-Морену!

---

[1] Здесь, очевидно, разумеется племенное имя: *мавр, мавританин,* а не женщина *Мавра.* Впрочем, это объяснение даже лишнее; потому что о другом магометанском племени тоже говорят иногда в женском роде: *турка.* Ясно, что этим определяются восточные нравы. *Примечание К. Пруткова.*

И на этом месте,
Если вы мне рады,
Будем петь мы вместе
Ночью серенады.

Будет в нашей власти
Толковать о мире,
О вражде, о страсти,
О Гвадалквивире;

Об улыбках, взорах,
Вечном идеале,
О тореадорах
И об Эскурьяле...

Тихо над Альгамброй.
Дремлет вся натура.
Дремлет замок Памбра.
Спит Эстремадура.

ДРЕВНЕЙ ГРЕЧЕСКОЙ СТАРУХЕ,
ЕСЛИ Б ОНА ДОМОГАЛАСЬ МОЕЙ ЛЮБВИ

Подражание Катуллу

Отстань, беззубая!.. твои противны ласки!
С морщин бесчисленных искусственные краски,
Как известь, сыплются и падают на грудь.
Припомни близкий Стикс и страсти позабудь!
Козлиным голосом не оскорбляя слуха,
Замолкни, фурия!.. Прикрой, прикрой, старуха,
Безвласую главу, пергамент желтых плеч
И шею, коею ты мнишь меня привлечь!
Разувшись, на руки надень свои сандальи;
А ноги спрячь от нас куда-нибудь подалей!
Сожженной в порошок, тебе бы уж давно
Во урне глиняной покоиться должно.

ПАСТУХ, МОЛОКО И ЧИТАТЕЛЬ

Басня

Однажды нес пастух куда-то молоко,
Но так ужасно далеко,
Что уж назад не возвращался.

Читатель! он тебе не попадался?

РОДНОЕ

Отрывок из письма
И. С. Аксакову[1]

В борьбе суровой с жизнью душной
Мне любо сердцем отдохнуть;
Смотреть, как зреет хлеб насущный
Иль как мостят широкий путь.
Уму легко, душе отрадно,
Когда увесистый, громадный,
Блестящий искрами гранит
В куски под молотом летит...
Люблю подсесть подчас к старухам,
Смотреть на их простую ткань.
Люблю я слушать русским ухом
На сходках родственную брань.

Вот собралися: «Эй, ты, леший!
А где зипун?» — «Какой зипун?»
«Куда ты прешь? знай, благо, пеший!»
«Эк, чертов сын!» — «Эк, старый врун!»
. . . .
. . . .
И так друг друга, с криком вящим,
Язвят в колене восходящем.
. . . .
. . . .

---

[1] Здесь помещается только отрывок недоконченного стихотворения, найденного в сафьянном портфеле Козьмы Пруткова, имеющем золоченую печатную надпись: *«Сборник неоконченного (d'inachevé) № 2»*.

БЛЕСТКИ ВО ТЬМЕ

Над плакучей ивой
Утренняя зорька...
А в душе тоскливо,
И во рту так горько.

Дворик постоялый
На большой дороге...
А в душе усталой
Тайные тревоги.

На озимом поле
Псовая охота...
А на сердце боли
Больше отчего-то.

В синеве небесной
Пятнышка не видно...
Почему ж мне тесно?
Отчего ж мне стыдно?

Вот я снова дома:
Убрано роскошно...
А в груди истома
И как будто тошно!

Свадебные брашна,
Шутка-прибаутка...
Отчего ж мне страшно?
Почему ж мне жутко?

ПЕРЕД МОРЕМ ЖИТЕЙСКИМ [1]

Все стою на камне,—
Дай-ка брошусь в море...
Что пошлет судьба мне,
Радость или горе?

Может, озадачит...
Может, не обидит...
Ведь кузнечик скачет,
А куда — не видит.

---

[1] Напоминаем, что это стихотворение написано Козьмою Прутковым в момент отчаяния и смущения его по поводу готовившихся правительственных реформ. (См. об этом выше, в «Биографических сведениях».)

МОЙ СОН

Уж солнце зашло; пылает заря.
Небесный покров, огнями горя,
Прекрасен.
Хотелось бы ночь напролет проглядеть
На горнюю, чудную, звездную сеть;
Но труд мой усталость и сон одолеть
Напрасен!

Я силюсь не спать, но клонит ко сну.
Боюся, о музы, вдруг я засну
Сном вечным?
И кто мою лиру в наследство возьмет?
И кто мне чело вкруг венком обовьет?
И плачем поэта в гробу помянет
Сердечным?

Ах! вот он, мой страж! милашка луна!..
Как пышно средь звезд несется она,
Блистая!..
И, с верой предавшись царице ночей,
Поддался я воле усталых очей,
И видел во сне, среди светлых лучей,
Певца я.

И снилося мне, что я тот певец;
Что в тайные страсти чуждых сердец
Смотрю я

И вижу все думы сокрытые их,
А звуки рекой из-под пальцев моих
Текут по вселенной со струн золотых,
Чаруя.

И слава моя гремит, как труба.
И песням моим внимает толпа
Со страхом.
Но вдруг... я замолк, заболел, схоронен;
Землею засыпан; слезой орошен...
И в честь мне воздвигли семнадцать колонн
Над прахом.

И к Фебу предстал я, чудный певец.
И с радостью Феб надел мне венец
Лавровый.
И вкруг меня нимфы теснятся толпой;
И Зевс меня гладит всесильной рукой;
Но — ах! — я проснулся, к несчастью, живой,
Здоровый!

ПРЕДСМЕРТНОЕ

Найдено недавно, при ревизии Пробирной Палатки, в делах сей последней

Вот час последних сил упадка
От органических причин...
Прости, Пробирная Палатка,
Где я снискал высокий чин,
Но музы не отверг объятий
Среди мне вверенных занятий!

Мне до могилы два-три шага...
Прости, мой стих! и ты, перо!
И ты, о писчая бумага,
На коей сеял я добро!
Уж я потухшая лампадка
Иль опрокинутая лодка!

Вот, все пришли... Друзья, бог помочь!..
Стоят гишпанцы, греки вкруг...
Вот юнкер Шмидт... Принес Пахомыч
На гроб мне незабудок пук...
Зовет Кондуктор... *Ах!..*

Необходимое объяснение

Это стихотворение, как указано в заглавии оного, найдено недавно, при ревизии Пробирной Палатки, в секретном деле, за время управления сею Палаткою Козьмы Пруткова. Сослуживцы и подчиненные покойного, допрошенные господином ревизором порознь, единогласно показали: что стихотворение сие написано им, вероятно, в тот самый день и даже перед самым тем мгновением, когда все чиновники Палатки были внезапно, в присутственные часы, потрясены и испуганы громким воплем: *«Ax!»*, раздавшимся из директорского кабинета. Они бросились в этот кабинет и усмотрели там своего директора, Козьму Петровича Пруткова, недвижимым, в кресле перед письменным столом. Они бережно вынесли его в этом же кресле, сначала в приемный зал, а потом в его казенную квартиру, где он мирно скончался через три дня. Господин ревизор признал эти показания достойными полного доверия по следующим соображениям: 1) почерк найденной рукописи сего стихотворения во всем схож с тем несомненным почерком усопшего, коим он писал свои собственноручные доклады по секретным делам и многочисленные административные проекты; 2) содержание стихотворения вполне соответствует объясненному чиновниками обстоятельству, и 3) две последние строфы сего стихотворения писаны весьма нетвердым, дрожащим почерком, с явным, но тщетным усилием соблюсти прямизну строк; а последнее слово: *«Ax!»* даже не написано, а как бы вычерчено густо и быстро, в последнем порыве улетающей жизни. Вслед за этим словом имеется на бумаге большое чернильное пятно, происшедшее явно от пера, выпавшего из руки. На основании всего вышеизложенного господин ревизор, с разрешения министра финансов, оставил это дело без дальнейших последствий, ограничившись извлечением найденного стихотворения из секретной переписки директора Пробирной Палатки и передачею оного совершенно частно, через сослуживцев покойного Козьмы Пруткова, ближайшим его сотрудникам. Благодаря такой счастливой случайности это предсмертное знаменательное стихотворение Козьмы Пруткова делается в настоящее время достоянием отечественной публики. Уже в последних двух стихах 2-й строфы, несомненно, выказывается предсмертное замешательство мыслей и слуха покойного; а читая третью строфу, мы как бы присутствуем лично при прощании поэта с творениями его музы. Словом, в этом стихотворении отпечатлелись все подробности любопытного перехода Козьмы Пруткова в иной мир, прямо с должности директора Пробирной Палатки.



ЭПИГРАММА
№ II

Мне, в размышлении глубоком,
Сказал однажды Лизимах:
«Что зрячий зрит здоровым оком,
Слепой не видит и в очках!»

К ТОЛПЕ

Клейми, толпа, клейми в чаду сует всечасных
Из низкой зависти мой громоносный стих:
Тебе не устрашить питомца муз прекрасных.
Тебе не сокрушить треножников златых!..
Озлилась ты?! так зри ж, каким огнем презренья,
Какою гордостью горит мой ярый взор,
Как смело черпаю я в море вдохновенья
Свинцовый стих тебе в позор!

Да, да! клейми меня!.. Но не бесславь восторгом
Своим бессмысленным поэта вещих слов!
Я ввек не осрамлю себя презренным торгом,
Вовеки не склонюсь пред сонмищем врагов:
Я вечно буду петь и песней наслаждаться,
Я вечно буду пить чарующий нектар.
Раздайся ж прочь, толпа!.. довольно насмехаться!
Тебе ль познать Пруткова дар?!

Постой!.. Скажи: за что ты злобно так смеешься?
Скажи: чего давно так ждешь ты от меня?
Не льстивых ли похвал?! Нет, их ты не дождешься!
Призванью своему по гроб не изменя,
Но с правдой на устах, улыбкою дрожащих,
С змеею желчною в изношенной груди,
Тебя я наведу в стихах, огнем палящих,
На путь с неправого пути!

ВОЗВРАЩЕНИЕ ИЗ КРОНШТАДТА

Еду я на пароходе,
Пароходе винтовом;
Тихо, тихо все в природе,
Тихо, тихо все кругом.
И, поверхность разрезая
Темно-синей массы вод,
Мерно крыльями махая,
Быстро мчится пароход.
Солнце знойно, солнце ярко;
Море смирно, море спит;
Пар, густою черной аркой,
К небу чистому бежит...

На носу опять стою я,
И стою я, как утес,
Песни солнцу в честь пою я,
И пою я не без слез!

С крыльев [1] влага золотая
Льется шумно, как каскад,
Брызги, в воду упадая,
Образуют водопад,—

---

[1] Необразованному читателю родительски объясню, что крыльями называются в пароходе лопасти колеса или двигательного винта.

И кладут подчас далеко
Много по морю следов
И премного и премного
Струек, змеек и кругов.

Ах! не так ли в этой жизни,
В этой юдоли забот,
В этом море, в этой призме
Наших суетных хлопот
Мы — питомцы вдохновенья —
Мещем в свет свой громкий стих
И кладем в одно мгновенье
След во всех сердцах людских?!

Так я думал, с парохода
Быстро на берег сходя;
И пошел среди народа,
Смело в очи всем глядя.

ЭПИГРАММА
№ III

Пия душистый сок цветочка,
Пчела дает нам мед взамен;
Хотя твой лоб — пустая бочка,
Но все же ты не Диоген.

ПЯТКИ НЕКСТАТИ

Басня

У кого болит затылок,
Тот уж пяток не чеши!
Мой сосед был слишком пылок.
Жил в деревне он, в глуши.
Раз случись ему, гуляя,
Головой задеть сучок;
Он, недолго размышляя,
Осердяся на толчок,
Хвать рукой за обе пятки —
И затем в грязь носом хвать!..

*

Многие привычки гадки,
Но скверней не отыскать
Пятки попусту хватать!

К ДРУЗЬЯМ ПОСЛЕ ЖЕНИТЬБЫ

Я женился; небо вняло
Нашим пламенным мольбам;
Сердце сердцу весть подало,
Страсть ввела нас в светлый храм.

О друзья! ваш страх напрасен;
У меня ль не твердый нрав?
В гневе я суров, ужасен,
Страж лихой супружних прав.

Есть для мести черным ковам
У женатого певца
Над кроватью, под альковом,
Нож, ружье и фунт свинца!

Нож вострей швейцарской бритвы;
Пули меткие в мешке;
А ружье на поле битвы
Я нашел в сыром песке...

Тем ружьем в былое время
По дрохвам певец стрелял
И, клянусь, всегда им в темя
Всем зарядом попадал!

ОТ КОЗЬМЫ ПРУТКОВА К ЧИТАТЕЛЮ В МИНУТУ ОТКРОВЕННОСТИ И РАСКАЯНИЯ

С улыбкой тупого сомненья, профан, ты
Взираешь на лик мой и гордый мой взор;
Тебе интересней столичные франты,
Их пошлые толки, пустой разговор.

Во взгляде твоем я, как в книге, читаю,
Что суетной жизни ты верный клеврет,
Что нас ты считаешь за дерзкую стаю,
Не любишь; но слушай, что значит поэт.

Кто с детства, владея стихом по указке,
Набил себе руку и с детских же лет
Личиной страдальца, для вящей огласки,
Решился прикрыться,— тот истый поэт!

Кто, всех презирая, весь мир проклинает,
В ком нет состраданья и жалости нет,
Кто с смехом на слезы несчастных взирает,—
Тот мощный, великий и сильный поэт!

Кто любит сердечно былую Элладу,
Тунику, Афины, Ахарны, Милет,
Зевеса, Венеру, Юнону, Палладу,—
Тот чудный, изящный, пластичный поэт!

Чей стих благозвучен, гремуч, хоть без мысли,
Исполнен огня, водометов, ракет,
Без толку, но верно по пальцам расчислен,—
Тот также, поверь мне, великий поэт!..

Итак, не пугайся ж, встречаяся с нами,
Хотя мы суровы и дерзки на вид
И высимся гордо над вами главами;
Но кто ж нас иначе в толпе отличит?!

В поэте ты видишь презренье и злобу;
На вид он угрюмый, больной, неуклюж;
Но ты загляни хоть любому в утробу,—
Душой он предобрый и телом предюж.

К МЕСТУ ПЕЧАТИ

М. П.

Люблю тебя, печати место,
Когда без сургуча, без теста,
А так, как будто угольком,
«М. П.» очерчено кружком!

Я не могу, живя на свете,
Забыть *покоя* и *мыслете*,
И часто я, глядя с тоской,
Твержу: *«мыслете* и *покой»*!

СОВРЕМЕННАЯ РУССКАЯ ПЕСНЬ

Уж как мы ль, друзья, люди русские!..
Всяк субботний день в банях паримся,
Всякий божий день жирны щи едим,
Жирны щи едим, гречневку лопаем,
Всё кваском родным запиваючи,
Мать святую Русь поминаючи,
Да любовью к ней похваляючись,
Да всё русскими называючись...
И как нас-то все бранят попусту,
Что ничего-то мы и не делаем,
Только свет коптим, прохлаждаемся,
Только пьем-едим, похваляемся...
Ах, и вам ли, люди добрые,
Нас корить-бранить стыдно б, совестно:
Мы работали б, да хотенья нет;
Мы и рады бы, да не хочется;
Дело плевое, да труда бежим!..
Мы труда бежим, на печи лежим,
Ходим в мурмолках, да про Русь кричим,
Всё про Русь кричим,— вишь, до охрипу!
Так еще ль, друзья, мы не русские?!

ВОЕННЫЕ АФОРИЗМЫ

Для гг. штаб- и обер-офицеров, с применением к понятиям и нижних чинов

Примечание. Из этих, дошедших до нас случайно, размышлений Фаддея Козьмича мы видим с удивлением, как даровитый сын гениального отца усвоивал себе понятия своего века, постоянно его опережая, хотя иногда и заметна борьба между старым и новым временем, на которую обращаем внимание читателя в особых выносках, сделанных, впрочем, на рукописи не нами, а неизвестною рукою, вероятно, командира того полка, где служил (покойный).

1

Нет адъютанта без аксельбанта[1].

2

Подавая сигналы в рог,
Будь всегда справедлив, но строг.

3

Не для какой-нибудь Анюты
Из пушек делаются салюты.

---

[1] Разумеется.

4

Строя солдатам новые шинели,
Не забывай, чтоб они пили и ели[1].

5

Фуражировка и ремонтерство
Требуют сноровки и прозорства.

6

Во всем покорствуя воле монаршей,
Не уклоняйся от контрмаршей.

7

Не бракуй рекрута за то, что ряб,
Не всякий в армии Глазенап[2].

8

Что в конце шеренги стоит фланговый,—
Это для многих дико и ново[3].

9

Насколько полковник с Акулиной знаком,
Не держи пари с полковым попом[4].

---

[1] Здесь видна похвальная заботливость. Я всегда был того же мнения.

[2] Должно быть, был красавец, но я принял полк уже по его выбытии.

[3] Разве для вновь поступающих.

[4] Обыграет наверняка, по случаю исповеди.

10

Что рота на взводы разделяется,
В этом никто не сомневается.

11

Да будет целью солдатской амбиции
Точная пригонка амуниции [1].

12

Хоть твои ребята полны коросты,
Все ж годятся на аванпосты.

13

Что нельзя командовать шепотом,
Это доказано опытом.

14

Лучшую жидовскую квартиру
Следует отводить командиру [2].

15

В летнее время, под тенью акации,
Приятно мечтать о дислокации.

---

[1] Солдат имеет и другую амбицию: служить престол-отечеству. Странно ограничивать цель стремлений.

[2] Отчего же жидовскую?

16

Проходя город Кострому,
Заезжай справа по одному [1].

17

Чтобы полковнику служба везла,
Он должен держать полкового козла [2].

18

В гарнизонных стоянках довольно примеров,
Что дети похожи на гг. офицеров [3].

19

Курящий цыгару над камуфлетом
Рискует быть отпетым.

20

Во время дела сгоряча
Не стреляй в полкового врача.

21

Два голубя как два родные брата жили —
А есть ли у тебя с наливкою бутыли? [4]

---

[1] Это можно отнести и к другим городам. Видна односторонность.

[2] В этом нет никакого смысла. К чему тут козел?

[3] Я сам это заметил.

[4] Довольно остро.

22

Если ни правый, ни левый фланг
У тебя ненадежны — пишися: кранк.

23

За то нас любит отец Герасим,
Что мы ему бороду фаброй красим.

24

Для ремонтерства и фуражировки
Трудно обойтись без сноровки [1].

25

Будь расторопен — и от году до году
Полк принесет тебе боле доходу [2].

26

Оттого наши командиры и лысы,
Что у них прическу объели крысы [3].

27

В том каптенармусова Варвара
Виною, что щи у нас без привара.

---

[1] Повторение. Было уже сказано в п. 5.
[2] Да, когда справочные цены высоки.
[3] Это прямо на меня. Если б он не скончался, я посадил бы его под арест.

28

Часто завидую я сорокам,
Что у них служба с коротким сроком [1].

29

На берегах Ижоры и Тосны
Наши гвардейцы победоносны [2].

30

Что нету телесного наказания,
Это зависит от приказания [3].

31

Не говори: меня бить не по чину;
Спорют погоны и выпорют спину [4].

32

То не может понравиться бабам,
Когда скопец командует штабом [5].

33

Кто не брезгает солдатской задницей,
Тому и фланговый служит племянницей [6].

---

[1] Опять нет смысла. Сороки не служат.

[2] Неприличный намек на маневры.

[3] Совершенно справедливо.

[4] Отсталое понятие. У меня в полку не бьют с тех пор, как запрещено.

[5] Когда же это бывает?

[6] Во-первых, плохая рифма. Во-вторых, страшный разврат, заключающий в себе идею двоякого греха. На это употребляются не фланговые, а барабанщики.

34

Клапан, погончик, петличка, репей —
С этим солдат хоть не ешь и не пей! [1]

35

Что за беда, что ни хлеба, ни кваса,
Пуля найдет солдатское мясо [2].

36

Не говори в походе: я слаб,
Смотри, как шагает Глазенап [3].

37

У бережливого командира в поход
Хоть нет сухарей, а есть доход [4].

38

Хоть моя команда и слабосильна,
Зато в кармане моем обильно [5].

---

[1] Ну, это преувеличено.

[2] Видна некоторая жестокость.

[3] Опять Глазенап. В списках значится: переведен в гвардию. Жаль, что не застал, когда принял полк, я бы ставил его в пример в каждом приказе.

[4] Если б он не умер, я нарядил бы его на три лишних дежурства.

[5] Дерзость. Счастье, что умер. Не забыть сказать Герасиму, чтобы перестал поминать.

39

Пусть умирают дураки,
Были б целы тюфяки.

40

Если прострелят тебя в упор,
Пой: Ширин, верин, ристофор.

41

Марш вперед! Ура... Россия!
Лишь амбиция была б!
Брали форты не такие
Бутеноп и Глазенап!

Продолжай атаку смело,
Хоть тебе и пуля в лоб —
Посмотри, как лезут в дело
Глазенап и Бутеноп.

А отбой когда затрубят,
Не минуй румяных баб —
Посмотри, как их голубят
Бутеноп и Глазенап.

Если двигаются тихо,
Не жалей солдатских...—
Посмотри, как порют лихо
Глазенап и Бутеноп.

Пусть тебя навылет ранят,
Марш вперед на вражий штаб —
Слышишь, там как барабанят
Бутеноп и Глазенап.

Но враги уж отступают,
В их сердца проник озноб —
Посмотри, как их пугают
Глазенап и Бутеноп.

Стой! Шабаш! Языци сдались,
Каждый стал России раб —
Посмотри, как запыхались
Бутеноп и Глазенап.

Мир подписан, все пируют,
Бал дает бригадный поп —
Посмотри, как вальсируют
Блазенап и Гутеноп[1].

42

Если ты голоден и наг,
Будь тебе утехой учебный шаг.

43

По мне, полковник хоть провалился,
Жила б майорская Василиса[2].

44

Худо, когда в дивизии
Недостает провизии[3].

45

Не спрашивай: какой там редут,
А иди куда ведут.

---

[1] Это совсем не афоризмы, а более сбивается на солдатскую песню. Впрочем, написано в хорошем духе. Велю адъютанту передать песенникам. Но кто же Бутеноп? В последней строке фамилии перековерканы. Приказать аудитору, чтоб переправил, сохраняя рифму.

[2] Покорно благодарю.

[3] А в полку еще хуже.

46

Держи только свою дирекцию,
А тебе уж сделают вивисекцию [1].

47

Матерьялисты и нигилисты
Разве годятся только в горнисты [2].

48

Казначей, уж как ни верти,
А все недостает сотен пяти [3].

49

Если ищешь рифмы на: Европа,
То спроси у Бутенопа [4].

50

Ешь себе кашу с сальцем,
А команду считай по пальцам.

51

Ай, фирли-фить, тюрлю-тютю.
У нашего майора задница в дегтю! [5]

---

[1] Должно быть, посещал университет. У нас гостила дочь инженера из Водяных Сообщений, сама потрошила лягушек. Гг. офицеры очень хвалили.

[2] Ну, нет, сомневаюсь. На это нужны грудь и ухо.

[3] Можно пополнить раскладкою на непредвиденные расходы.

[4] Кстати подвернулся Бутеноп. Ну, а если бы его не было? Приказать аудитору, чтоб подыскал еще рифмы к Европе, кроме...

[5] Когда это было: я что-то не припомню.

52

Будь в отступлении проворен,
Как перед Крестовским Корш и Суворин.

53

Суворин и Буренин, хотя и штатские,
Но в литературе те же фурштатские [1].

54

Не смотри, что в ранце дыра —
Иди вперед и кричи: ура!

55

То-то житье было в штабу,
Когда начальником был Коцебу [2].

56

Не дерись на дуэли, если жизнь дорога,
Откажись, как Буренин, и ругай врага [3].

57

Что все твои одеколоны,
Когда идешь позади колонны.

---

[1] Что это за люди? Никогда про них не слыхал. Должно быть, из фурлейтов?

[2] С этим я согласен.

[3] Вишь, прохвост!

58

**Отнесем, Акулина, попу фунт чаю —
Без того, говорит, не обвенчаю.**

59

**Охота полковому попу
Вплоть до развода ездить на пупу.**

60

**Сумка, лядунка, манерка, лафет —
Господин поручик, кеске-ву-фет? [1]**

61

**При виде исправной амуниции
Как презренны все конституции! [2]**

62

**Не будь никогда в обращении груб —
Смотри, как себя держит Глазенап [3].**

63

**Боже мой, боже мой, как я рад!
Завтра назначен церковный парад! [4]**

---

[1] Украдено. Это любимая поговорка нашего полкового доктора. Что вы делаете? (*франц.* qu'est ce que vous faites?)

[2] Мысль хороша, но рифма никуда не годится. Приказать аудитору исправить.

[3] Отдать аудитору.

[4] Вот это хорошо.

64

Всем завтра ехать к преосвященному,
Человеку умному и почтенному.

65

Господам офицерам, подходя к руке,
Держать палец на темлячке.

66

Чтоб во время закуски господа юнкера
Не прятали осетров в кивера.

67

Наказать юнкеру Шмидту,
Чтоб быть ему чище обриту.

68

Мне с адъютантом и с майором
Занимать владыку разговором.

69

Прочим в почтительном расстоянии
Опустить взор и хранить молчание.

70

Лишь только кончится обед,
Всем грянуть залпом: «Много лет!»

71

Перед отъездом, подходя к руке,
Опять держать палец на темлячке[1].

72

Есть ли на свете что-нибудь горше,
Как быть сотрудником при Корше?[2]

73

Не нам, господа, подражать Плинию,
Наше дело выравнивать линию.

74

Не нужны нам никакие фермы-модели,
Были бы сводни и бордели.

75

Для нас овцеводство и скотоводство —
Это, господа, наше производство[3].

76

Наш полковник, хотя не пьяница,
Но зато фабрится и румянится[4].

---

[1] Да какие же это афоризмы? Это взято прямо из моего приказа, когда мы всем полком ездили поздравить владыку.

[2] В этом афоризме не вижу ничего военного. И кто опять этот Корш?

[3] Опять все это украдено. Все из моей речи, которую я говорил в день водосвятия.

[4] Ах, он прохвост! Если я когда и употреблял румяны, то, конечно, не для лица, а ему почему знать.

77

Ах, господа! Быть беде!
Г. полковник сидит на биде [1].

78

Гг. офицеры! Шилды-шивалды!
Пустимтесь вприсядку, поднявши фалды [2].

79

Что бы нам, господа, взять по хлысту,
Постегать прохожих на мосту [3].

80

Тому удивляется вся Европа,
Какая у полковника обширная шляпа [4].

81

Будемте, господа, стоять по чину,
Пока адъютант выводит «Лучину» [5].

---

[1] Неправда. Никогда в жизни не сиживал.

[2] Видно похвальное сближение с нижними чинами. Не забыть отнести к прогрессу.

[3] Шалость, могущая навлечь неприятности. Справиться, было ли исполнено.

[4] Чему удивляться? Обыкновенная, с черным султаном. Я от формы не отступаю. Насчет неправильной рифмы, отдать аудитору, чтобы приискал другую.

[5] Это когда мы ездили в Житомир на пикник.

82

Все у меня одеты по форме.
Зачем мне заботиться о корме? [1]

83

Господа, откроемте подписку,
Поднесем полковнику глиняную миску [2].

84

Если продуемся, в карты играя,
Поедем на Волынь для обрусения края.

85

Или выпросим комиссию на Подоле
И останемся там как можно доле [3].

86

Начнем с того обрусение,
Что каждый себе выберет имение.

87

Действуя твердо и предвзято,
Можно добраться и до маиората.

---

[1] Если встретимся на том свете, посажу в нужник под арест на две недели.

[2] Отчего же глиняную? Неуместная шутка.

[3] Я и сам не прочь, но, говорят, все места розданы. Следовало бы распространить и на остальные губернии.

88

Хоть мы русское имя осрамим,
Зато послужим себе самим.

89

Те, кто помещиков польских душили,
Делали пробу in anima vili.

90

Когда совсем уж ограбим их,
Тогда доберемся и до своих.

91

Держаться партии народной
И современно и доходно.

92

Люблю за то меньшую братию,
Что ею колю аристократию.

93

Хорошо ловить рыбу, где ток воды мутен.
Да здравствует Черкасский и Милютин![1]

94

Сегодня не поеду на развод,
У меня немного болит живот.

---

[1] Совершенно сбился с толку. Тут нет ничего военного. Боле относится к гражданской деятельности.

95

Даже с трудом на ногах стою —
Принести мне бобровую струю.

96

Шум в ушах, и на языке кисло,
Нижняя губа совсем отвисла.

97

Уж не разбит ли я параличом?
Послать за полковым врачом.

98

Спереди плохо, сзади еще хуже,
Точно сижу я в холодной луже.

99

Не надо боле ни лекарств, ни корму.
Оденьте меня в парадную форму.

100

Ширин, вырин, штык молодец —
Не могу боле — приходит конец... [1]

---

[1] Нечего сказать, умер как солдат. Приказать слабосильной команде, чтоб похоронила его с почестями. Отменяю прежнее приказание и позволяю Герасиму поминать. Соорудить над его могилой небольшой памятник, в виде кивера, с надписью: «Был исправен». Издержки разложить на покупку муки, а также наверстать уменьшением привара к солдатским пайкам. Остаток от расходов в кассу не класть, а передать мне лично.

ЦЕРЕМОНИАЛ

ПОГРЕБЕНИЯ ТЕЛА В БОЗЕ УСОПШЕГО ПОРУЧИКА И КАВАЛЕРА ФАДДЕЯ КОЗЬМИЧА П......

Составлен аудитором вместе с полковым адъютантом 22-го февраля 1821 года в Житомирской губернии, близ города Радзивиллова.

Утверждаю. Полковник[1]

1

Впереди идут два горниста,
Играют отчетисто и чисто.

2

Идет прапорщик Густав Бауер,
На шляпе и фалдах несет трауер.

3

По обычаю, искони заведенному,
Идет маиор, пеший по-конному.

---

[1] Для себя я, разумеется, места не назначил. Как начальник, я должен быть в одно время везде, и предоставляю себе разъезжать по линии и вдоль колонны.

4

Идет каптен-армус во главе капральства,
Пожирает глазами начальство.

5

Два фурлейта ведут кобылу.
Она ступает тяжело и уныло.

6

Это та самая кляча,
На которой ездил виновник плача.

7

Идет с печальным видом казначей,
Проливает слезный ручей.

8

Идут хлебопеки и квартирьеры,
Хвалят покойника манеры.

9

Идет аудитор, надрывается,
С похвалою о нем отзывается.

10

Едет в коляске полковой врач,
Печальным лицом умножает плач.

11

На козлах сидит фершал из Севастополя,
Поет плачевно: «Не одна во̀-поле...»

12

Идет с кастрюлею квартирмейстер,
Несет для кутьи крахмальный клейстер.

13

Идет маиорская Василиса,
Несет тарелку, полную риса.

14

Идет с блюдечком отец Герасим,
Несет изюму гривен на семь.

15

Идет первой роты фельдфебель,
Несет необходимую мебель.

16

Три бабы, с флером вокруг повойника,
Несут любимые блюда покойника:

17

Ножки, печенку и пупок под соусом,
Все три они вопят жалобным голосом.

18

Идут Буренин и Суворин,
Их плач о покойнике непритворен.

19

Идет повеся голову Корш,
Рыдает и фыркает, как морж.

20

Идут гуси, индейки и утки,
Здесь помещенные боле для шутки.

21

Идет мокрая от слез курица.
Не то смеется, не то хмурится.

22

Едет сама траурная колесница,
На балдахине поет райская птица.

23

Идет слабосильная команда с шанцевым струментом,
За ней телега с кирпичом и цементом.

24

Между двух прохвостов идет уездный зодчий,
Рыдает изо всей мочи.

25

Идут четыре ветеринара,
С клистирами на случай пожара.

26

Гг. юнкера несут регалии:
Пряжку, темляк, репеек и так далее.

27

Идут гг. офицеры пó два в ряд,
О новой вакансии говорят.

28

Идут славянофилы и нигилисты;
У тех и у других ногти не чисты.

29

Ибо если они не сходятся в теории вероятности,
То сходятся в неопрятности.

30

И поэтому нет ничего слюнявее и плюгавее
Русского безбожия и православия.

31

На краю разверстой могилы
Имеют спорить нигилисты и славянофилы.

32

Первые утверждают, что кто умрет,
Тот весь обращается в кислород.

33

Вторые — что он входит в небесные угодия
И делается братчиком Кирилла-Мефодия.

34

И что верные вести оттудова
Получила сама графиня Блудова.

35

Для решения этого спора
Стороны приглашают аудитора.

36

Аудитор говорит: «Рай-диди-рай!
Покойник отправился прямо в рай»

37

С этим отец Герасим соглашается,
И погребение совершается...

Исполнить, как сказано выше,
Полковник ***

Примечание полкового адъютанта. После тройного залпа из ружей, в виде последнего салюта человеку и товарищу, г. полковник вынул из заднего кармана батистовый платок и, отерев им слезы, произнес следующую речь:

1

Гг. штаб- и обер-офицеры!
Мы проводили товарища до последней
квартиры.

2

Отдадим же долг его добродетели:
Он умом равен Аристотелю.

3

Стратегикой уподоблялся на войне
Самому Кутузову и Жомини.

4

Бескорыстием был равен Аристиду —
Но его сразила простуда.

5

Он был красою человечества,
Помянем же добром его качества.

6

Гг. офицеры, после погребения
Прошу вас всех к себе на собрание.

7

Я поручил юнкеру фон-Бокт
Устроить нечто вроде пикника.

8

Это будет и закуска и вместе обед —
Итак, левое плечо вперед!

9

Заплатить придется очень мало,
Не более пяти рублей с рыла.

10

Разойдемся не прежде, как к вечеру —
Да здравствует Россия — Ура!!

Примечание отца Герасима. Видяй сломицу в оке ближнего, не зрит в своем ниже бруса. Строг и свиреп быши к рифмам ближнего твоего, сам же, аки свинья непотребная, рифмы негодные и уху зело вредящие сплел еси. Иди в огонь вечный, анафема.

Примечание рукою полковника. Посадить Герасима под арест за эту отметку. Изготовить от моего имени отношение ко владыке, что Герасим искажает текст, называя сучец — сломицею. Это все равно, что если б я отворот назвал погонами.

Доклад полкового адъютанта. Так как отец Герасим есть некоторым образом духовное лицо, находящееся в прямой зависимости от Консистории и Св. синода, то не будет ли отчасти неловко подвергнуть его мере административной посаждением его под арест, установленный более для проступков по военной части.

Отметка полковника. А мне что за дело. Все-таки посадить после пикника.

Примечание полкового адъютанта. Узнав о намерении полковника, отец Герасим изготовил донос графу Аракчееву, в котором объяснял, что полковник два года не был на исповеди. О том же изготовил он донос и к архипастырю Фотию и прочел на пикнике полковнику отпуски. Однако, когда подали горячее, не отказался пить за здоровье полковника, причем полковник выпил и за его здоровье. Это повторялось несколько раз, и после бланманже и суфле-вертю, когда гг. офицеры танцевали вприсядку, полковник и отец Герасим обнялись и со слезами на глазах сделали три тура мазурки, а дело предали забвению. При этом был отдан приказ, чтобы гг. офицеры и юнкера, а равно и нижние чины не смели исповедоваться у посторонних иереев, а только у отца Герасима, под опасением для гг. офицеров трехнедельного ареста, для гг. юнкеров дежурств при помойной яме, а для нижних чинов телесного наказания.



1

Обручальное кольцо есть первое звено в цепи супружеской жизни.

2

Жизнь нашу можно удобно сравнивать со своенравною рекою, на поверхности которой плавает челн, иногда укачиваемый тихоструйною волною, нередко же задержанный в своем движении мелью и разбиваемый о подводный камень.— Нужно ли упоминать, что сей утлый челн на рынке скоропреходящего времени есть не кто иной, как сам человек?

3

Никто не обнимет необъятного.

4

Нет столь великой вещи, которую не превзошла бы величиною еще большая. Нет вещи столь малой, в которую не вместилась бы еще меньшая.

5

Смотри в корень!

6

Лучше скажи мало, но хорошо.

7

Наука изощряет ум; ученье вострит память.

8

Что скажут о тебе другие, коли ты сам о себе ничего сказать не можешь?

9

Самопожертвование есть цель для пули каждого стрелка.

10

Память человека есть лист белой бумаги: иногда напишется хорошо, а иногда дурно.

11

Слабеющая память подобна потухающему светильнику.

12

Слабеющую память можно также сравнивать с увядающею незабудкою.

13

Слабеющие глаза всегда уподоблю старому потускневшему зеркалу, даже надтреснутому.

14

Воображение поэта, удрученного горем, подобно ноге, заключенной в новый сапог.

15

Влюбленный в одну особу страстно — терпит другую токмо по расчету.

16

Если хочешь быть красивым, поступи в гусары.

17

Человек, не будучи одеян благодетельною природою, получил свыше дар портного искусства.

18

Не будь портных,— скажи: как различил бы ты служебные ведомства?

19

Скрывая истину от друзей, кому ты откроешься?

20

Что есть лучшего? — Сравнив прошедшее, свести его с настоящим.

21

Полезнее пройти путь жизни, чем всю вселенную.

22

Если у тебя есть фонтан, заткни его; дай отдохнуть и фонтану.

23

Женатый повеса воробью подобен.

24

Усердный врач подобен пеликану.

25

Эгоист подобен давно сидящему в колодце.

26

Гений подобен холму, возвышающемуся на равнине.

27

Умные речи подобны строкам, напечатанным курсивом.

28

Начало ясного дня смело уподоблю рождению невинного младенца: быть может, первый не обойдется без дождя, а жизнь второго без слез.

29

Если бы тени предметов зависели не от величины сих последних, а имели бы свой произвольный рост, то, может быть, вскоре не осталось бы на всем земном шаре ни одного светлого места.

30

Стрельба в цель упражняет руку и причиняет верность глазу.

31

Бердыш в руках воина то же, что меткое слово в руках писателя.

32

Магнитная стрелка, непреодолимо влекомая к северу, подобна мужу, который блюдет законы.

33

Первый шаг младенца есть первый шаг к его смерти.

34

Смерть для того поставлена в конце жизни, чтобы удобнее к ней приготовиться.

35

В доме без жильцов — известных насекомых не обрящешь.

36

Ничего не доводи до крайности: человек, желающий трапезовать слишком поздно, рискует трапезовать на другой день поутру.

37

Пища столь же необходима для здоровья, сколь необходимо приличное обращение человеку образованному.

38

«Зачем,— говорит эгоист,— стану я работать для потомства, когда оно ровно ничего для меня не сделало?» — Несправедлив ты, безумец! Потомство сделало для тебя уже то, что ты, сближая прошедшее с настоящим и будущим, можешь по произволу считать себя: младенцем, юношей и старцем.

39

Вытапливай воск, но сохраняй мед.

40

Пояснительные выражения объясняют темные мысли.

41

Не всякому человеку даже гусарский мундир к лицу.

42

Бди!

43

Камергер редко наслаждается природою.

44

Никто не обнимет необъятного.

45

Три дела, однажды начавши, трудно кончить: а) вкушать хорошую пищу; б) беседовать с возвратившимся из похода другом и в) чесать, где чешется.

46

Прежде чем познакомишься с человеком, узнай: приятно ли его знакомство другим?

47

Здоровье без силы — то же, что твердость без упругости.

48

Все говорят, что здоровье дороже всего; но никто этого не соблюдает.

49

Достаток распутного равняется короткому одеялу: натянешь его к носу, обнажатся ноги.

50

Не растравляй раны ближнего; страждущему предлагай бальзам... Копая другому яму, сам в нее попадешь.

51

Если у тебя спрошено будет: что полезнее, солнце или месяц? — ответствуй: месяц. Ибо солнце светит днем, когда и без того светло; а месяц — ночью.

52

Но, с другой стороны: солнце лучше тем, что светит и греет; а месяц только светит, и то лишь в лунную ночь!

53

Самолюбие и славолюбие суть лучшие удостоверения бессмертия души человеческой.

54

Душа индейца, верящего в метемпсихозию, похожа на червячка в коконе.

55

Рассуждай токмо о том, о чем понятия твои тебе сие дозволяют. Так: не зная законов языка ирокезского, можешь ли ты делать такое суждение по сему предмету, которое не было бы неосновательно и глупо?

56

Принимаясь за дело, соберись с духом.

57

Перо, пишущее для денег, смело уподоблю шарманке в руках скитающегося иностранца.

58

Щелкни кобылу в нос — она махнет хвостом.

59

Не робей перед врагом: лютейший враг человека — он сам.

60

И терпентин на что-нибудь полезен!

61

Всякий необходимо причиняет пользу, употребленный на своем месте. Напротив того: упражнения лучшего танцмейстера в химии неуместны; советы опытного астронома в танцах глупы.

62

Часами измеряется время, а временем жизнь человеческая; но чем, скажи, измеришь ты глубину Восточного океана?

63

Говорят, что труд убивает время; но сие последнее, нисколько от этого не уменьшаяся, продолжает служить человечеству и всей вселенной постоянно в одинаковой полноте и непрерывности.

64

На дне каждого сердца есть осадок.

65

Под сладкими выражениями таятся мысли коварные: так, от курящего табак нередко пахнет духами.

66

Многие вещи нам непонятны не потому, что наши понятия слабы; но потому, что сии вещи не входят в круг наших понятий.

67

Никто не обнимет необъятного!

68

Болтун подобен маятнику: того и другой надо остановить.

69

Два человека одинаковой комплекции дрались бы недолго, если бы сила одного превозмогла силу другого.

70

Не все стриги, что растет.

71

Ногти и волосы даны человеку для того, чтобы доставить ему постоянное, но легкое занятие.

72

Иной певец подчас хрипнет.

73

Поощрение столь же необходимо гениальному писателю, сколь необходима канифоль смычку виртуоза.

74

Единожды солгавши, кто тебе поверит?

75

Жизнь — альбом. Человек — карандаш. Дела — ландшафт. Время — гуммиэластик: и отскакивает и стирает.

76

Продолжать смеяться легче, чем окончить смех.

77

Смотри вдаль — увидишь даль; смотри в небо — увидишь небо; взглянув в маленькое зеркальце, увидишь только себя.

78

Где начало того конца, которым оканчивается начало?

79

Чем скорее проедешь, тем скорее приедешь.

80

Если хочешь быть счастливым, будь им.

81

Не в совокупности ищи единства, но более — в единообразии разделения.

82

Усердный в службе не должен бояться своего незнанья; ибо каждое новое дело он прочтет.

83

Петух пробуждается рано; но злодей еще раньше.

84

Усердие все превозмогает!

85

Что имеем — не храним; потерявши — плачем.

86

И устрица имеет врагов!

87

Возобновленная рана много хуже противу новой.

88

В глубине всякой груди есть своя змея.

89

Только в государственной службе познаёшь истину.

90

Иного прогуливающегося старца смело уподоблю песочным часам.

91

Не шути с женщинами: эти шутки глупы и неприличны.

92

Чрезмерный богач, не помогающий бедным, подобен здоровенной кормилице, сосущей с аппетитом собственную грудь у колыбели голодающего дитяти.

93

Магнит показывает на север и на юг; от человека зависит избрать хороший или дурной путь жизни.

94

На чужие ноги лосины не натягивай.

95

Человек раздвоен снизу, а не сверху,— для того, что две опоры надежнее одной.

96

Человек ведет переписку со всем земным шаром, а через печать сносится даже с отдаленным потомством.

97

Глупейший человек был тот, который изобрел кисточки для украшения и золотые гвоздики на мебели.

98

Многие люди подобны колбасам: чем их начинят, то и носят в себе.

99

Чувствительный человек подобен сосульке; пригрей его, он растает.

100

Многие чиновники стальному перу подобны.

101

Специалист подобен флюсу: полнота его одностороння.

102

В здании человеческого счастья дружба возводит стены, а любовь образует купол.

103

Взирая на высоких людей и на высокие предметы, придерживай картуз свой за козырек.

104

Плюнь тому в глаза, кто скажет, что можно обнять необъятное!

105

Земной шар, обращающийся в беспредельном пространстве, служит пьедесталом для всего, на нем обретающегося.

106

Если на клетке слона прочтешь надпись «буйвол», не верь глазам своим.

107

Муравьиные яйца более породившей их твари; так и слава даровитого человека далеко продолжительнее собственной его жизни.

108

Всякая вещь есть форма проявления беспредельного разнообразия.

109

Во всех частях земного шара имеются свои, даже иногда очень любопытные, другие части.

110

Глядя на мир, нельзя не удивляться!

111

Самый отдаленный пункт земного шара к чему-нибудь да близок, а самый близкий от чего-нибудь да отдален.

112

Философ легко торжествует над будущею и минувшею скорбями, но он же легко побеждается настоящею.

113

Небо, усеянное звездами, всегда уподоблю груди заслуженного генерала.

114

Доблий[1] муж подобен мавзолею.

115

Вакса чернит с пользою, а злой человек — с удовольствием.

---

[1] Доблестный *(церк.-слав.)*.

116

Пороки входят в состав добродетели, как ядовитые снадобья в состав целебных средств.

117

Из всех плодов наилучшие приносит хорошее воспитание.

118

Любовь, поддерживаясь, подобно огню, непрестанным движением, исчезает купно с надеждою и страхом.

119

Рассчитано, что петербуржец, проживающий на солнопеке, выигрывает двадцать процентов здоровья.

120

Человеку даны две руки на тот конец, дабы он, принимая левою, раздавал правою.

121

Иногда достаточно обругать человека, чтобы не быть им обманутым!

122

В сепаратном договоре не ищи спасения.

123

Ревнивый муж подобен турку.

124

Почти всякий человек подобен сосуду с кранами, наполненному живительною влагою производящих сил.

125

Умная женщина подобна Семирамиде.

126

Любой фат подобен трясогузке.

127

Вестовщик решету подобен.

128

Девицы вообще подобны шашкам: не всякой удается, но всякой желается попасть в дамки.

129

Всегда держись начеку!

130

Спокойствие многих было бы надежнее, если бы дозволено было относить все неприятности на казенный счет.

131

Не ходи по косогору, сапоги стопчешь!

132

Советую каждому: даже не в особенно сырую и ветреную погоду закладывать уши хлопчатою бумагою или морским канатом.

133

Кто мешает тебе выдумать порох непромокаемый?

134

Снег считают саваном омертвевшей природы; но он же служит первопутьем для жизненных припасов. Так разгадайте же природу!

135

Барометр в земледельческом хозяйстве может быть с большою выгодою заменен усердною прислугою, страдающею нарочитыми ревматизмами.

136

Собака, сидящая на сене, вредна. Курица, сидящая на яйцах, полезна. От сидячей жизни тучнеют: так, всякий меняло жирен.

137

Неправое богатство подобно кресс-салату,— оно растет на каждом войлоке.

138

Всякая человеческая голова подобна желудку: одна переваривает входящую в оную пищу, а другая от нее засоряется.

139

Вещи бывают великими и малыми не токмо по воле судьбы и обстоятельств, но также по понятиям каждого.

140

И саго, употребленное не в меру, может причинить вред.

141

Взирая на солнце, прищурь глаза свои, и ты смело разглядишь в нем пятна.

142

Время подобно искусному управителю, непрестанно производящему новые таланты взамен исчезнувших.

143

Талантами измеряются успехи цивилизации, и они же представляют верстовые столбы истории, служа телеграммами от предков и современников к потомству.

144

И при железных дорогах лучше сохранять двуколку.

145

Покорность охлаждает гнев и дает размер взаимным чувствам.

146

Если бы все прошедшее было настоящим, а настоящее продолжало существовать наряду с будущим, кто был бы в силах разобрать: где причины и где последствия?

147

Счастье подобно шару, который подкатывается: сегодня под одного, завтра под другого, послезавтра под третьего, потом под четвертого, пятого и т. д., соответственно числу и очереди счастливых людей.

148

Иные настойчиво утверждают, что жизнь каждого записана в книге Бытия.

149

Не совсем понимаю: почему многие называют судьбу индейкою, а не какою-либо другою, более на судьбу похожею птицею?

150

Козыряй!

151

Лучшим каждому кажется то, к чему он имеет охоту.

152

Издание некоторых газет, журналов и даже книг может приносить выгоду.

153

Никогда не теряй из виду, что гораздо легче многих не удовлетворить, чем удовольствовать.

154

Хорошего правителя справедливо уподобляют кучеру.

155

Добрая сигара подобна земному шару: она вертится для удовольствия человека.

156

Бросая в воду камешки, смотри на круги, ими образуемые; иначе такое бросание будет пустою забавою.

157

Благочестие, ханжество, суеверие — три разницы.

158

Степенность есть надежная пружина в механизме общежития.

159

У многих катанье на коньках производит одышку и трясение.

160

Опять скажу: никто не обнимет необъятного!



1

Добродетель служит сама себе наградой; человек превосходит добродетель, когда служит и не получает награды.

2

Вред или польза действия обусловливается совокупностью обстоятельств.

3

Не будь цветов, все ходили бы в одноцветных одеяниях!

4

Ветер есть дыхание природы.

5

На беспристрастном безмене истории кисть Рафаэля имеет одинаковый вес с мечом Александра Македонского.

6

Не покупай каштанов, но бери их на пробу.

7

Смерть и солнце не могут пристально взирать друг на друга.

8

Сократ справедливо называет бегущего воина трусом.

9

Весьма остроумно замечает Фейербах, что взоры беспутного сапожника следят за штопором, а не за шилом, отчего и происходят мозоли.

10

Друзья мои! идите твердыми шагами по стезе, ведущей в храм согласия, а встречаемые на пути препоны преодолевайте с мужественною кротостью льва.

11

Стремись уплатить свой долг, и ты достигнешь двоякой цели, ибо тем самым его исполнишь.

12

Правда не вышла бы из колодезя, если бы сырость не испортила ее зеркала.

13

Глупец гадает; напротив того, мудрец проходит жизнь как огород, наперед зная, что кой-где выдернется ему репа, а кое-где и редька.

14

Век живи — век учись! и ты наконец достигнешь того, что, подобно мудрецу, будешь иметь право сказать, что ничего не знаешь.

15

Сребролюбцы! сколь ничтожны ваши стяжания, коли все ваши сокровища не стоят одного листка из лаврового венка поэта!

16

Огорошенный судьбою, ты все ж не отчаивайся!

17

Дознано, что земля, своим разнообразием и великостью нас поражающая, показалась бы в солнце находящемуся смотрителю только как гладкий и ничтожный шарик.

18

Соразмеряй добро, ибо как тебе ведать, куда оно проникнет? Лучи весеннего солнца, предназначенные токмо для согревания земляной поверхности, нежданно проникают и к месту, где лежат сапфиры!

19

Человек довольствует вожделения свои на обоих краях земного круга!

20

Не уступай малодушно всеобщим желаниям, если они противны твоим собственным; но лучше, хваля оные притворно и нарочно оттягивая время, норови надуть своих противников.

21

Чиновник умирает, и ордена его остаются на лице земли.

22

Прихоти производят разнородные действия во нраве, как лекарства в теле.

23

Поздравляя радующегося о полученном ранге, разумный человек поздравляет его не столько с рангом, сколько с тем, что получивший ранг толико оному радуется.

24

Не всякий генерал от природы полный.

25

Отнюдь не принимай почетных гостей в разорванном халате!

26

Не завидуй богатству: французский мудрец однажды остроумно заметил, что *сетующий* господин в позлащенном портшезе нередко носим *веселыми* носильщиками.

27

Бывает, что усердие превозмогает и рассудок.

28

Никто, по Сенекину сказанию, не может оказать добродетели в другом случае, как в несчастии.

29

Перочинный ножичек в руках искусного хирурга далеко лучше иного преострого ланцета.

30

Незрелый ананас, для человека справедливого, всегда хуже зрелой смородины.

31

Одного яйца два раза не высидишь!

32

Пробка шампанского, с шумом взлетевшая и столь же мгновенно ниспадающая,— вот изрядная картина любви.

33

Начиная свое поприще, не теряй, о юноша! драгоценного времени!

34

Стоящие часы не всегда испорчены, а иногда они только остановлены; и добрый прохожий не преминет и стенных покачнуть маятник, а карманные завести.

35

Ничто существующее исчезнуть не может,— так учит философия; и потому несовместно с Вечною Правдой доносить о пропавших без вести!

36

И самый последний нищий, при других условиях, способен быть первым богачом.

37

Не поступай в монахи, если не надеешься выполнить обязанности свои добросовестно.

38

Лжет непростительно, кто уверяет, будто все на свете справедливо! Так, изобретший употребление сандарака может быть вполне убежден, что имя его останется неизвестно потомству!

39

Даже летом, отправляясь в вояж, бери с собой что-либо теплое, ибо можешь ли ты знать, что случится в атмосфере?

40

Некоторые образцом непостоянства выставляют мужчину, другие женщину; но всякий умный и наблюдательный петербуржец никогда не согласится ни с теми, ни с другими; ибо всего переменчивее петербургская атмосфера!

41

Иногда слова, напечатанные курсивом, много несправедливее тех, которые напечатаны прямым шрифтом.

42

Укрываться от дождя под дырявым зонтиком столь же безрассудно и глупо, как чистить зубы наждаком или сандараком.

43

Пустая бочка Диогена имеет также свой вес в истории человеческой.

44

Гони любовь хоть в дверь, она влетит в окно.

45

У всякого портного свой взгляд на искусство!

46

Не всякому офицеру мундир к лицу.

47

Одна природа неизменна, но и та имеет свои: весну, лето, зиму и осень; как же хочешь ты придать неизменность формам тела человеческого?!

48

Трудись, как муравей, если хочешь быть уподоблен пчеле.

49

Что есть хитрость? — Хитрость есть оружие слабого и ум слепого.

50

Мудрость, подобно черепаховому супу, не всякому доступна.

51

Знай, читатель, что мудрость уменьшает жалобы, а не страдания!

52

Военные люди защищают отечество.

53

Светский человек бьет на остроумие и, забывая ум, умерщвляет чувства.

54

Имея в виду какое-либо предприятие, помысли, точно ли оно тебе удастся.

55

Коэффициент счастия в обратном содержании к достоинству.

56

Люди не перестали бы жить вместе, хотя бы разошлись в разные стороны.

57

Легче держать вожжи, чем бразды правления.

58

Неискусного вождя, желающего уподобиться Атилле, смело назову «нагайкой» провидения.

59

Дружба согревает душу, платье — тело, а солнце и печка — воздух.

60

Приятно поласкать дитя или собаку, но всего необходимее полоскать рот.

61

И мудрый Вольтер сомневался в ядовитости кофе!

62

Питомец рангов нередко портится.

63

Люби ближнего, но не давайся ему в обман!

64

Настоящее есть следствие прошедшего, а потому непрестанно обращай взор свой на зады, чем сбережешь себя от знатных ошибок.

65

Степенность равно прилична юноше и убеленному сединами старцу.

66

Не печалуйся в скорбях,— уныние само наводит скорби.

67

Исполнение предприятия приятно щекочет самолюбие.

68

Не всякая щекотка доставляет удовольствие!

69

Не прибегай к щекотке, желая развеселить знакомую,— иная назовет тебя за это невежей.

70

Говоря с хитрецом, взвешивай ответ свой.

71

Не во всякой игре тузы выигрывают!

72

Детям, у коих прорезываются зубы, смело присоветую фиалковый корень!

73

Купи прежде картину, а после рамку!

74

Благополучие, несчастие, бедность, богатство, радость, печаль, убожество, довольство суть различные явления одной гисторической драмы, в которой человеки репетируют роли свои в назидание миру.

75

Чужой нос другим соблазн.

76

Благочестие и суеверие — две разницы!

77

Начинай от низшего степени, чтобы дойти до высшего; другими словами: не чеши затылок, а чеши пятки.

78

Человек! возведи взор свой от земли к небу,— какой, удивления достойный, является там порядок!

79

От малых причин бывают весьма важные последствия; так, отгрызение заусенца причинило моему знакомому рак.

80

Англичанин не любит мяса, которое не вполсыро.

81

Ценность всего условна: зубочистка в бисерном чехле, подаренная тебе в сувенир, несравненно дороже двух рублей с полтиной.

82

Почти всякое морщинистое лицо смело уподоблю груше, вынутой из компота.

83

Без надобности носимый набрюшник — вреден.

84

Двое несчастных, находящихся в дружбе, подобны двум слабым деревцам, которые, одно на другое опершись, легче могут противиться бурям и всяким неистовым ветрам.

85

Моменты свидания и разлуки суть для многих самые великие моменты в жизни.

86

Если хочешь быть покоен, не принимай горя и неприятностей на свой счет, но всегда относи их на казенный.

87

Не всякий капитан — исправник!

88

И в самых пустых головах любовь нередко преострые выдумки рождает.

89

Разум показывает человеку не токмо внешний вид, красоту и доброту каждого предмета, но и снабдевает его действительным оного употреблением.

90

И египтяне были в свое время справедливы и человеколюбивы!

91

Есть ли на свете человек, который мог бы обнять необъятное?

92

Отыщи всему начало, и ты многое поймешь.

93

Новые сапоги всегда жмут.

94

Если бы вся вселенная обратилась в одно государство, то как не установить повсюду одинаковых законов?

95

Пруссия должна быть королевством.

96

Если бы хоть одна настоящая звезда упала на заслуженную грудь, то не осталось бы ни того человека, ни даже самых отдаленных его единомышленников!

97

Когда народы между собою дерутся, это называется войною.

98

Полиция в жизни каждого государства есть.

99

У человека для того поставлена голова вверху, чтобы он не ходил вверх ногами.

100

Прусак есть один из наиболее назойливых насекомых.

101

Верующий не боится напастей, но при невзгоде судьбы не отчаивается.

102

В спертом воздухе при всем старании не отдышишься.

ПРОЕКТ:
О ВВЕДЕНИИ ЕДИНОМЫСЛИЯ В РОССИИ

Этот черновой проект, написанный Козьмою Прутковым в 1859 г., был напечатан в журнале «Современник» лишь по смерти К. Пруткова, в 1863 г., кн. IV. В подлиннике, вверху его, находится надпись: *«Подать в один из торжественных дней, на усмотрение»*.

Приступ: Наставить публику. Занеслась. Молодость; науки; незрелость!.. Вздор!.. Убеждения. Неуважение мнения старших. Безначалие. «Собственное» мнение!.. Да разве может быть *собственное* мнение у людей, не удостоенных доверием начальства?! Откуда оно возьмется? На чем основано? Если бы писатели знали что-либо, их призвали бы к службе. Кто не служит, значит: недостоин; стало быть, и слушать его нечего. С этой стороны еще никто не колебал авторитета наших писателей: я — первый. (Наперетъ на то, что *я — первый*. Это может помочь карьере. Далее развить то же, но в других выражениях, сильнее и подробнее.)

Трактат: Очевидный вред различия во взглядах и убеждениях. Вред несогласия во мнениях. «Аще царство на ся разделится» и пр. Всякому русскому дворянину свойственно желать не ошибаться; но, чтоб удовлетворить это желание, надо иметь материал для мнения. Где ж этот материал? Единственным материалом может быть только мнение начальства. Иначе нет ручательства, что мнение безошибочно. Но как узнать мнение начальства? Нам скажут: оно видно

из принимаемых мер. Это правда... Гм! нет! Это неправда!.. Правительство нередко таит свои цели из-за высших государственных соображений, недоступных пониманию большинства. Оно нередко достигает результата рядом косвенных мер, которые могут, по-видимому, противоречить одна другой, будто бы не иметь связи между собою. Но это лишь кажется! Они всегда взаимно соединены секретными шолнерами единой государственной идеи, единого государственного плана; и план этот поразил бы ум своею громадностью и своими последствиями! Он открывается в неотвратимых результатах истории. Как же подданному знать мнение правительства, пока не наступила история? Как ему обсуждать правительственные мероприятия, не владея ключом их взаимной связи? — «Не по частям водочерпательницы, но по совокупности ее частей суди об ее достоинствах». Это я сказал еще в 1842 г. и доселе верю в справедливость этого замечания. Где подданному уразуметь все эти причины, поводы, соображения; разные виды, с одной стороны, и усмотрения, с другой?! Никогда не понять ему их, если само правительство не даст ему благодетельных указаний. В этом мы убеждаемся ежедневно, ежечасно, скажу: ежеминутно. Вот почему иные люди, даже вполне благонамеренные, сбиваются иногда злонамеренными толкованиями; у них нет сведений: какое мнение справедливо? Они не знают: какого мнения надо держаться? *Не могу пройти молчанием...* (Какое славное выражение! Надо чаще употреблять его; оно как бы доказывает обдуманность и даже что-то вроде великодушия.) Не могу пройти молчанием, что многие признаны злонамеренными единственно потому, что им не было известно: какое мнение угодно высшему начальству? Положение этих людей невыразимо тягостное, даже смело скажу: невыносимое!

З а к л ю ч е н и е: На основании всего вышеизложенного и принимая во внимание: с одной стороны, необходимость, особенно в нашем пространном отечестве, установления единообразной точки зрения на все общественные потребности и мероприятия правительства; с другой же стороны — невозможность достижения сей цели без дарования подданным надежного руководства к составлению мнений — *не скрою* (опять отличное выражение! Непременно буду его употреблять почаще) — не скрою, что целесообразнейшим для сего средством было бы учреждение такого официального повре-

менного издания, которое давало бы руководительные взгляды на каждый предмет. Этот правительственный орган, будучи поддержан достаточным, полицейским и административным, содействием властей, был бы для общественного мнения необходимою и надежною звездою, маяком, вехою. Пагубная наклонность человеческого разума обсуждать все происходящее на земном круге была бы обуздана и направлена к исключительному служению указанным целям и видам. Установилось бы одно *господствующее* мнение по всем событиям и вопросам. Можно бы даже противодействовать развивающейся наклонности возбуждать *«вопросы»* по делам общественной и государственной жизни; ибо к чему они ведут? Истинный патриот должен быть враг всех так называемых *«вопросов»!*

С учреждением такого руководительного правительственного издания даже злонамеренные люди, если б они дерзнули быть иногда несогласными с указанным «господствующим» мнением, естественно, будут остерегаться противоречить оному, дабы не подпасть подозрению и наказанию. Можно даже ручаться, что каждый, желая спокойствия своим детям и родственникам, будет и им внушать уважение к «господствующему» мнению; и, таким образом, благодетельные последствия предлагаемой меры отразятся не только на современниках, но даже на самом отдаленном потомстве.

Зная сердце человеческое и коренные свойства русской народности, могу с полным основанием поручиться за справедливость всех моих выводов. Но самым важным условием успеха будет выбор редактора для такого правительственного органа. Редактором должен быть человек, достойный во всех отношениях, известный своим усердием и своею преданностью, пользующийся славою литератора, несмотря на свое нахождение на правительственной службе, и готовый, для пользы правительства, пренебречь общественным мнением и уважением вследствие твердого убеждения в их полнейшей несостоятельности. Конечно, подобный человек заслуживал бы достаточное денежное вознаграждение и награды чинами и орденскими отличиями. Не смею предлагать себя для такой должности по свойственной мне скромности. Но я готов жертвовать собою до последнего издыхания для бескорыстной службы нашему общему престол-отечеству, если только это будет согласно с предначертаниями высшего начальства.

Долговременная и беспорочная служба моя по министерству финансов, в Пробирной Палатке, дала бы мне, между прочим, возможность благоприятно разъяснять и разные финансовые вопросы, согласно с видами правительства. Разъяснения же эти бывают часто почти необходимы ввиду стеснительного положения финансов нашего дорогого отечества.

Повергая сей недостойный труд мой на снисходительное усмотрение высшего начальства, дерзаю льстить себя надеждою, что он не поставится мне в вину, служа несомненным выражением усердного желания преданного человека: принести посильную услугу столь высоко уважаемой им благонамеренности.

1859 года (annus, i)

Примечание: В числе разных заметок на полях этого проекта находятся следующие, которые Козьма Прутков, вероятно, желал развить в особых проектах: 1) «Велеть всем редакторам частных печатных органов перепечатывать руководящие статьи из официального органа, дозволяя себе только их повторение и развитие», и 2) «Вменить в обязанность всем начальникам отдельных частей управления: неусыпно вести и постоянно сообщать в одно центральное учреждение списки всех лиц, служащих под их ведомством, с обозначением противу каждого: какие получает журналы и газеты. И не получающих официального органа, как не сочувствующих благодетельным указаниям начальства, отнюдь не повышать ни в должности, ни в чины и не удостоивать ни наград, ни командировок».

Вообще в портфелях покойного Козьмы Пруткова, на которых отпечатано золотыми буквами: *«Сборник неоконченного (d'inachevé)»*, содержится весьма много любопытных документов, относящихся к его литературной и государственной деятельности. Может быть, из них еще будет что-либо извлечено для печати.



Поощрение столь же необходимо гениальному писателю, сколь необходима канифоль смычку виртуоза.

«Плоды раздумья» Козьмы Пруткова

ПРЕДИСЛОВИЕ КОЗЬМЫ ПРУТКОВА

Читатель, ты меня понял, узнал, оценил: спасибо! Докажу, что весь мой род занимался литературою. Вот тебе извлечение из записок моего деда. Затем издам записки отца. А потом, пожалуй, и мои собственные!

Записки деда писаны скорописью прошлого столетия, in folio, без помарок. Значит: это не черновые! Спрашивается: где же сии последние? — Неизвестно!.. Предлагаю свои соображения.

Дед мой жил в деревне; отец мой прожил там же два года сряду; значит: они там! А может быть, у соседних помещиков? А может быть, у дворовых людей? — Значит: их читают! Значит: они занимательны! Отсюда: доказательство замечательной образованности моего деда, его ума, его тонкого вкуса, его наблюдательности.— Это факты; это несомненно! Факты являются из сближений. Сближения обусловливают выводы.

Почерк рукописи различный; значит, она писана не одним человеком. Почерк «Приступа» совершенно сходен с подписью деда; отсюда: тождественность лица, писавшего «Приступ», с личностью моего деда!

Дед мой родился в 1720 году, а кончил записки в 1780 году; значит: они начаты в 1764 году. В записках его видна сила чувств, свежесть впечатлений; значит: при деревенском воздухе он мог прожить до 70 лет. Стало быть, он умер в 1790 году!

В портфеле деда много весьма замечательного, но, к сожалению, неконченого (d'inachevé). Когда заблагорассудится, издам все.

Прощай, читатель. Вникни в издаваемое!

Твой доброжелатель

Козьма Прутков

11 марта
1854 года (annus' i).



ПРИСТУП СТАРИКА

Уподобляяся, под вечер жизни моей, оному древних римлян Цынцынатусу, в гнетомые старостью года свои утешаюсь я, в деревенской тихости, кроткими наслаждениями и изобретенными удовольствиями; и достохвально в воспоминаниях упражняяся, тебе, сынишке моему, Петрушке, ради душевныя пользы и научения, жизненного прохождения моего описание и многие гисторические, из наук и светских разговоров почерпнутые, сведения после гроба моего оставить положил. А ты оное мое писание в необходимое употребление малому мальчишке, Кузьке, неизбежно передай. Чем сильняе прежнего наклонность мою заслужите.

Лета от Р. Х. 1780, июня 22-го дня, сей приступ, к прежде сочиненным мемориям памяти своей, написал и составил: *Отставной Премьер-майор и Кавалер Федот Кузьмичев сын Прутков.*

1

СООТВЕТСТВЕННОЕ ВОЗРАЖЕНИЕ ОДНОГО КУХАРЯ

Как у одного кухаря, в услужении у гишпанского советника состоящего, спрашивано было: *сколько детей имеет?* — То сей, опытный в своем деле искусник дал следующий, сообразный своему рукомеслу, ответ: *«Так, государь мой, у меня их осемь персон».*— Чему тот, нарочито богатый гишпанец, немало смеялся, закрывшись епанчою, и, пришед домой, не замедлил рассказать о сем встретившей его своей супруге.

2

МИЛОРДОВЫ ПРАВИЛА

Некий милорд находил нарочитое удовольствие в яствах. То однажды, на фрыштике в пятьдесят кувертов, при бытности многих отменно важных особ, так выразил: *«Государи мои! родительница моя кушала долго, а родитель мой кушал много; поколику и я придерживаюсь обоих сих правил».*

3

ЧТО К ЧЕМУ ПРИВЕШАНО

Некоторая очень красивая девушка, в королевском присутствии, у кавалера де Монбасона хладнокровно спрашивала: *«Государь мой, что к чему привешано: хвост к собаке или собака к хвосту?»* — То сей проворный в отповедях кавалер, нисколько не смятенным, а напротив того, постоянным голосом ответствовал: *«Как, сударыня, приключится; ибо всякую собаку никому за хвост, как и за шею, приподнять невозбранно».*— Которая отповедь тому королю отменное удовольствие причинивши, оный кавалер не без награды за нее остался.

4

ЛУЧШЕ ПОБОЛЬШЕ, ЧЕМ ПОМЕНЬШЕ

Некий австрийский интендант, не замедлив после Утрехтского мира задать пир пятерым своим соратникам, предварительно наказал майордому своему подать на стол пять килек,

по числу ожидаемых. А как один из гостей, более противу прочих проворства имеющий, распорядился на свою долю, заместо одной, двумя кильками, то интендант, усмотрев, что чрез сие храбрейший из соратников Бремзенбург-фон-Экштадт определенной ему порции вовсе лишился, воскликнул: *«Государи мои! кто две кильки взял?»*

5

ВПОРУ ПРИЧИНЕННОЕ УДОВОЛЬСТВИЕ

Как некогда славный и во многих с Туркою баталиях отличившийся генерал-аншеф X., премногими от государыни регалиями и другими милостями наделенный, во французском, однако, диалекте нарочито несведущ оказывался. То сие незнание свое отнюдь перед модными того времени госпожами объявить не желая, навсегда секретно, перед каждым из дому своего выездом, по нескольку французских речений затверживал; и оные на малой бумажке русскими литерами исписавши, таковую за обшлаг мундирного кафтана своего запихивал, норовя по ней, между русского разговора, громчае противу прочего выговорить. Сия генеральская выдумка хотя превострою ему казалася, однако от государыниной любимицы, весьма знатной и пригожей девки, не могла укрыться; и оная девица, сим позабавить свою благодетельницу положив, таковой умысел свой в тот же день, на бывшем куртаге, в действо произвела. Для сего, когда государыня с генералом X. о делах говорить удостоили, знатная фрейлина сия, сзаду к нему подступивши, незаметно для него ту бумажку из-под обшлага выхватила и по ней, переделанным на генеральский обычай голосом, смело выкрикнула: *«Рьень моень кё.— Ву зет ля рень дю баль.— Ни плю, ни моень.— Не плезанте жаме авек ле фам, дон лимажинасион ансесаман траваль.— Сепандан ле терань комансе а девенир де плюз-ен-плюз юмид!»* [1] — Таковая сей пригожей

[1] Никакого средства, кроме.— Вы — царица бала.— Ни более ни менее.— Никогда не шутите с женщинами, воображение которых непрестанно работает.— Между тем почва начинает становиться все более и более влажной. (От *франц.* Rien moyen que.— Vous êtes la reine du bal.— Ni plus, ni moins.— Ne plaisantez jamais avec les femmes, dont l'imagination incessamment travaille.— Cependant le terrain commence à devenir de plus en plus humide.)

девки выходка немалый смех всему собранию причинивши, великая государыня сама премного и даже долго после сего смеялися; а под конец оную знатную девицу за храброго генерал-аншефа X. с превеликою пышностью замуж выдали...

6

ЛУЧШЕЕ СРЕДСТВО В ТАКОМ СЛУЧАЕ

Некогда маршал де Басомпьер, задумав угостить в будущий четверток ближайших сродников своих, кухарь сего вельможи пришел от того в немалую мыслей расстройку, униженно господину докладывая, что у них всего один бык имеется. *«Изрядно,*— возразил маршал,— *а сколько у того быка частей?» — «Осемь»,*— ответствовал сей.— *«Отнюдь!*— перехватил маршал,— *одиннадцать у быка; а для сего и можно оный на одиннадцать блюд изготовить!»* — Так многие знания во всяком звании пригодиться могут.

7

ДВА КАМИЗОЛА

Интендант лангедокский господин де Графиньи, прогуливаясь в один летний день в двух черных камизолах, повстречался в сем удивления достойном наряде с дюком де Ноалем. Сей вопросил: *«Господин интендант! возможно ли? два камизола в столь знойный день?»* На что, с тоном печали, ответствовал: *«Господин дюк! Злосчастие преследует меня: вчера скончался дед мой, а сегодня испустила дух моя бабка! Для чего и надел я сугубый траур».*

8

ОТВЕТ ОДНОГО ИТАЛИЙСКОГО СТАРЦА

Две молодые италийские благородные девки, в зелени на прекрасной долине сидевши, помимо их проходил седой, но непомерно прыткий старик. То они с усмешкою вопросили: *отчего такое завидное не по летам сложение имеет?* — Ответствовал: *«Потому, съиздетства употребляю масло внутрь, а мед снаружи».*

9

НЕУМЕСТНОЕ ПРИВЕТСТВИЕ, КРЕПКО НАКАЗАННОЕ

Как некий, добивающийся форстмейстерского звания шваб Андреас Гольце, ненароком к возлюбленной своей, девице изрядного поведения, вошед и оную увидев за обеденным столом сидящую и свой аппетит внутренностию жареной бекасины в то время удовлетворяющую, так приветствовал: *«О Амалия! если б я был бекасиною, то, уповаю, всю тарелку вашу своими внутренностями чрез край переполнил бы!»* На что случившийся при том Амальин родитель, главный лесничий магдебургских лесов, Карл-Фридрих, Венцельроде, незапно с места вскочив, учал того Гольце медным шомполом по темени барабанить и, изрядно оное размягчив, напоследок высказал: *«Тысячу зарядов тебе в поясницу, негодный молодой человек! Я полагал доселе, что ты с честными намерениями к дочери моей прибегаешь!»*

10

ДОКУДОВА РАЗНОСТЬ

Господин де Вольтер, однажды в беседе со многими той страны министрами находясь, отменно остроумно высказал: *«Разность промеж людей доходит временем до высочайшего градуса; отчего иные столь великие, что для покрытия головы своей сами до оной на цыпочки подниматься должны; а другие для того же к голове своей сами на колени опускаться принуждены обретаются».*

11

ТИХО И ГРОМКО

Господин виконт де Брассард, с отменною ласкою принятый в доме одного богатого ветерана, в известном сражении левой ноги лишившегося, усердно приволакивался за молодою его супругою, незаметно, по-военному, подпуская ей амура. То однажды, изготовив в мыслях две для нее речи, из коих одну: «Пойдем на антресоли» — сказать тихо, а другую: «Я еду на свою мызу» — громко; толико от внезапу разлиявшегося по членам его любовного пламени замешался, что, при многих тут бывших, произнес оные в обратном

порядке, а именно — тихо и пригнувшись к ее уху: *«Я еду на свою мызу»;* а за сим громко и целуя ее в руку: *«Пойдем на антресоли!»* — За что, быв выпровожден из того дому с изрядно накостылеванным затылком, никогда уже в оный назад не возвращался.

12

СЛИШКОМ ПОМНИТЬ ОПАСНОСТЬ

Генерал Монтекукули, в известную войну от неприятеля с торопливостью отступая и незапно в реку Ин пистолет свой уронивши, некий австрийский путник, пять лет спустя с пригожею девкою вдоль сей реки гуляя, так возразил: *«Пожалуйте, сударыня, сей реки весьма поберегитесь; ибо в оной заряжоный пистолет обретается».*— На что сия нарочито разумная девица не упустила засмеяться; да и он того же учинить не оставил.

13

ИЗЛИШНЕ СДЕРЖАННОЕ СЛОВО

Единожды аббат де Сугерий с Иваном-Яковом де Руссо гуляя, незапно так сказал: *«Обожди, друг, маленько у сей колонны; ибо я, на краткий миг нужду имея, тотчас к тебе возвратиться не замедлю».* Сей искусный в своем деле философ, многим в жизни своей наукам обучаясь, непременно следовал Солоновым, Ликурговым и Платоновым законам, а особливо Димоландской секты; [1] для чего не упустил господина аббата целые три дня с упрямством дожидать, а напоследок, сказывают, и вовсе от голода на указанном месте умре.

14

К КОМУ ПРИДЕТ НЕСЧАСТИЕ

Некоторый градодержатель, имея для услуг своей персоне двух благонадежных, прозвищами: *Архип* и *Осип,* некогда определил им пойти пешо́ю эштафетой к любимой сего чинов-

---

[1] Читай книгу: «О суете наук», гл. 63.

ника госпоже, не поблизости от того места проживающей. То сии градодержателевы холопы, застигнуты будучи в пути прежестоким ненастьем, изрядную простуду получили, от коей: Архип *осип,* а Осип *охрип.*

15

НЕДОГАДЛИВЫЙ УПРЯМЕЦ

Всем ведомый англицкий вельможа Кучерстон, заказав опытному каретнику небольшую двуколку для весенних прогулок с некоторыми англицкими девушками, по обычаю той страны ледями называемыми; сей каретник не преминул оную к нему во двор представить. Вельможа, удобность сработанной двуколки наперед изведать положив, легкомысленно в оную вскочил; отчего она, ничем в оглоблях придержана не будучи, в тот же миг и от тяжести совсем назад опрокинулась, изрядно лорда Кучерстона затылком о землю ударив. Однако сим кратким опытом отнюдь не довольный, предпринял он таковой сызнова проделать; и для сего трикратно снова затылком о землю ударился. А как и после того, при каждом гостей посещении, пытаясь объяснить им оное свое злоключение, он по-прежнему в ту двуколку вскакивал и с нею о землю хлопался, то напоследок, острый пред тем разум имев, мозгу своего от повторенных ударов, конечно, лишился.

16

НЕ ВСЕГДА СЛИШКОМ СИЛЬНО

Холостой и притом видный из себя инженер, в окрестностях Инспрука работы свои производящий, повадился навещать некоего магистера разных наук, в ближайшем оттуда местечке проживающего. Сей, быв неуклонно занят всякими вычислениями, свою бездетную, но здоровьем отличную супругу не токмо в благородные собрания, ниже на многолюдные прогулки не важивал, да и в дому своем поединком отменно редко развлекал. Инженер, все сие по скорости заприметив, положил обнаружить пред магистершею, нимало не мешкая, привлекательные свои преспективы, дабы на чужой домашней неустройке храм собственного благополучия возвести. Наиудобнейшим для сего временем признал магистеровы трапезы; ибо ученый сей, разных стран академиями

одобряемый, главнейшее после фолиантов удовольствие в том полагал, что подолгу за трапезами просиживал, приветливо разделивая со случившимся посетителем тарелку доброй похлебки и всякого иного яства. Посему, за первою же трапезою супротив хозяйки присев, затеял, когда сладкого блюда вкушали, носком своей обуви таковой же хозяйкин прикрыть и оный постепенно надавливать, доколе дозволено будет. Притиснутая нога, сверх чаяния, не токмо выдернута не была, но хозяйка не без замысла лестным голосом выразила: *что, де, не столько вкушаемое печение приятно, колико приправа, оное сопровождающая.* С этим и магистер согласиться не замедлил, разумея предложенную к печению фруктовую примочку, многими «подливкою» называемую. После того однажды, когда магистерша к трапезе красивее обычного обрядилась, инженер, возбуждаемый видом ее поверх стола телосложения, на сей раз едва розовою дымкою прикрываемого, почал свои ножные упражнения выделывать с возрастающим сердца воспалением и силы умножением, повышая оные постепенно даже до самого колена. И дабы притом затмить от гостеприимного хозяина правильный повод своего волнения, стал расписывать оживленными красками, как через всю Инспрукскую долину превеликую насыпь наваливает и оную для прочности искусно утрамбовывает. Под конец же с толикою нетерпеливостию хозяйкино колено натиснул, что она, взорами незапно поблекши и лицом исказившись, к задку стула своего откинулась и громко, чужим голосом, воскликнула: *«Увы, мне! чашка на боку!»* Магистер вотще придумывал: о какой посудине супруга его заскорбела? А виновный продерзец, заботясь укрыть правду от несумнящегося супруга, почал торопливо передвигать миску, дотоле у края стола стоявшую, к самой середине оного. И неведомо, сколь долго протянулось бы такое плачевное оставление страдалицы без супружнего пособия, ежели бы сама, дух свой на время восприявши, не указала перстом сперва на поврежденный член, а потом и на укрывающегося бесстыдника и не высказала с особым изражением: *«Сей есть виновник моего злоключения! Он, с горячкою расписывая про насыпь чрез долину, не оставлял без толку напирать в мое левое колено, пока верхушку оного совсем своротил! От этого часу не токмо не за благородного кавалера его почитаю, но даже за наиувальнейшего мужика-землекопа!»* — Такими

выговоренными словами всю правду мужу вскрыла. Магистер, зная в корпусе своем не довольно силы, дабы дородную супругу подобрать, а притом и виновника до нее не допущая, высунясь из окна, выкрикнул с площади двух крепких носильщиков, которым наказал бережно хозяйку с отвороченным коленом в опочивальню перенести и там на двуспальное ложе поместить. Так: здоровая некогда госпожа сия проявилась болящею под занавесками, за коими допрежде хотя не часто амуры резвилися, но и бледноликая печаль не ютилася! Оставив страдалицу на ложе, вошел магистер с обоими носильщиками вспять в столовую горницу, где провинившийся, не без великого страха, дожидал висящего над ним своего приговора; и так ему с глубокою горечью высказал: *«Ведайте, государь мой, что хотя вы и опытный в своем деле инженер, но госпожа магистерша не есть земельная насыпь и никогда оною не бывала!»* — И, повернув от него, выплатил обоим носильщикам заслужоные ефимки и в опочивальню к болящей возвратился. А продерзкий тот сластолюбец, столь нечаянно от заслужоной и преизрядной потасовки избегший, за лучшее счел поскорее к дому убраться; и завсегда потом, о приключившемся вспоминая, так в мыслях своих выводил: *«Ежели и вправду сия подстольная любовная грамота остроумную при себе удобность имеет; ибо любимому предмету изъясняет, а от нелюбимых утаивает; однако и оную, даже в самых поспешных и чувствительных случаях, отнюдь до крайнего изображения допущать не должно».*

17

НИКТО НЕОБЪЯТНОГО ОБНЯТЬ НЕ МОЖЕТ

Однажды, когда ночь покрыла небеса невидимою своею епанчою, знаменитый французский философ Декарт, у ступенек домашней лестницы своей сидевший и на мрачный горизонт с превеликим вниманием смотрящий,— некий прохожий подступил к нему с вопросом: *«Скажи, мудрец, сколько звезд на сем небе?»* — *«Мерзавец!* — ответствовал сей,— *никто необъятного обнять не может!»* Сии, с превеликим огнем произнесенные, слова возымели на прохожего желаемое действие.



1

НЕ ВСЕГДА С ТОЧНОСТЬЮ ПОНИМАТЬ ДОЛЖНО

Весьма достаточный мануфактуроправитель, неподалеку от нью-йоркского города проживающий, навсегда с раннего утра рабочих своих подымая, только с темною ночью домой их отпускал; то, однажды, когда ночная мрачность совсем исчезла и благодетельная денница, являя утреннюю зарю светлеющим лицом своим, взирая на вселенную, правою рукою усыпала землю розами и орошала, наподобие жемчуга, из глаз своих зеленую траву росою,— сей трудящий рукодельник, многих из наемников своих тотчас пробудив, на смятенный запрос оных степенно ответствовал: *«Государи мои! поднимая вас прежде солнца и отпуская опосля луны, уповаю, конечно, следовать похвальному изречению: «ученье свет, а неученье тьма»*.

2

ЗЛОУМЫШЛЕННО ПРИЛОЖЕННАЯ ПОСЛОВИЦА

Как у некоего педагога несоразмерно короткая кровать имелась, на восток поставленная и ширмою от света загороженная. То один школьник, во время сна сего пестуна своего, неуместно над оным подшутив, осторожно повалил наставничью ширму. Когда же учитель, от солнечных лучей ранее проснувшийся, запальчиво с короткой кровати своей вопросил: *«Зачем мне светло?»* — Сей молодой повеса, нимало не смешавшись, но с надеждою ответствовал: *«Не вы ли сами, государь мой, с превеликою настойчивостию вперяли нам во всем придерживаться пословицы: коротко и ясно?»*

3

НАКЛОННОСТЬ ПРОТИВОРЕЧИЯ НЕРЕДКО В ОШИБКИ ВВЕСТИ МОЖЕТ

Некий, весьма умный, XIV-го века ученый справедливо тогдашнему германскому императору заметил: *«Отыскивая противоречия, нередко на мнимые наткнуться можно и в превеликие от того и смеху достойные ошибки войти: не явное ли в том, ваше величество, покажется малоумному противоречие, что люди в* теплую *погоду обычно в* холодное *платье облачаются, а в* холодную, *насупротив того, завсегда* теплое *одевают? Или, коликому сраму подверг бы себя тот, который громко и в большом собрании простодушно удивляться вздумал бы, что одержимый* водяною *болезнию старец почасту жажды своей утолить не может?»* — Сии, с достоинством произнесенные, ученого слова произвели на присутствующих должное действие, и ученому тому, до самой смерти его, всегда особливое внимание оказывали.

4

ОТМЕННАЯ МИНИСТРУ ОТПОВЕДЬ

Как некоторый германский государственных дел министр, великий промежду товарищей своих вес имеющий и с ними почасту в советах препирающийся, неосторожно, а паче того, с непригодною для министерского своего сана пылкостию,

в приватный, с некиим незнатного чина юношей, спор вошел; то, желая он свое, о пользе рабства, мнение напоследок историческими указаниями закрепить, тако с особою запальчивостью воскликнул: *«Воззри, о юноша, на сии, великостью ужасающие и разум поражающие пирамиды! Колико стоят они тысящелетий? а мог ли бы кто таковые не через невольнический труд с успехом учредить?»* Тому министрову рассуждению ни мало не удивляясь, но, напротив того, оное с поспешностью подхватив, сей, похвалы достойный, юноша степенно и с улыбкою ответствовал: *«Так, государь мой! Но для того, уповаю, и сохранило Провидение сии египтянские громадные пирамиды, дабы всякий, разума не лишенный, путник, с негодованием на оные взирая, неизбежно так помыслил: то превеликое есть доказательство, колико бесплодно завсегда невольнический труд прилагаем бывает!»* Сия, остроумно и смело составленная, того юноши отповедь, немалый сему министру стыд причинивши, оный, однако, и после того, сказывают, прежнему своему мнению верен остался.

5

И ВЕЛИКИЕ ЛЮДИ ИНОГДА НЕДОГАДЛИВЫ БЫВАЛИ

Всему свету известный герцог де Роган однажды, превеликую во всем организме расстройку от простуды ощутив, спешно французского врача, Густава де-ла-Шарбонера, звать приказал и от него пригодное для себя врачевание истребовал. Сей, искусный в своей науке, де-ла-Шарбонер не замедлил господину де Рогану особые капли прописать, которые по двадцати в воде принимать велел; а назавтра к сему больному с должною осторожностью вошед и оного, в холодной ванне сидящего и спокойно прописанные капли ложечкой пьющего, увидев, искусный тот врач немало сему изумился и с ужасом к герцогу воскликнул: *«Что вы делаете, государь мой?»* — Таковому докторскому вопросу вельми удивляясь и с негодованием герцог де Роган из ванны ему ответствовал: *«Не вы ли сами, господин де-ла-Шарбонер, вчера, при герцогине, супруге моей, с превеликою настойчивостью многажды наказывали мне: капли сии по двадцати* в воде *принимать? Что с самого отхода вашего по сей час непреклонно исполняя, напоследок совсем излечиться через сие несомненно надеюсь!»* — Так и великие люди иногда тоже недогадливыми бывали!

6

УЧЕНЫЙ НА ОХОТЕ

Сказывают, однажды Лефебюр-де-ла-Фурси, французский знаменитый ученый, к исследованию мафематических истин непрестанно свой ум прилагавший, нежданно тамошним королем, с прочими той страны почетными особами, на охоту приглашен был, и из богатого королевского арсенала добрый мушкет для сего получивши, наровне с другими королю в охоте сопутствовать согласился. Но когда уже оная королевская охота, изрядно утомившись, обратно путь свой к дому направила, то, проезжая мимо славного и широкого каштана, на берегу реки стоящего и в зеркале вод ее, влеве от него бегущих, длинные ветви свои живописно отражающего,— добрый сей король знаменитого того мафематика узрел, у подножия каштана на земле сидящего и тщательно, с превеликим прилежанием, на ладони дробь перебирающего, а мушкет и прочие охотничьи доспехи подалеку от него в стороне лежащие, и крайне сему удивляясь, громко его вопросил: *«Что вы делаете, господин Лефебюр-де-ла-Фурси?»* На королевский запрос, ни мало не смешавшись, но с видимым отчаянием, ученый тот ответствовал: *«Вот уже два часа, государь мой, как тщетно силюсь я привести сию дробь к одному знаменателю!»* — Возвратясь домой, король не упустил передать таковой ученого ответ молодым принцессам, дочерям своим, много в тот вечер смеявшимся оному, купно с их приближенными, а в доказательство, однако, сколь ученость должна быть всеми почтенна, тогда же господину Лефебюру-де-ла-Фурси из королевской своей вивлиофики особую книгу подарил, под заглавием: «*Перевод из нравоучительных рассуждений барона Гольбаха*», в нарочито богатом переплете и на пергаменте отпечатанную.

7

ИСКУСНЫЙ В ОТПОВЕДЯХ КАЗНОХРАНИТЕЛЬ

Славный по своей находчивости сановник, за казною надзирать приставленный и в оной от прежних лет оскудение заметив, особое, однако, к выпуску ассигнационных билетов старание приложил и тем, сказывают по бывшей в то время войне, немалую похвалу себе от тоя земли государя приоб-

рел, непрестанно его обогащением казны удивляя. То однажды, получив от любимого полководца своего извещение, что в войске великая нужда в мелких деньгах имеется, той земли государь, при многих, у ступень трона его бывших придворных, гневно сановника того вопросил: *«Известны ли вы, господин мой финанс-министр! великую войска наши нужду в мелких деньгах ощущают?»* На что сей, с тоном отчаяния, ответствовал: *«Единая тому вина есть, государь, что никак довольно отпечатывать не успеваем!»* Сии с покорностью произнесенные слова на прежнюю милость гнев государев, конечно, обратили.

8

И МАЛЫЕ В АСТРОНОМИИ ПОЗНАНИЯ БОЛЬШУЮ ЦАРЕДВОРЦАМ УСЛУГУ ОКАЗАТЬ МОГУТ

Индийский царь Вардигес, покорными слугами своими окруженный, единожды до самого заката солнечного со смехом неловкостью плясавшего перед ним медведя потешался и напоследок так воскликнул: *«Половину сокровищей, о верноподданные! тому, кто первее прочих сказать может: почто сие четвероногое непрестанно морду свою к небесам обращает, будто там что знакомое, а паче приятное, себе находит?»* — *«Доподлинно,—* ответствовал царю, ни мало не медля, степенный царедворец,— *оно там, уповаю, двух своих подруг, большую и малую, обрести успело»;* причем на двух в небе «Медведиц» указать государю не замедлил. Ответу сему весьма доволен оставшись, царь тотчас, в веселом расположении, в покой свой вошел и обещание свое в тот же день исполнить не оставил.

9

ДВА ДРУЖНЫЕ ГЕНЕРАЛА

Прусский генерал Страдман, с превеликим приятелем его, прусским же генералом Гонорингом, купно всегда пребывая и о различных сея природы явлениях непрестанно и взаимно друг с другом совещаясь, оные, по силе разума своего, каждый перед другим разрешали; то однажды, на конях и в ночное время из загородного лагеря выехав и на полную, в небе блещащую, ночную владычицу — луну с упорством взирая,

храбрый тот генерал Страдман товарища своего генерала Гоноринга напоследок вопросил: *«Думаете ли, ваше превосходительство, что на ночном сем светиле взаправду люди пребывают?»* — *«Думаю, ваше превосходительство»,*— ответствовал сей.— *«Согласен,*— возразил генерал Страдман,— *когда луна полная; но как же, ваше превосходительство, когда луна неполная бывает?»* — *«Уповаю, ваше превосходительство,*— перехватил генерал Гоноринг,— *что тогда люди там на тесных квартирах помещаются».*— С сими генерала Гоноринга словами нежданно они ко градским вратам приблизились, и в оные въехать положив, отнюдь, однако, таковой своей из лагеря отлучки перед начальством явить не желая, оба дружные сии генералы, по долгом между собою совещании в заставе фамилии свои взаимно переменить определили, чего и самым делом учинить не оставили. Для того решение сие, по привычке, без рассуждения в действо производя, искренние сии приятели, при въезде в город, генерал Гоноринг генералом Страдманом, а генерал Страдман генералом Гонорингом назвались и таковою неудачливою хитростью непозволенную поступку свою перед начальством выдали, за что накрепко оба арестованы будучи, навсегда потом и по гроб жизни начальнической той прозорливости меж собой удивлялись.

10

ВИДНО, ЧТО И В ДРЕВНОСТИ НЕМАЛУЮ К ПИСАНИЮ СКЛОННОСТЬ ИМЕЛИ И В ПЛУТОВАТОСТИ ПОЧАСТУ УПРАЖНЯЛИСЬ

Некогда великий Александр, ирой Македонский, осведомясь, что жители лампсакийские от него изменнически отстали и персской стороны держаться зачали, толико ожесточен стал сею их поступкою, что всех до одного истребить пригрозил и с немалым для того войском к мятежным лампсакийцам неотложно выступил. То однажды, в сем походе пребывая и на пути в одном из славных дворцов своих замешкав, царь сей македонский, от небреженья здоровья своего, нарочитый насморк себе приобрел, и по предписанию знатного, при нем бывшего, сиракузского врача, Менекратом именуемого, единожды сальную свечу от гофмейстера своего спросил, дабы оною нос свой от той неотвязной болезни

накрепко вымазать. То лукавые дворца его смотрители и после отъезда Александрова через долгое время каждодневно по сальной свечи в расход вписывали, немалую от того для себя прибыль имея, и для порядка законно по делу сему особую тетрадь завели, таковой на оной заголовок искусно надписав: «Дело об отпуске сальных свеч для смазывания августейшего носа». Однако премудрый ирой Македонский, нисколько на то не взирая, а напротив того, опосля про таковую хитрость их узнав, примерному наказанию оных изменщиков публично подверг, и для страха всю ту гисторию на мраморной в наилучшем из дворцов своих доске крупными литерами изобразить повелел, нимало имен тех прежних любимцев своих скрывать не желая.

Драматические произведения



Поощрение столь же необходимо гениальному писателю, сколь необходима канифоль смычку виртуоза.

«Плоды раздумья» Козьмы Пруткова

ФАНТАЗИЯ

Комедия в одном действии, соч. Y и Z

Была исполнена на императорском Александринском театре 8 января 1851 г.

МОЕ ПОСМЕРТНОЕ ОБЪЯСНЕНИЕ К КОМЕДИИ «ФАНТАЗИЯ» [1]

Этот экземпляр моей первой комедии «Фантазия» оставляю в том портфеле, на котором оттиснута золоченая надпись: «Сборник неконченого (d'inachevé) № 1».

Причисляю ее к неконченому (inachevé) только потому, что она еще не была напечатана.

Поручаю издать ее после моей смерти. Возлагаю это на добрых моих друзей, пробудивших во мне дремавшие дарования.

Им же поручаю напечатать впереди это объяснение и приложенный здесь в копии заглавный лист театрального экземпляра комедии.

Я списал этот лист с точностию, со всеми пометками театральных чиновников. Этими пометками пересказывается вкратце почти вся история комедии. Я люблю краткость. Ею легче ошеломить, привлечь. Жалею, что не соблюл ее в своей «Фантазии». Но мне вовсе не хотелось тратить время на этот первый мой литературный шаг. Впрочем, он и без того вышел достаточно разительным. Его не поняли, не одобрили; но это ничего!

Вот тебе, читатель, описание театральной рукописи: она в четвертушку обыкновенного писчего листа бумаги; сшита

[1] Это посмертное объяснение, вместе с комедиею «Фантазия», печатается с рукописи, найденной в том портфеле Козьмы Пруткова, о коем он упоминает в начале сего объяснения.

тетрадью; писана разгонисто, но четко; в тексте есть цензорские помарки и переделки; они все указаны мною в экземпляре для печати; на заглавном листе, кроме надписи: *«Фантазия, комедия в одном действии»*, имеются следующие пометы театральных чиновников:

а) вверху слева *«Д. И. Т. 23 декабря 1850 г. № 1039»;* это должно значить: «Дирекция Императорских Театров» и день и № внесения комедии в дирекцию;

б) вверху справа: *«К бенефису Максимова 1, назначенному 8 января 1851 г.»;*

в) посредине, над заглавием: *«1103»;* это, вероятно, входящий нумер репертуара;

г) под заглавием: *«от гг. Жемчужникова (А. М.) и Толстого (графа)».* Этим удостоверяется, что я представил комедию «Фантазия» чрез гг. Алексея Михайловича Жемчужникова и графа Алексея Константиновича Толстого;

д) под предыдущею надписью: *«Одобряется для представления. С.-Петербург, 29 декабря 1850 г. Дейст. ст. советник Гедерштерн»;*

е) вверху, вдоль корешка тетради, в три строки: *«по Высочайшему повелению сего 9 января 1851 г. представление сей пиесы на театрах воспрещено. Кол. Асс. Семенов».*

Ты видишь, читатель: моя комедия «Фантазия», внесенная в театральную дирекцию 23 декабря 1850 г., т. е. накануне рождественского сочельника, была разрешена к представлению перед кануном нового года (29 декабря) и уже исполнена императорскими актерами чрез день от праздника крещения (8 января 1851 г.), а затем тотчас же воспрещена к повторению на сцене!.. В действительности воспрещение последовало еще быстрее: кол. асесс. Семенов обозначил день *формального* воспрещения; но оно было объявлено словесно *8 января,* во время самого исполнения пьесы, даже ранее ее окончания, при выходе императора Николая Павловича из ложи и театра. А выход этот последовал в то время, когда актер Толченов 1-й, исполнявший роль Миловидова, энергично восклицал: «Говорю вам, подберите фалды! он зол до чрезвычайности!» (см. в 10-м явлении комедии).

Итак, публике дозволено было видеть эту комедию только *один раз!* А разве достаточно одного раза для оценки произведения, выходящего из рядовых? Сразу понимаются только явления обыкновенные, посредственность, пошлость.

Едва ли кто оценил бы Гомера, Шекспира, Бетговена, Пушкина, если бы произведения их было воспрещено прослушать более одного раза! Но я не ропщу... Я только передаю факты.

Притом успех всякого сценического произведения много зависит от игры актеров; а как исполнялась моя «Фантазия»?! Она была поставлена на сцену наскоро, среди праздников и разных бенефисных хлопот. Из всех актеров, в ней участвовавших, один Толченов 1-й исполнил свою роль сполна добросовестно и старательно. Даже знаменитый Мартынов отнесся серьезно только к последнему своему монологу, в роли Кутилы-Завалдайского. Все прочие играли так, будто боялись за себя или за автора: без веселости, робко, вяло, недружно. Желал бы я видеть: что сталось бы с любым произведением Шекспира или Кукольника, если б оно было исполнено так плохо, как моя «Фантазия»?! Но, порицая актеров, я отнюдь не оправдываю публики. Она была обязана раскусить... Между тем она вела себя легкомысленно, как толпа, хотя состояла наполовину из людей высшего общества! Едва государь, с явным неудовольствием, изволил удалиться из ложи ранее конца пьесы, как публика стала шуметь, кричать, шикать, свистать... Этого прежде не дозволялось! За это прежде наказывали!

Беспорядочное поведение публики подало повод думать, будто комедия была прервана, не доиграна; будто все актеры, кроме Мартынова, удалились со сцены поневоле, не докончив своих ролей; будто г. Мартынов, оставшись на сцене один, поступил так по собственной воле и *импровизовал* (!) тот заключительный монолог, в котором осуждается автор пьесы и который, по свидетельству даже врагов моих, «вызвал единодушные рукоплескания»! Все это неправда. Я не мог возражать своевременно, потому что боялся дурных последствий по моей службе. В действительности было так: публика, сама того не зная, дослушала пьесу до конца; актеры доиграли свои роли до последнего слова; пред монологом Мартынова они оставили сцену все разом, потому что так им предписано в моей комедии; г. Мартынов остался на сцене один и произнес монолог, потому что так он обязан был сделать, исполняя роль Кутилы-Завалдайского. Следовательно: публика, думая рукоплескать Мартынову как импровизатору и в осуждение автора, в действительности рукоплескала Мартынову как актеру,

а мне — как автору! Так сама судьба восстановила нарушенную справедливость; благодарю ее за это!

Не скрою (да и зачем скрывать?), что тогдашние театральные рецензенты отнеслись к этому событию поверхностно и недоброжелательно. Вот выписки из двух тогдашних журналов, с сохранением их курсивов. Эти курсивы отнюдь нельзя уподобить «умным изречениям», вопреки моему афоризму в «Плодах раздумья».

а) *Выписка из журн. «Современник» (1851 г., кн. 11, Смесь, стр. 271):* «По крайней мере, в бенефис г-жи Самойловой [1] не было ничего слишком плохого, чему недавний пример был в бенефис Максимова; пример очень замечательный в театральных летописях [2] тем, что одной пьесы *не доиграли* [3], вследствие *резко* выраженного неодобрения публики. Это случилось с пьесою «Фантазия».

б) *Выписка из журн. «Пантеон» (1851 г., кн. 1):* «Вероятно, со времени существования театра никому еще в голову не приходило *фантазии* [4], подобной той, какую гг. Y и Z [5] сочинили для русской сцены... [6] Публика, потеряв терпение, не дала актерам окончить эту *комедию* и ошикала ее прежде опущения занавеса [7]. Г. Мартынов, оставшийся один на сцене, попросил из кресел афишу [8], чтоб узнать, как он говорил: [9]

---

[1] Это говорится о бенефисе Самойловой 2-й, который предшествовал бенефису Максимова 1-го.

[2] Сколько мне известно, таких «летописей» вовсе не существует; разве какие-нибудь тайные, вредные?

[3] Из моего объяснения видно, что это неправда.

[4] Тут сочинитель статьи, очевидно, полагал сострить, хотя бы с помощью курсива!

[5] Я назвал на афише автора пьесы иностранными литерами: «Y и Z», потому что не желал выдать себя, опасаясь последствий по службе.

[6] Что же дурного, что никто еще не сочинял подобной фантазии? В этом и достоинство!

[7] *Во-первых,* из курсива слова «комедия» видно, что сочинителю досадно: зачем этот титул присвоен моей пьесе? ему хотелось бы (как и дирекция желала), чтобы пьеса моя была названа: «шутка-водевиль»! *Во-вторых:* из моего объяснения уже известно, что комедия была доиграна до последнего слова.

[8] Г. Мартынов потребовал афишу не «из кресел», а от контрабаса, из оркестра, как ему было предписано в его роли (см. подлинную комедию).

[9] Вовсе не *«он»* говорил, а *я* предписал ему сказать это в роли Кутилы-Завалдайского!

«кому в голову могла прийти фантазия сочинить такую глупую пьесу?» — Слова его были осыпаны единодушными рукоплесканиями [1]. После такого решительного приговора публики нам остается только занести в нашу «Летопись» один факт: [2] что оригинальная *Фантазия* удостоилась на нашей сцене *такого падения,* с которым может только сравниться падение пьесы *«Ремонтеры»,* данной 12 лет назад и составившей эпоху в преданиях Александринского театра [3].

Только в одном из московских изданий было выказано беспристрастие и доброжелательство к моей комедии; не помню в котором: в «Москвитянине» или в «Московских ведомостях»? Всякий может узнать это сам, пересмотрев все русские журналы и газеты за 1851 год. Помню, что я мысленно приписывал ту статью г-ну Аполлону Григорьеву, тогдашнему критику в «Москвитянине». Помню также, что в этой статье сообщалось глубокомысленное, но патриотическое заключение, именно: рецензент хотя не присутствовал в театре и, следовательно, не знал содержания моей комедии,— отгадал по определению действующих лиц в афише, что «это произведение составляет резкую сатиру на современные нравы». Спасибо ему за такую проницательность! Думаю, впрочем, что ему много помогло быстрое воспрещение повторения пьесы на сцене. С того времени я очень полюбил г. Аполлона Григорьева, даже начал изучать его теорию литературного творчества, по статьям его в «Москвитянине», и старался применять ее к своим созданиям; а когда я натыкался на трудности, то обращался прямо к нему за советом печатно, в стихах (пример этому см. выше в стихотворении: «Безвыходное положение»).

---

[1] Тут явно злонамеренное перетолкование рукоплесканий публики. Хотя публика — толпа, но заступаюсь за нее, по привычке к правде: публика рукоплескала не одной этой фразе, а *всему* монологу, с начала до конца.

[2] Опять «летопись», да еще с крупной буквы! А я убежден, что ее вовсе не существует.

[3] Мне неизвестна комедия «Ремонтеры», и потому не могу судить: уместно ли это сравнение? Что же касается замечания, что представление моей «Фантазии» составит «эпоху в преданиях Александринского театра», то хотя я не понимаю: какая «эпоха» может быть в «преданиях»? однако не скрою (да и зачем скрывать?), что именно это вполне соответствовало бы моим надеждам и желаниям!

Вот все данные для суда над моей комедией «Фантазия». Читатель! помни, что я всегда требовал от тебя справедливости и уважения. Если б эта комедия издавалась не после моей смерти, то я сказал бы тебе: до свидания... Впрочем, и ты умрешь когда-либо, и мы свидимся. Так будь же осторожен! Я с уверенностию говорю тебе: *до свидания!*

Твой доброжелатель

Козьма Прутков

11 августа
1860-го года (annus, i)

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Аграфена Панкратьевна Чупурлина, богатая, но самолюбивая старуха . . . . *Г-жа Громова*

Лизавета Платоновна, ее воспитанница . . *Г-жа Левкеева*

Адам Карлович Либенталь, молодой немец[1], не без резвости . . . . *Г. Марковецкий*

Фемистокл Мильтиадович Разорваки, человек отчасти лукавый и вероломный . . . . *Г. Каратыгин 2*

Князь[2] Касьян Родионович Батог-Батыев, человек, торгующий мылом . . . . *Г. Прусаков*

Мартын Мартынович Кутило-Завалдайский, человек приличный . . . . *Г. Мартынов*

Георгий Александрович Беспардонный, человек застенчивый . . . . *Г. Смирнов 2*

Фирс Евгениевич Миловидов, человек прямой *Г. Толченов 1*

Акулина, нянька . . . . *Г-жа ****

Фантазия, моська
Пудель
Собачка, малого размера
Собака датская
Моська, похожая на Фантазию
Незнакомый бульдог
} Без речей[3]

Кучера, повара, ключницы и казачки.

Действие происходит на даче Чупурлиной. Сад. Направо от зрителей домик с крыльцом. Посреди сада (в глубине) беседка, очень узенькая, в виде будки, обвитая плющом. На беседке флаг с надписью: *«Что наша жизнь?»* Перед беседкой цветник и очень маленький фонтан.

---

[1] Слово «немец» было заменено в афише словом «человек».

[2] Титул «князь» был исключен цензором в перечне действующих лиц и повсюду в тексте.

[3] Эти действующие лица «без речей» не были одобрены цензором в перечне действующих лиц на афише. *Примечания К. Пруткова.*

ЯВЛЕНИЕ I

По поднятии занавеса: Разорваки, князь Батог-Батыев, Миловидов, Кутило-Завалдайский, Беспардонный и Либенталь ходят молча взад и вперед по разным направлениям. Они в сюртуках или во фраках.

Довольно продолжительное молчание.

Кутило-Завалдайский

(вдруг останавливается и обращается к прочим)

Тс! тс! тс!..

Все

(остановившись)

Что такое?! что такое?!

Кутило-Завалдайский

Ах, тише! тише!.. Молчите!.. Стойте на одном месте!.. *(Прислушивается.)* Слышите?.. часы бьют.

Все подходят к Кутиле-Завалдайскому, кроме Беспардонного, который стоит задумчиво, вдали от прочих.

Разорваки

(смотрит на свои часы)

Семь часов.

Кутило-Завалдайский

(тоже смотрит свои часы)

Должно быть, семь; у меня половина третьего. Такой странный корпус у них,— никак не могу сладить.

Все
(кроме Либенталя, смотря на часы)

Семь часов.

Либенталь

Я не взял с собою часов, ибо *(в сторону)* счастливые часов не наблюдают!

Разорваки

Давно желанный и многожданный час!.. Вот мы все здесь собрались; но кто же из нас, здесь присутствующих женихов, кто получит руку Лизаветы Платоновны? Вот вопрос!

Все
(задумавшись)

Вот вопрос!

Беспардонный
(в сторону)

Лизавета Платоновна, Лизавета Платоновна!.. Кому ты достанешься? Ах!

Разорваки

Пока еще не пришла старушка, в руке которой наша невеста, мы...

Кутило-Завалдайский

Мы тщательно осмотрим друг друга: все ли прилично и всё ли на своем месте? Женихи ведь должны... Господин Миловидов! *(Указывает на его жилет.)* У вас несколько нижних пуговиц не застегнуто.

Миловидов
(не застегивая)

Я знаю.

Разорваки

Господа! я предлагаю, пока старушка еще не пришла, сочинить ей приятный комплимент в форме красивого куплета и спеть, как обыкновенно в водевиле каком-нибудь поют на сцене актеры и актрисы.

Все

Пожалуй... пожалуй... сочиним! сочиним!

Разорваки

Для этого сядем по местам. Садитесь все по местам!

Разорваки садится на скамейку; Беспардонный — на другую; князь Батог-Батыев и Кутило-Завалдайский — на траву; Миловидов уходит в беседку; Либенталь вынимает из кармана бумажник и карандаш и взлезает на дерево.

Либенталь

Здесь поближе к небесам.

Разорваки

Уселись? Начнем... *(Подумав.)* «Вот куплеты...» — Господа, рифму!

Либенталь
(с дерева)

Разогреты!

Миловидов
(из беседки)

Почему же разогреты?!

Либенталь

Неподдельными нашими чувствами разогреты!

Разорваки

Я лучше вас всех понимаю поэзию: я человек южный, из Нежина.

Кн. Батог-Батыев

Я из Казани.

Разорваки

Не перебивать!.. Слушайте: «Вот куплеты — Мы, поэты,— В вашу честь,— Написали вместе»...

Миловидов

«Написали вместе — В этом лесе».

Разорваки

Это не рифма!

Кутило-Завалдайский

Это сад.

Миловидов

Ну — «В этом саде!»

Разорваки

Не перебивать!..— «Написали вместе,— На своем всяк месте,— Нас здесь шесть».— Вот это так!.. Далее: «Мы вас знаем»... Ах! идет!.. Аграфена Панкратьевна идет!.. Ну, нечего делать!.. Так как есть, каждый на своем месте, давайте петь. Я начинаю!

ЯВЛЕНИЕ II

Те же и Чупурлина с Лизаветой. Чупурлина с Лизаветой сходят с крыльца в сад. Чупурлина ведет на ленточке моську. Женихи сидят на местах и поют на голос «Frère Jacques». Разорваки начинает.

Все
(поют)

Вот куплеты,
Мы, поэты,
В вашу честь (bis)
Написали вместе,
На своем всяк месте.
Здесь нас шесть!
Нас здесь шесть!

Аграфена Панкратьевна и Лизавета Платоновна смотрят с удивлением во все стороны.

Разорваки

Господа, второй куплет экспромтом; каждый давай свою рифму. Я начинаю!

Поют, каждый отдельно, по одному стиху, в следующем порядке:

Разорваки

Мы вас знаем —

Кутило-Завалдайский

Ублажаем —

Кн. Батог-Батыев

Услаждаем —

Миловидов

Занимаем —

Беспардонный

Сохраняем —

Либенталь

Забавляем!

Разорваки

Довольно... довольно!..

Все

(хором)

Всякий час!
Всякий час!..

Разорваки

(продолжая петь один)

Вы на нас взгляните!

Миловидов

(тоже)

И нас обнимите!

Все

(хором)

А мы вас!
А мы вас!

При последнем стихе все идут к Аграфене Панкратьевне с распростертыми объятиями.

Чупурлина

Благодарю вас, благодарю вас!

Либенталь

(бежит вперед других)

Милостивая государыня, почтенная Аграфена Панкратьевна! лестная для меня маменька!

Кн. Батог-Батыев

Почтеннейшая Аграфена Панкратьевна!

Кутило-Завалдайский

Благодетельница!

Разорваки

Такая благодетельница, что просто... ух!.. целовал бы, да и только!

Кутило-Завалдайский
(в сторону)

Какие у этого грека всё сильные выражения; совсем не умеет себя удерживать.

Беспардонный подходит, отворяет рот, но от внутреннего волнения не может сказать ничего.

Миловидов
(перебивая выразительные знаки Беспардонного)

Ну, что же, матушка!.. надумались? Вот мы все налицо. Кто же из нас лучше? говорите!.. Да ну же, говорите!

Чупурлина

Тише, мой батюшка, тише! Вишь, какой вострый, как приступает!.. Моя Лизанька не какая-нибудь такая, чтоб я ее вот так взяла да и отдала первому встречному! Я своей Лизанькой дорожу! *(Гладит моську.)* Она мне лучше дочери... Я не отдам ее какому-нибудь фанфарону! *(Окидывает Миловидова глазами с ног до головы.)* Небось ты, батюшка, все на балах разные антраша выкидывал да какие-нибудь труфели жевал под сахаром; а теперь — спустил денежки, да и востришь зубы на Лизанькино приданое? Нет, батюшка, тпрру!! Пусть-ка прежде каждый из вас скажет: какие у него есть средства, чтобы составить ее счастье? *(Гладит моську.)* А без этого не видать вам Лизаньки, как своей поясницы.

Миловидов
(в сторону)

Вишь, баба! Вишь, какая баба!

Либенталь
(к моське)

Усиньки, усиньки, тю, тю, тю...

Миловидов
(к Чупурлиной)

Средства будут!

Чупурлина

Какие, мой батюшка?

Миловидов

А приданое-то? Как получу его, так будут и средства! И чем больше приданое, тем больше средства!

Чупурлина

Ну вот! я так и знала. Фанфарон, просто фанфарон; что его слушать! *(К Кутиле-Завалдайскому.)* Ну, а ты, батюшка?

Либенталь
(к Чупурлиной)

Маменька, позвольте: кажется, моська заступила за ленточку левою ножкой? клянусь вам!

Чупурлина

Спасибо, батюшка... *(Снова обращается к Кутиле-Завалдайскому.)* Ну, а ты, Мартын Мартынович?

Кутило-Завалдайский

Сударыня, позвольте вас уверить, что, вступив в брак с Лизаветой Платоновной, я всегда буду соблюдать пристойность...

Чупурлина

Нет, я не о том... Какие у тебя надежды? Есть ли у тебя фабрика?

Кутило-Завалдайский

Нет-с, фабрики не имею.

Чупурлина

Ну, так как же?

Кутило-Завалдайский

У меня, сударыня, более нравственный капитал! Вы на это не смотрите, что мое такое имя: Кутило-Завалдайский.

Иной подумает и бог знает что; а я совсем не то! Это мой батюшка был такой, и вот дядя есть еще; а я нет! Я человек целомудренный и стыдливый [1]. Меня даже хотели сделать брандмейстером [2].

Чупурлина

Фу-ты, фанфарон! право, фанфарон! фанфарон, фанфарон, да и только!.. *(Обращается к кн. Батог-Батыеву.)* Авось ты, батюшка, посолиднее. Посмотрим, чем ты составишь счастье Лизаньки?

Кн. Батог-Батыев

Большею частью мылом! *(Вынимает из кармана куски мыла.)* У меня здесь для всех. *(Раздает.)* Вам, сударыня, для рук; а этим господам бритвенное. *(К Миловидову.)* Вам, кроме бритвенного, особенный кусок — для рук.

Миловидов
(принимает с благодарностью, но смотрит на свои руки пристально)

Благодарю!

Чупурлина

Благодарствуйте, князь. *(Обращается к Разорваки.)* Ну, тебя, Фемистокл Мильтиадович, я не спрашиваю. Ведь ты не в самом же деле вздумал жениться на Лизаньке! Где тебе!

Разорваки

Нет-с, я не шучу. Серьезно прошу руки Лизаветы Платоновны! Я происхождения восточного, человек южный; у меня есть страсти.

Чупурлина

Неужто?.. Но какие же у тебя средства?

Разорваки

Сударыня, Аграфена Панкратьевна! Я человек южный, положительный. У меня нет несбыточных мечтаний. Мои средства ближе к действительности... Я полагаю: занять

---

[1] Здесь цензор вычеркнул слово «целомудренный» и написал «нравственный».

[2] Эти слова: «Меня даже хотели сделать брандмейстером» — вычеркнуты цензором. *Примечания К. Пруткова.*

капитал... в триста тысяч рублей серебром... и сделать одно из двух: или пустить в рост, или... основать мозольную лечебницу... на большой ноге!

Чупурлина

Мозольную лечебницу?

Разорваки

На большой ноге!

Чупурлина

Что ж это? На какие ж это деньги?.. Нешто на Лизанькино приданое?

Разорваки

Я сказал: занять капитал в триста тысяч рублей серебром!

Чупурлина

Да у кого же занять, батюшка?

Разорваки

Подумайте: триста тысяч рублей серебром! Это миллион на ассигнации!

Чупурлина

Да кто тебе их даст? Ведь это, выходит, ты говоришь пустяки?

Разорваки

Миллион пятьдесят тысяч на ассигнации!

Чупурлина

Пустяки, пустяки; и слышать не хочу! Господин Беспардонный, вы что?

Беспардонный
(встрепенувшись)

Сударыня... извините... я надеюсь... не щадя живота своего... не щадя живота своего...[1] для Лизаветы Платоновны... до последней капли крови!..

---

[1] Цензор изменил: вместо славянского «живота своего», поставил «жизни своей». Однако ведь о «животе» говорят не только в молитвах, но даже тогда, когда «кладут его на алтарь отечества». Почему же неприлично говорить о нем в театре? *Примечание К. Пруткова.*

Либенталь
(перебивая)

Маменька, послушайте,— лучшее средство есть: трудолюбие, почтение к старшим и бережливость! Почтение к старшим, трудолюбие... *(Нагибается к моське.)*

Чупурлина

Что ты, батюшка, на ней увидел?

Либенталь

Маменька, ушко завернулось у Фантазии.

Чупурлина
(полугромко)

В этом молодом человеке есть прок.

Либенталь
(продолжает ласкать моську)

Усиньки, тю, тю, тю, фить, фить, фить!..

Чупурлина
(по-прежнему)

Он хорошо изъясняется.

Либенталь
(к моське)

Фить, фить, фить, тю, тю, тю!..

Чупурлина
(Либенталю)

Спасибо тебе за то, что ты такой внимательный.

Миловидов

Ну что же, матушка; довольно наговорились про всякий вздор!.. Пора, братец, сказать: кто из нас лучше?

Чупурлина

Тише, тише, мой батюшка!.. Вишь, как опять приступает! Так и видно, что целый век играл на гитаре.

Кутило-Завалдайский
(в сторону)

Миловидов действует неприлично.

Миловидов

Да пора же кончить!

Разорваки

Миллион пятьдесят тысяч на ассигнации!

Чупурлина

Да, нечего говорить: всех-то вас толковее Адам Карлыч.

Разорваки
(берет Чупурлину в сторону)

Сударыня, принимая в вас живейшее участие, я должен вам сказать, что однажды Адам Карлыч на Крестовском... *(Шепчет ей на ухо.)*

Чупурлина

Как? Возможно ли?! Какие гадости!.. Адам Карлыч, Адам Карлыч! поди-ка сюда!.. Правда, что ты однажды на Крестовском... *(Шепчет ему на ухо.)*

Либенталь
(с ужасом)

Помилуйте, маменька; никогда на свете!..

Чупурлина

Ну, то-то; я так и думала!.. Видишь, Фемистокл Мильтиадович, это был не Адам Карлыч. Это кто-нибудь другой.

Разорваки
(ей)

Действительно: это, кажется, был Миловидов.

Чупурлина
(к Либенталю)

Ну, Адам Карлыч, коли ты понравишься Лизаньке, то бери ее, и дело с концом. Поди, объяснись с ней. Она здесь

где-то, в саду. Прощайте, родимые. Спасибо вам за честь. *(Особо к кн. Батог-Батыеву.)* Прощайте, князь; благодарствуйте за мыло.

Женихи уходят. Чупурлина останавливает Разорваки.

Чупурлина

Ты, батюшка, погоди немного. Я не совсем поняла, что ты мне сказал насчет мозольной фабрики?

Разорваки

Мозольной лечебницы!

Чупурлина

Да, бишь, лечебницы!.. Как же это ты полагаешь?

Разорваки

Очень просто!.. Во-первых, я занимаю капитал в триста тысяч рублей серебром...

Уходят, разговаривая.

ЯВЛЕНИЕ III

Либенталь скачет несколько времени молча на одной ноге.

Либенталь

Ах, вот она!.. вот она!.. идет и несет цветы!.. Начну!

Лизавета Платоновна проходит с цветами, не замечая Либенталя.

Либенталь

Лизавета Платоновна!.. Я говорю: Лизавета Платоновна!

Лизавета Платоновна

Ах, здравствуйте, Адам Карлыч.

Либенталь

Лизавета Платоновна, где вы покупаете ваши косметики?

Лизавета Платоновна

Какие это?

Либенталь

Под этим словом я разумею: духи, помаду, мыло, о-делаван и бергамотовое масло.

Лизавета Платоновна

В гостином дворе, выключая казанское мыло, которое с некоторых пор поставляет мне большею частью князь Батог-Батыев. Но зачем вы это спрашиваете?

Либенталь
(подойдя к ней близко)

Затем, что от вас гораздо приятнее пахнет, нежели от этих самых цветов! *(В сторону.)* Она засмеялась!.. *(Ей.)* Лизавета Платоновна! я сейчас объяснил дражайшей Аграфене Панкратьевне цель моей жизни и средства моего существования... Я обнажил перед ней — клянусь вам! — всю душу мою и все изгибы моего чувствительного и стремящегося к известному предмету сердца... Я ей сказал о себе и упомянул о вас... Она выгнала всех вон... а мне приказала идти к вам... Я иду... вы сами идете!.. Без сомнения, несравненная Лизавета Платоновна, я не смею даже думать об этом; но Аграфена Панкратьевна мне приказала...

Лизавета Платоновна

Но что же такое, Адам Карлыч?

Либенталь

О! я обязан исполнить приказание этой преклонной особы! И потому, собравшись с духом, говорю *(падает на колени)*: Лизавета Платоновна! реши, душка, судьбу мою: или восхитительным ответом, или ударом!.. *(Поет, не вставая с колен, на голос «d'un pensiero» из «Сомнамбулы».)*

Елизавета, мой друг!
Сладкий и странный недуг
Переполняет мой дух!
    О тебе все твердит
    И к тебе все манит!
Е...

Лакей
(вбегая)

М-с!.. М-с!.. Фантазия!.. Фантазия!.. Барышня, не видали барыниной моськи?

Лизавета Платоновна

Не видала.

Либенталь
(вставая с колен)

И я не видал.

Лакей
(уходя)

Фантазия!.. Фантазия!.. *(Уходит.)*

Либенталь

Я продолжаю. *(Становится снова на колени и поет.)*

Елизавета, мой друг!
Ну, порази же мой слух,
Будто нечаянно, вдруг,
Словом приятным — супруг!

Лизавета Платоновна
(тоже поет, продолжая мотив)

Ах, нет, нет...

Горничная
(вбегая)

Фантазия!.. Фантазия!.. Барышня, барыниной моськи не видали?

Лизавета Платоновна

Не видала.

Либенталь
(вставая с колен)

И я не видал.

Горничная
(уходя)

Фантазия!.. Фантазия!.. *(Уходит.)*

Либенталь

Вы, кажется, начали отнекиваться, Лизавета Платоновна?

Лизавета Платоновна

Да, я хотела сказать вам *(поет)*:

Ах, нет, нет!.. я боюсь,
Ни за что не решусь!
Я от страха трясусь!..

Либенталь
(поет в сторону)

Ах, какой она трус!

Лизавета Платоновна

Я боюсь, (bis)
Я страшусь, (bis)
Не решусь! (ter)

Либенталь
(поет в сторону)

Ах, какой она трус!

Лизавета Платоновна

Я боюсь,
Я страшусь!..

Оба вместе

Она трус! (ter)
Не решусь! (ter)

Либенталь
(опять падая на колени, начинает петь)

Е...

Акулина
(вбегая)

Хвантазия!.. Хвантазия!.. Барышня, ведь у барыни моська пропала! Вы не видали?

Лизавета Платоновна

Нет, не видала.

Либенталь
(вставая с колен)

И я не видал.

Акулина

Что ты будешь делать?! Барыня изволит плакать, изволит сердиться, из себя выходит; изволит орать во всю глотку:[1] «Дайте мне мою моську! где моя Хвантазия?» *(Уходя, кричит.)* Хвантазия!.. А, Хвантазия!.. *(Уходит.)*

Либенталь
(опять становясь на колени)

Я продолжаю *(поет)*:

Елизавета, мой друг!
Твой неприличный испуг
Напоминает старух!
  Между тем как любовь
  Все волнует мне кровь!
Е...

Повар
(вбегает в колпаке, с засученными рукавами, с кастрюлей в одной руке и с пуком репы в другой)

Конефузия!.. Конефузия!.. Барышня, Конефузия не с вами?

Либенталь
(вставая с колен)

Ах, пошел вон!.. Прервал на решительном месте!

Повар

Да чем же я виноват, что меня послали собаку искать?

Лизавета Платоновна

Я не видала.

Либенталь

И я не видал.

---

[1] Цензор вычеркнул «глотку» и написал «горло». *Примечание К. Пруткова.*

Повар
(уходя)

Конефузия!.. Конефузия!.. *(Уходит.)*

Либенталь
(поет стоя)

Елизавета, мой друг!
Ну, порази же мой слух,
Будто нечаянно, вдруг,
Словом приятным —

Лизавета Платоновна
(робко)

Супруг!

Либенталь
(падает на колени)

Небесная Лизавета! *(Целует ее руку.)* Эфирное созданье!..

ЯВЛЕНИЕ IV

Те же и вся дворня; а затем Чупурлина. Лакеи, горничные, казачок, Акулина, повар и кучер — вбегают с разных сторон, крича: «Фантазия!.. Конефузия!.. Хвантазия!..» Лизавета Платоновна и Либенталь, не замечая никого, смотрят друг другу в глаза с любовью и нежностью. Через несколько времени вбегает Чупурлина и кричит громче всех.

Чупурлина

Фантазия!.. Фантазия!.. Не нашли?! Дайте мне мою собачку, собачонку, собачоночку!.. *(Наталкивается на повара.)* Собака!.. Не видишь, куда бежишь? Да что это вы все толчетесь на одном месте? а?! В разные стороны бегите! и непременно отыщите мне мою собачку!

Вся прислуга

(расходясь во все стороны, кричит в один голос)
Фантазия!.. Фантазия!..

ЯВЛЕНИЕ V

Чупурлина, Лизавета и Либенталь.

Лизавета Платоновна и Либенталь
(подходят с обеих сторон к Чупурлиной и робко говорят вместе)

Маменька!.. маменька!

Чупурлина

Что вам надобно?! Чего вы хотите от меня?!

Либенталь

Они согласны.

Лизавета Платоновна
(Чупурлиной)

Если вы согласны, я согласна.

Чупурлина

Как?! Все люди ищут мою собаку и, как угорелые кошки, бегают по разным направлениям; а вы?! Что вы здесь делали?! *(К Лизавете Платоновне.)* Вот твоя благодарность ко мне за все мои попечения!.. Негодная!.. Выбрала время говорить мне про разные гадости [1], когда я не в духе, когда я плачу, терзаюсь... *(Плачет.)* Боже мой, до чего я дожила!.. На старости лет не иметь и Фантазии!.. Какое горестное, какое ужасное положение!.. *(Обращается к ним обоим.)* Вон!..

ЯВЛЕНИЕ VI

Те же и прочие женихи. Беспардонный, Миловидов, князь Батог-Батыев, Кутило-Завалдайский и Разорваки вбегают поспешно.

Беспардонный
(с беспокойством)

С кем случилось?!

---

[1] Цензор заменил слово «гадости» словом «глупости». *Примечание К. Пруткова.*

Кутило-Завалдайский

Кого постигло?

Кн. Батог-Батыев

Отчего этот шум?

Миловидов

С чего такая возня?!

Разорваки

Какое бедствие?

Чупурлина

Вам что нужно?! Зачем пришли?! Что вы здесь забыли?!

Беспардонный

Мы слышали крик.

Кн. Батог-Батыев

Беготню!

Миловидов

Визготню!

Разорваки

Суетню!

Кутило-Завалдайский

Темные рассуждения о фантазии.

Чупурлина

Это моя собака — Фантазия, и вовсе не темная, а светло-желтая!.. Она пропала, она убежала, ее похитили!

Либенталь

Аграфена Панкратьевна, да я сию же минуту брошусь искать вашу Фантазию! Могу вас уверить!.. Я употреблю все мои силы, характер и способности, чтоб отыскать вашу моську! Клянусь вам!.. *(Обращается к Лизавете Платоновне.)* До свиданья, Лизавета Платоновна. *(Убегает.)*

Чупурлина
(кричит ему вслед)

И знай же наперед, Адам ты этакой! что пока не сыщешь Фантазии, не получишь ее руки!.. *(Обращается ко всем женихам.)* Кто принесет мне мою Фантазию, тот в награду получит и приданое и Лизавету! Слышите? Я в своем слове тверда. *(К Лизавете Платоновне.)* Пошла вперед!.. Да ну же, поворачивайся! *(Уходят обе в дом.)*

ЯВЛЕНИЕ VII[1]

Все **женихи**, кроме Либенталя.

Кн. Батог-Батыев

Какое страшное событие!

Миловидов

Просто черт знает что!

Разорваки

Неслыханные обстоятельства!

Беспардонный
(сам с собою)

Как иногда судьба!.. Кто знает?.. Может быть, теперь именно мне?! Лизавета Платоновна!.. Боже, если б это было возможно!

Миловидов

Что ж думать? Пойдем искать моську.

Кн. Батог-Батыев

Искать моську... Легко сказать! а где ее найти? Разве объявить в полиции? Ну, да бог знает, найдут ли?

Кутило-Завалдайский
(в сторону)

Он сомневается в полиции!

---

[1] Это явление здесь немного сокращено противу рукописи. *Примечание К. Пруткова.*

Разорваки

А если и найдет какой-нибудь городовой, то Аграфена Панкратьевна тут же за него и выдаст воспитанницу!

Все
(с испугом)

Нет, нет!.. нельзя объявлять!..

Разорваки
(сам с собою)

Счастливая мысль!

Кн. Батог-Батыев
(тоже)

Ура, придумал!

Беспардонный
(тоже)

Кажется, как будто придумал?

Миловидов
(тоже)

Обдумал!

Кутило-Завалдайский
(в сторону)

Что бы могли придумать такие развратники?! Заранее краснею! *(Старается подслушивать.)*

Разорваки
(сам с собою)

Положим, моська не найдется... Я для Аграфены Панкратьевны достану другую собаку, гораздо лучше. Мне известен один пудель... Человек служащий... То есть господин этого пуделя служащий человек, чиновник серьезный [1], мой искренний друг; он на все согласится... Я ему обрею... На что ему? Он пустяками не занимается; с подчиненными такой строгий... [2] Оставлю только два бакенбарда, в виде полумесяцев...

---

[1] Цензор вычеркнул слова: «чиновник серьезный».

[2] Цензор вычеркнул слова: «с подчиненными такой строгий». *Примечания К. Пруткова.*

Кутило-Завалдайский
(в сторону)

Вот оно, вот оно!.. Заслуженному чиновнику, может быть отцу семейства: «оставлю только два бакенбарда»!

Кн. Батог-Батыев
(сам с собою вполголоса)

У моей старой тетки, девицы Непрочной [1], есть собачонка не больше этой; называется Утешительный... Его бы взять как-нибудь, да и принести Аграфене Панкратьевне!

Кутило-Завалдайский
(в сторону)

Это, выходит, он хочет обокрасть свою родную тетку?

Беспардонный
(сам с собою вполголоса)

Если не найду Фантазии, я думаю, можно... Я видел одну моську: чрезвычайно похожа на Фантазию!.. Просили очень дорого; но у меня есть порядочная бритвенница, и еще есть портрет одного знаменитого незнакомца: очень похож... [2] Все это, все это... продам... для Лизаветы Платоновны!..

Миловидов
(сам с собою)

Я не стану таскаться по улицам за всякой дрянью!.. Пойду, поймаю что попадется, да и принесу старухе.

Кутило-Завалдайский
(сам с собою)

Почему бы и мне не попробовать? В этом нет ничего предосудительного.

Разорваки
(отводит Миловидова особо)

Знаете что? Чем вам понапрасну искать, так лучше... *(Шепчет ему на ухо.)*

---

[1] Вычеркнув слова: «У моей старой тетки, девицы Непрочной», цензор написал: «У моей тетки, старой девицы».

[2] Слова: «очень похож» — цензор вычеркнул. *Примечания К. Пруткова.*

Миловидов

Оно бы недурно! Я даже знаю одну няньку, от которой можно достать... Только боюсь, заметят!

Разорваки

Никто не заметит, решительно никто не заметит! Я готов присягнуть... К тому же я вас поддержу. Уж положитесь на меня.

Миловидов

Благодарю. Можно попробовать. Только поддержите!

Разорваки

Уж положитесь на меня! *(Подходят к остальным.)*

Все

(поют хором на голос: «Citto, citto, piano, piano»; а потом каждый поет свою партию)

Тише, тише, осторожно
Мы отселе побредем.
Если что найти возможно,
Всеконечно мы найдем!

Разорваки
(в сторону)

Совершенно я обрею
Эти пуделю места.

Кутило-Завалдайский
(тоже)

Я заранее краснею:
Будет всюду нагота!

Кн. Батог-Батыев
(в сторону)

К тетке сбегаю нарочно [1],
Буду тетку целовать;
Лишь бы только от Непрочной [2]

---

[1] Цензор вычеркнул слово «нарочно» и написал «скорей».

[2] Цензор вычеркнул слова: «от Непрочной», и написал: сначала «у ней», а потом — «поверней». *Примечания К. Пруткова.*

Утешительного взять!

Кутило-Завалдайский
(тоже)

Я попробую: авось-ка
Ей понравится моя?

Беспардонный
(тоже)

Небо! дай, чтобы та моська
Походила на ея!

Миловидов
(к Разорваки)

Опасаюсь я немного,
Чтобы с помощью огня
Не заметили подлога?

Разорваки
(Миловидову)

Положитесь на меня!

Все
(хором, уходя со сцены и постепенно удаляясь)

Тише, тише, осторожно
Мы отселе побредем.
Если что найти возможно,
Всеконечно мы найдем!
Всеконечно мы найдем!

МАЛЕНЬКИЙ АНТРАКТ

Сцена несколько времени пуста. Набегают тучи. Темнеет. Гроза. Дождь, ветер, молния и гром. Оркестр играет ту же симфонию, как и в «Севильском цирюльнике» в подобном же случае. Через сцену пробегает моська. Несколько секунд спустя пробегает незнакомый бульдог, тщательно обнюхивая ее следы.
Буря утихает. Полумрак продолжается.

ЯВЛЕНИЕ VIII

Входят один за другим Разорваки, Беспардонный, князь Батог-Батыев, Миловидов, Кутило-Завалдайский. Они завернуты в плащи, с надвинутыми на глаза шляпами, и не видят друг друга.

Разорваки
(таинственно)

Здесь кто-то есть!

Беспардонный
(тоже)

Кто здесь?

Миловидов
(тоже)

Я!..

Кн. Батог-Батыев
(тоже)

Они здесь!

Кутило-Завалдайский
(тоже)

Мы здесь!

Беспардонный
(тоже)

С моськой?

Миловидов
(тоже)

Без моськи!

Кн. Батог-Батыев
(таинственно)

Без моськи!

Разорваки
(тоже)

Без моськи!

Беспардонный
(в сторону)

Благодарю тебя, природа: они без мосек!

Кутило-Завалдайский
(тоже)

Они без мосек!

Миловидов
(громко)

Господа! чего секретничать?! Моськи не нашли, так уж, верно, что-нибудь другое принесли?

Все
(таинственно, поочередно)

Принес!.. Принес!.. Принес!.. Принес!..

Разорваки
(ко всем)

Покажем при Аграфене Панкратьевне.

Беспардонный

Меня беспокоит одна мысль... Вот это какая мысль!.. Как бы это выразить точнее? Мы все... без Фантазии; ну, а если Адам Карлыч... с Фантазией?

Кн. Батог-Батыев

Да, оно немножко страшно. Он человек бойкий; пожалуй, найдет!

Кутило-Завалдайский

Да, он человек вот какой! *(Свистит.)*

Миловидов

Дрянь, а все-таки страшно.

Разорваки

Ничуть не страшно. Главное — не унывать. Чем он страшнее нас? Вы думаете, потому что он вот этак вертит, так уж и бог знает что? Вздор, вздор! Он такой же человек, как и мы. Я его давно знаю. Могу совершенно описать его характер; слушайте! *(Поет.)*

Либенталь неспесив,
Аккуратен, учтив,

Точен;

Но охотник солгать,
Да и любит болтать
Очень!

Хор
(повторяет)

Очень!

Разорваки

Он молчать не привык
И свой держит язык
Слабо!
Скоро так говорит,
Как на рынке пищит!
Баба!

Хор
(повторяет)

Баба!

Разорваки

Судит он, в простоте,
О своей красоте
Гордо!
И вполне убежден,
Что пред ним Аполлон
Морда!

Хор
(повторяет)

Морда!

Разорваки

Он искусен во всем,
И ему нипочем
Полька;
А до дела дойдет,
Лишь коленки согнет,
Только!

Хор

(повторяет)
Только!

ЯВЛЕНИЕ IX

Те же и вся дворня, входящая с разных сторон с фонарями. Сцена освещается от огня этих фонарей.

Дворня
(каждый спрашивает другого)

Нашел Фантазию? Нашел Хвантазию? Где Конефузия? Не нашел Фантазии! Хвантазии не видал! Конефузии нет!

Увидя женихов, вся дворня отходит на задний план сцены, где останавливается и остается там все время, освещая сцену фонарями.

Разорваки
(к остальным женихам)

Слышите, господа? Фантазии не нашли! Стало быть, мы можем надеяться,— победа за нами!

Все женихи

Победа! победа! Моськи не нашли!..
(Поют хором, на голос: «La trompette guerrière»)
Триумф, триумф, триумф, триумф!..
Гоп, гоп, гоп, ай, люли!..
Собаки, собаки, собаки не нашли!
Собаки, собаки, собаки не нашли!
Не нашли!
Не нашли!
Не нашли, не нашли, не нашли, не нашли!..
Ай, люли!

ЯВЛЕНИЕ X

Те же и Чупурлина с Лизаветой, выбегающие из крыльца дома.

Чупурлина

Что это? что это?! Нашли Фантазию? Где она? где она?

Миловидов

Не нашли моськи.

Чупурлина

Ах, варвары!

Разорваки

Кое-что принес получше моськи.

Чупурлина

Лучше Фантазии? Варвары!

Кн. Батог-Батыев

Будет гораздо приятнее.

Чупурлина

Какую-нибудь дрянь?

Кн. Батог-Батыев
(в сторону)

Она не знает, что говорит, и легкомысленно порочит Утешительного.

Беспардонный

Право, будет почти так же хорошо.

Миловидов

Будет почище!

Чупурлина
(к Разорваки)

Покажи, батюшка, что у тебя?

Разорваки

(скидывая с себя шинель, показывает пуделя)
Вот что!

Чупурлина

Что это, батюшка? скорее на барана похоже!.. Ну видано ли, слыхано ли, чтобы этакое могло стоить Фантазии?! Фу!

Право, сказала бы неприличное слово, да в пятницу [1] как-то совестно!.. А как его зовут, батюшка?

Разорваки

Космополит, сударыня!

Чупурлина

Чем палит?

Разорваки

Ничем; просто: Космополит.

Чупурлина

А штуки делает?

Разорваки

Делает разные штуки: хотите, сударыня, он вам вскочит на шею и стащит с вас чепчик?

Чупурлина

Нет, не хочу... Вот выдумал что! На какую пакость вышколил своего... Как, бишь, его?

Разорваки

Космополит, сударыня!

Чупурлина

Своего... пуделя! *(Обращается к кн. Батог-Батыеву.)* Ну, а у тебя что?

Кн. Батог-Батыев

(скидывая с себя шинель, показывает весьма маленькую собачонку)

А у меня — вот что! Известный Утешительный, принадлежащий родной моей тетушке, девице Непрочной [2].

Чупурлина

Постой, батюшка: дай очки одеть... Экой мелкий!.. Как зовут?

---

[1] Цензор вычеркнул слово: «в пятницу».

[2] Слова: «девице Непрочной» вычеркнуты цензором. *Примечания К. Пруткова.*

Кн. Батог-Батыев

Утешительный.

Чупурлина[1]

А какой породы?

Кн. Батог-Батыев

Мужеской, сударыня.

Чупурлина

Штуки делает?

Кн. Батог-Батыев

Бывает-с... большею частию на креслах[2].

Чупурлина

Немножко маловат. Вот хоть бы настолько был побольше. *(Обращается к Кутиле-Завалдайскому.)* Ну, а у тебя что?

Кутило-Завалдайский
(скидывая с себя шинель, показывает датскую собаку с намордником)

Самая чистейшая моська!

Чупурлина

Что это за урод?! Да как ты смел с этим приступать ко мне?! Разве бывают этакие моськи?

Кутило-Завалдайский

Сударыня, смею вас уверить, что это самая наичистейшая моська. Вам, может быть, странно, что она такая большая? Но на это я вам доложу, что между моськами бывают большие и маленькие, как между людьми... Вот, например: князь Батог-Батыев мал, а господин Миловидов и господин Разорваки велики; между тем они все трое люди; так точно и моськи!

---

[1] Этого вопроса Чупурлиной и ответа на него кн. Батог-Батыева не оказывается в театральной рукописи.

[2] Слов: «Большею частию на креслах» недостает в театральной рукописи. *Примечания К. Пруткова.*

Чупурлина

Дичь, дичь! Ты говоришь дичь, батюшка! Князь и Миловидов совсем другое!.. А как зовут твою уродину?

Кутило-Завалдайский

Фифи, сударыня.

Чупурлина

Штуки делает?

Кутило-Завалдайский

В пять минут съедает десять фунтов говядины, давит волков, снимает шляпы и поливает цветы [1].

Чупурлина

Дичь, дичь!.. На что мне этакая собака? У меня есть садовник [2]. *(Обращается к Миловидову.)* Ну, а ты, батюшка?

Миловидов

(скидывая с себя шинель, показывает большую игрушечную собаку, в шерсти, с механикой)

Вот мое! Смотрите только издали!

Все

Что это?! что это?!

Чупурлина

Что это?! Никак, игрушка?

Миловидов

Подберите фалды!.. Смотрите издали!..

Чупурлина

Что ты, с ума сошел?

Миловидов

Говорю вам: подберите фалды!.. Он зол до чрезвычайности!

---

[1] Цензор вычеркнул слова: «поливает цветы».

[2] Слова: «у меня есть садовник» тоже вычеркнуты цензором. *Примечания К. Пруткова.*

Чупурлина

Фуй, какие гадости![1] Фуй!.. Игрушка!..

Миловидов

Нет, не игрушка, а моська!.. И имя не игрушечье, а собачье: называется Венер!

Чупурлина

Ах ты, бесстыдник![2] Да как у тебя язык поворотился говорить этакое![3]

Миловидов

Что?! Небось на попятный двор! Как получила моську, так Лизаветы жаль стало?! Нет, брат, атанде! Вот тебе Фантазия, давай Лизавету! *(Потихоньку к Разорваки.)* Да ну же, поддерживайте!

Разорваки
(громко)

Игрушка! просто игрушка!

Все
(кроме Миловидова)

Просто игрушка!.. Какая Фантазия!.. Какая Фантазия!.. Просто игрушка!

Миловидов

Ну, положим, игрушка. Эка беда?.. Разве я какой взяточник, чтоб на живых собак деньги тратить? *(Отводит Разорваки в сторону.)* А ведь это подло: вы же присоветовали!

Чупурлина

Прочь, прочь!.. *(К Беспардонному.)* Ну, батюшка, вы что?

Беспардонный молча из-под шинели показывает ей моську.

Чупурлина

Ах, боже мой!.. Да это уже не она ли?! Она!.. Она!.. Фантазия!

---

[1] Цензор вычеркнул слово «гадости», написал: «глупости».

[2] Слова: «Ах ты, бесстыдник» вычеркнуты цензором.

[3] Вместо слова «этакое» цензор написал: «этакой вздор». *Примечания К. Пруткова.*

Беспардонный

Нет, не она... но... *(С чувством подавая ей моську.)* Аграфена Панкратьевна!..

Чупурлина

Не она?! Врешь!.. Да как же она похожа на нее!.. две капли воды моя Фантазия!.. Благодетель мой, ты согласен мне отдать ее?

Беспардонный
(дрожа)

С у... с у... с удовольствием! *(Отдает ей моську.)*

Чупурлина

Родной ты мой!.. *(Целует моську и плачет.)* Так вот же, возьми: вот тебе Лизанька моя!

Беспардонный
(задыхаясь от радости)

Что... что... что... что я слышу?

Чупурлина

Ты, верно, дружок, на ухо туг? *(Кричит ему в ухо.)* Говорю: ты подарил мне собаку, а я дарю тебе Лизаньку, с приданым!

Беспардонный

Аграфена... Лизавета... Агра... Агравета!.. Лизафена!

Лизавета Платоновна

Маменька!.. вы шутите?

Чупурлина

Я шучу?.. с чего ты это взяла?! Что ты, ослепла, что ли?! Али в рассудке помешалась?! Ты видишь это или нет? *(Показывает ей моську.)* Взявши собаку, мой первый и священный долг [1] — отдать тебя.

Лизавета Платоновна

Маменька, это безрассудно!..

---

[1] Цензор вычеркнул слово: «священный». *Примечание К. Пруткова.*

Чупурлина

Ты еще ругаешься?!

Лизавета Платоновна
(становясь перед нею на колени)

Маменька!..

Беспардонный
(подходит к Лизавете Платоновне и тоже становится возле нее на колени)

Лизавета Платоновна!..

Чупурлина
(к Лизавете Платоновне)

Оставь меня! *(Указывает ей на Беспардонного.)* Слушай, что он тебе говорит.

Лизавета Платоновна — Беспардонный
(говорят друг другу одновременно, стоя на коленях)

Лизавета Платоновна	Беспардонный
Послушайте!.. все зависит от вас; откажитесь от меня!.. Вы человек благородный!.. Я вас знаю!.. Откажитесь от меня!.. Умоляю, заклинаю вас!	Послушайте!.. все зависит от вас; не отказывайтесь от меня!.. Вы добры, как ангел!.. Я вас знаю!.. Не отказывайтесь от меня!.. Умоляю, заклинаю вас!

Чупурлина

Ну, перестань, Лизанька! Ты и меня растрогала... Я сама плачу!

Становится сзади их на колени и плачет. Все прочие тоже преклоняют колени и вынимают носовые платки.

Чупурлина
(благословляя Лизаньку и Беспардонного)

Будьте счастливы... благословляю вас!.. *(Обращается к моське.)* Мосинька моя!.. Мосинька!

ЯВЛЕНИЕ XI

Те же и **Либенталь.**

Либенталь
(за сценой кричит, приближаясь)

Нашел! Нашел! Нашел!

Все, оставаясь на коленях, перестают плакать и слушают внимательно.

Либенталь
(вбегает, держа моську обеими руками)

Нашел!.. Нашел!.. *(Падает, споткнувшись; встает, плюет на то место, где упал, и затем выбегает на авансцену, показывая всем моську.)* Нашел!.. Нашел!

Общее изумление. Разорваки, Миловидов, князь Батог-Батыев и Кутило-Завалдайский встают и подходят к Либенталю с любопытством.

Либенталь

Аграфена Панкратьевна... моська!.. Лизавета Платоновна... моська!

Чупурлина

Ах! *(Бросает моську Беспардонного и падает в обморок.)*

Лизавета Платоновна

Ах! *(Падает в обморок возле Чупурлиной, но в другую сторону.)*

Беспардонный, испуганный, неподвижный, остается на коленях. Либенталь кладет Фантазию в объятия Чупурлиной, а сам бросается к Лизавете Платоновне, дабы привести ее в чувство.

Разорваки
(к остальным)

Старуху-то и бросили совсем.

Кутило-Завалдайский
(показывая на людей, стоящих с фонарями)

Они все заняты... Человеколюбие требует, чтоб мы оказали ей помощь.

Разорваки, Миловидов, кн. Батог-Батыев и Кутило-Завалдайский подходят к фонтану, черпают воду в шляпы и фуражки и выливают ее на Чупурлину.

Чупурлина
(приподымаясь, но еще не вставая на ноги)

Кто это?.. Зачем я здесь?.. Отчего я мокра?! Что со мною хотели сделать?! [1] *(Увидя моську в своих руках.)* Собачка моя! моська моя!.. Это не обман?

Либенталь

Нет, это Фантазия.

Чупурлина

Кто же принес?

Либенталь

Это я, маменька!

Чупурлина
(вставая)

Ты прав, Адам! Я твоя мать... а ты мой отец и благодетель! *(Показывает на Лизавету.)* Вот твоя жена!.. Дай бог, чтоб у вас были сыновья и дочери. Вставай, Лизанька; да ну же, вставай!.. Господа, помочите и ее! Что она так долго кобенится! [2]

Кутило-Завалдайский
(в сторону)

Я говорил, что эта старуха не по летам жестокого характера!

Миловидов, Разорваки, кн. Батог-Батыев и Кутило-Завалдайский черпают опять из фонтана воду и подходят с нею к Лизавете Платоновне, чтобы вылить на нее.

Либенталь

Не надо!.. не надо!.. Она опомнилась! она очнулась! *(Лизавета Платоновна встает; Либенталь ее поддерживает.)*

Миловидов, кн. Батог-Батыев, Разорваки и Кутило-Завалдайский выливают из своих шляп и фуражек воду на Беспардонного, который все это время стоял на коленях. Беспардонный вскакивает.

---

[1] Цензор вычеркнул слова: «Что со мною хотели сделать?»

[2] Цензор вычеркнул слово «кобенится» и вместо него написал «церемонится». *Примечания К. Пруткова.*

Чупурлина
(Беспардонному)

Ну, батюшка! твоя собачка только похожа на мою; а эта моя, настоящая Фантазия! Прощай! Ты более не нужен ни мне, ни Лизе! Пошел вон! *(Обращается к Лизе и Либенталю.)* А вас, милые дети, я благословляю. Будьте счастливы и благополучны; размножайтесь и любите как себя взаимно, так и своих будущих многочисленных детей,— точно так же, как я люблю свою Фантазию. *(Целует моську.)* Теперь пойдем домой. *(Уходит с Либенталем и Лизой.)*

Разорваки, Миловидов, Беспардонный, кн. Батог-Батыев и Кутило-Завалдайский следуют за ними, гуськом.

Чупурлина
(оборачивается)

А вам что нужно?

Разорваки
(ей)

Не кричите!

Чупурлина

Стыдись, старик.

Миловидов

Старуха, не школьничай!

Кутило-Завалдайский

Поправьте чепец!..

Кн. Батог-Батыев

Не получишь более[1] мыла от меня ни вот столько! [2]

Беспардонный

Бог с вами!

Чупурлина
(обращаясь к прислуге, стоящей с фонарями)

Эй! пошлите за полицией!.. Жандармов приведите сюда, побольше и посильнее! [3]

Прислуга поспешно уходит.

---

[1] Здесь цензор прибавил слова: «в подарок».
[2] А тут цензор вычеркнул слова: «ни вот столько».
[3] Слова: «Жандармов приведите сюда, побольше и посильнее» — цензор вычеркнул. *Примечания К. Пруткова.*

Разорваки

Мы сами не намерены здесь оставаться.

Миловидов

Я только не хочу рук марать.

Кн. Батог-Батыев

И старое-то мыло назад отыму!

Кутило-Завалдайский

Прикройте шею!

Беспардонный

Бог с вами, вы изменили мне!

Разорваки
(прочим женихам)

Провожая эту старуху, споемте ей, господа, куплеты, подобные тем, которыми давеча ее встречали, да только в обратном смысле.

Все
(кроме Беспардонного, поют хором, на тот же голос, как вначале. Разорваки начинает.)

Аграфена!
Нам измена
Не страшна; (bis)
Хоть и пред тобою
Не черней душою
Сатана!
Сатана!

Разорваки

Мы вас знаем!

Кутило-Завалдайский

Обижаем!

Кн. Батог-Батыев

Презираем!

Миловидов

И пугаем!

Кутило-Завалдайский

И ругаем!

Все
(кроме Беспардонного, хором)

Каждый час!
Каждый час!

Разорваки

Вы на нас кричите
И всех нас браните;

Все
(кроме Беспардонного, хором)

А мы вас!
А мы вас!

При последних словах Чупурлина, Лиза и Либенталь входят в дом; а Разорваки, Миловидов, Кутило-Завалдайский и кн. Батог-Батыев оканчивают куплет без них, плюют вслед Чупурлиной и сами уходят, как и Беспардонный, в противоположную сторону, но Кутило-Завалдайский остается, осторожно отойдя на задний план.

ЯВЛЕНИЕ XII

Кутило-Завалдайский
(осматривается и, видя, что никого уже нет на сцене, подходит к рампе и обращается в оркестр)

Господин контр-бас!.. Пст!.. пст!.. Господин контр-бас! одолжите афишку! *(Принимает афишку, поданную ему из оркестра.)* Весьма любопытно видеть: кто автор этой пьесы? *(Смотрит в афишку.)* Нет!.. имени не выставлено!.. Это значит осторожность! Это значит совесть не чиста... А должен быть человек самый безнравственный!.. Я, право, не понимаю даже: как дирекция могла допустить такую пьесу? [1]

---

[1] Цензор вычеркнул слова: «как дирекция могла допустить» и написал: «как можно было выбрать». *Примечание К. Пруткова.*

Это очевидная пасквиль!.. [1] Я по крайней мере тем доволен, что, с своей стороны, не позволил себе никакой неприличности, несмотря на все старания автора! Уж чего мне суфлер ни подсказывал?.. То есть, если б я хоть раз повторил громко, что он мне говорил, все бы из театра вышли вон! Но я, назло ему, говорил все противное. Он мне шепчет одно, а я говорю другое. И прочие актеры тоже совсем другое говорили; от этого и пьеса вышла немного лучше. А то нельзя было б играть! Такой, право, нехороший сюжет!.. Уж будто нельзя было выбрать другого? [2] Например: что вот там один молодой человек любит одну девицу... их родители соглашаются на брак; и в то время, как молодые идут по коридору, из чулана выходит тень прабабушки и мимоходом их благословляет! Или вот что намедни случилось, после венгерской войны: [3] что один офицер, будучи обручен с одною девицей, отправился с отрядом одного очень хорошего генерала и был ранен пулею в нос; потом пуля заросла; и когда кончилась война, он возвратился в Вышний Волочок [4] и обвенчался со своей невестой... Только уже ночью, когда они остались вдвоем, он, по известному обычаю, хотел подойти к ручке жены своей... неожиданно чихнул... пуля вылетела у него из носу и убила жену наповал!.. Вот это называется сюжет!.. Оно и нравственно и назидательно; и есть драматический эффект! *(Занавес начинает опускаться.)*

Или там еще: что один золотопромышленник, будучи чрезвычайно строптивого характера... *(Занавес опустился; Кутило-Завалдайский, не замечая, остался впереди.)*... поехал в Новый год с поздравленьем вместо того, чтобы к одному, к другому...

Оркестр прерывает слова Кутилы-Завалдайского. Он конфузится, заметив, что занавес опущен; раскланивается с публикою и уходит.

---

[1] Слова: «Это очевидная пасквиль» вычеркнуты цензором.

[2] Вместо слов: «выбрать другого», цензор написал «придумать что-либо получше».

[3] Слова: «после венгерской войны» — цензор вычеркнул.

[4] Название города: «Вышний Волочок» — вычеркнуто цензором.
Примечания К. Пруткова.

БЛОНДЫ

драматическая пословица, в одном действии

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Князь.
Княгиня.
Барон.

Действие происходит в Петербурге, в салоне княгини. Театр представляет чрезвычайно богатую комнату, оклеенную голубыми штофами с чрезвычайно красивыми золотыми разводами; на задней стене висят фамильные портреты, обделанные в деревянные, ярко позолоченные рамки; по обеим сторонам их, на полках орехового дерева, размещены различные статуэтки; а посреди, над портретами, большая японская ваза. На авансцене, с правой стороны, огромный мягкий диван; перед ним мягкий ковер и круглый стол из красного дерева; а по бокам его три мягких кресла; стол покрыт богатой салфеткой; на ней вышитый поддонник с большой солнечной лампой, два серебряные большие колокольчика, кучи газет и кипсеков. С левой стороны, немного в углублении, небольшой столик, накрытый на три персоны; на нем серебряное дежёне, много хрусталя и вообще разные прихоти этого рода. Остальная часть сцены загромождена чрезвычайно богатою мебелью, разбросанною в артистическом беспорядке. На спинках везде анти-макасары. В комнате очень много зажженных свеч. При поднятии занавеса сцена пуста.

ЯВЛЕНИЕ I

Княгиня, чрезвычайно богато одетая, выходит из правой боковой двери, держа в одной руке чашку шоколата, в другой — большую гравюру.

Княгиня
(к двери, из коей вышла)

Очень, очень мило!.. *(К публике.)* Прошу покорно, скоро уже двенадцать часов, а его нет и, верно, опять приедет, не исполнив моей комиссии. Хорошо! будете раскаиваться, мой

милый Serge! *(На лице ее написано волнение; она судорожно мешает шоколат, садится и продолжает после небольшого молчания.)* Впрочем, на что я жалуюсь? Это общая участь всех нас: пока мы в девицах, за нами ухаживают, нам обещают многое, а потом... *(Смотрится в зеркало.)* Неужто я уже подурнела? О нет! за мной же очень многие волочатся. И право, если мой Serge будет продолжать так вести себя, то... prenez garde... *(Опять обращается к той двери, из которой вышла, и грозит пальцем руки, в которой держит гравюру.)* Боже мой, что ж это он не едет?..

Раздается звонок на лестнице: князь, не замечаемый княгиней, поспешно вбегает в среднюю дверь; останавливается на короткое время, приложив мизинец к губам, потихоньку кладет шляпу на стул, снимает перчатки и, потирая руки, подкрадывается на цыпочках к княгине. Он лет тридцати пяти, с длинными волосами, взбитыми на висках в пукли; с очень большими, но коротко подстриженными бакенбардами и с лорнетом в глазу; на нем черный фрак, черный галстух, белый атласный жилет с серебряным шитьем, лаковые сапоги и желтые перчатки.

ЯВЛЕНИЕ II

Князь, подкравшись сзади к княгине, вдруг закрывает ей глаза руками.

Княгиня

Ах!.. Ах!..

Князь
(иронически)

Давно ли, ваше сиятельство, начали вы пугаться моего появления?

Княгиня
(с неудовольствием передергивая плечами)

Ах, как это мило!.. Я, право, не понимаю, откуда вы берете такие странные привычки? Где эти образцы?!

Князь
(обиженный)

Опять с упреком! Неужели, mon ange [1], ты думаешь, что я делаю это нарочно? Нельзя же мне переменить себя.

---

[1] Мой ангел *(франц.)*.

Княгиня

А очень бы не мешало! Взгляните, на что вы похожи? Ну, скажите на милость: где вы могли видеть, чтобы человек хорошего тона, скажу — человек порядочный, так невежливо обращался с дамой?

Князь
(обиженный)

Не помню, удавалось ли мне это видеть; но я в этом не нахожу ничего предосудительного.

Княгиня
(в сердцах)

Послушай, князь, ты меня выводишь из терпения! Я вижу, тебе приятно сердить меня!

Князь

Напротив, мне так кажется, что это вам доставляет большое удовольствие!

Княгиня
(поспешно выпивая остаток шоколата)

Положим, так; я не хочу противоречить, потому что это завлекло бы нас слишком далеко. Переменим материю: скажите, где вы были?

Князь
(рассеянно)

Я?

Княгиня
(всматриваясь в него)

Да, вы.

Князь

В гостях, у одной знакомой.

Княгиня
(с упреком)

Кокетник!.. Ну, а что мои блонды?

В это время барон, вошедший без доклада, прячется за портьеру, из-за которой по временам выглядывает в продолжение разговора.

ЯВЛЕНИЕ III

Князь
(с замешательством)

Блонды? да! я... я... *(В сторону.)* Что ей сказать? Ведь деньги я проиграл в клубе.

Княгиня
(смотря на него со вниманием)

Князь! я вижу, вы в волненье?

Князь

Отнюдь! Это вам показалось... Я просто устал. Я даже очень устал. Я даже чувствую, как ноги мои решительно начинают мне изменять.

Княгиня
(с проницательностью)

Князь, вы меня обманываете и очень неискусно. Взгляните на меня: не знаю почему, но мне кажется, что мои догадки справедливы!..

Князь
(переменяя тон)

Vous me soupçonnez, madame? [1]

Княгиня

Oui, monsieur! [2]

Князь

(складывая руки на груди и медленно подходя к княгине)

Нельзя ли указать мне этот повод? Мне кажется, чтобы подозревать кого-нибудь и в чем-нибудь, надо иметь достаточные резоны? Вы меня оскорбляете, княгиня, и я требую объяснения ваших резонов!..

Княгиня молчит, рассматривая гравюру.

Княгиня, я жду!

---

[1] Вы меня подозреваете, сударыня? *(франц.)*
[2] Да, сударь! *(франц.)*

Княгиня
(с притворной рассеянностию)

Как хорошо нынче гравируют в Англии.

Князь
(подходя еще ближе, со скрещенными руками на груди)

Княгиня, подозрением своим вы разбудили в груди моей змею, давным-давно уснувшую! Я стражду, я мучусь, я требую объяснения!

Княгиня
(по-прежнему)

Как мило вышли складки на герцогинином платье.

Князь
(пораженный)

Она не слушает меня! Она, кажется, решительно не думает обо мне, будто меня и вовсе нет в этой горнице!.. Хорошо, отплачу ей тем же! *(Садится за стол и начинает ужинать.)* Какие прекрасные котлеты!

Княгиня
(вслушиваясь и недоверчиво обводя зрителей глазами, к публике)

Что они говорят?

Князь

Княгиня, вы что-то сказали?

Княгиня

Да! Меня удивляет ваше поведение. Наговорив мне кучу дерзостей, вы, противу всяких правил, позволили себе сесть за ужин одни, не дожидаясь меня!

Князь
(продолжая есть)

Но, рассудите сами, кто кого затронул? Вы первая оскорбили меня подозрением.

Княгиня

Положим, так. Но я не садилась одна ужинать, а имела, кажется, более на это права.

Князь
(вставая)

Это почему?

Княгиня

Прежде всего: я женщина. Потом, как видно, блонды опять не куплены? А наконец, вы забыли тон человека хорошего общества: вы позволили себе невежливо говорить со мною, что совершенно не годится.

Князь

Нельзя ли без нравоучений! К тому же я, право, не знаю: о каких вы говорите блондах?

Княгиня

Пожалуйста, оставьте ваши шутки; они теперь совсем не к месту!

Князь

Я вовсе не шучу, а говорю, что чувствую. Повторяю вам: я решительно не знаю, о каких вы говорите блондах?

Княгиня
(в справедливом негодовании)

Как! вы отрекаетесь от своего обещания? Нет, это уже слишком! Это уже просто ни на что не похоже!

Князь

Мудрено отрекаться от того, чего никогда не обещал.

Княгиня

Это уже неблагородно! Это даже гадко!.. Значит, у вас нет правил?

Князь
(обиженный)

Princesse! [1]

Княгиня

Prince! [2]

Князь

Вы, кажется, начинаете браниться?

---

[1] Княгиня! *(франц.)*
[2] Князь! *(франц.)*

Княгиня

Я не бранюсь, а говорю печальную истину.

Князь

Послушайте, княгиня! я давно заметил, что вам приятно делать мне неудовольствия... Ну да, я действительно обещал купить вам блонды... и даже очень хорошие блонды, отличные блонды; но не куплю теперь, ни за что не куплю!.. О, противу меня трудно идти!

Княгиня
(вне себя)

Купите! купите! купите! непременно купите!..

Князь

Ну, вот увидим! Не вы ли меня заставите?

Княгиня
(с достоинством)

Никто, как я!

Князь
(в запальчивости)

Так не куплю же!!

Княгиня
(разрывая в сердцах гравюру)

Купите!

Князь

Нет, не куплю!

Княгиня
(со слезами досады)

Нет, купите, купите!..

В это время барон, стоявший за портьерой, роняет стул, на котором лежала шляпа князя, и поспешно убегает. Шляпа подкатывается к ногам княгини. Князь и княгиня в испуге оборачиваются.

ЯВЛЕНИЕ IV

Княгиня хочет оттолкнуть шляпу.

Князь
(бросается к ней)

Оставьте мою шляпу! Это моя шляпа! *(Подымает шляпу в сердцах и бросает ее на стол, накрытый для ужина.)*

Княгиня
(после небольшого молчания)

Отчего упало это сафьянное стуло?

Князь

А я почему знаю?! *(Подходит к столу, на котором накрыт ужин.)* Я вижу только, что эта глупая шляпа испортила прекрасное фрикасе. *(Рассматривает кушанья.)* Какой чудный фасоль!..

Княгиня
(недоверчиво к публике)

Что они говорят?

Князь
(быстро оборачиваясь к ней)

А, теперь уже не обманете! Я сам слышал, как вы что-то сказали!

Княгиня

Ну да! Я не последую вашему примеру, не стану отпираться от своих слов! Я действительно говорила, только не с вами.

Князь
(обиженный)

Сударыня, вы забыли, что я вам муж. Вы забыли, что если я захочу, то буду знать, о чем вы сейчас говорили?

Княгиня
(с отчаянием)

Боже, какое тиранство! Нет, это не муж, это кровожадный леопард!.. Пользуйтесь правом сильного; это очень, очень мило! Не знаю только, кого изберете вы своею жертвой? ибо что принадлежит до меня, то я завтра же оставляю дом этот, и мы с вами больше не увидимся!

Князь

Ваши угрозы не испугают меня. Я нисколько не опечалюсь вашим отъездом. Счастливого пути, уезжайте.

Княгиня

И непременно уеду!

Князь

Да, вы уже раз сказали это.

Княгиня
(сдерживая слезы)

Боже мой, как я несчастна с этим извергом!.. Ах!.. *(Падает в обморок.)*

Князь
(вполголоса, суетясь возле жены)

Что с ней?! Жена!.. Агнеса!.. Не надо ли воды?.. о-де-лавану?.. содовых порошков?.. Милочка!.. Что я теперь стану делать?! *(Прыскает в нее водой.)*

Княгиня
(очнувшись)

Где я?.. что со мною было?.. Не гуляла ли я в саду?.. *(Поспешно прикалывает распахнувшийся платок на груди.)* Ах! не видел ли меня кто-нибудь таким манером?..

ЯВЛЕНИЕ V

Входит барон, держа под мышкой картон умеренной величины. Барон лет сорока; одет просто, но со вкусом. Князь и княгиня оборачиваются. Барон жмет, улыбаясь, руку князя и целует в лоб княгиню.

Барон
(на ухо княгине)

Я привез тебе презент и желал бы, чтобы он пришелся по вкусу.

Княгиня
(радостно)

Что это?

Барон
(насмешливо)

Куропатки!

Княгиня
(нетерпеливо)

Point de bêtise!.. [1]

---

[1] Довольно глупостей!.. *(франц.)*

Барон
(с ласковой усмешкой, подавая ей картон)

Point d'Alançon [1].

Княгиня
(взволнованная)

Дайте, дайте поскорее! *(Торопливо разбирает кружева.)*

Князь
(обидевшись)

Прошу вас, барон, вперед не делать таких подарков!

Барон

Ну, полноте, князь; это уже, право, нехорошо! Вы видите, как Агнеса обрадовалась.

Княгиня

Да, я очень рада! *(Целует барона.)* Merci, дяденька.

Барон

Ну, вот так бы вам меж собою поцеловаться; оно и было бы лучше! А то ссоритесь, ссоритесь, право, и бог знает из-за чего? Я уж давеча слушал вас, слушал, да и надоело!

Княгиня

Как, дяденька? так, стало, вы были здесь?

Барон
(самодовольно)

Был!

Князь
(указывая на шляпу)

Так это вы уронили мою шляпу?

Барон
(по-прежнему)

Я!

Княгиня

А сафьянное стуло — вы?

---

[1] Алансонские кружева *(франц.)*. Игра слов: Point значит: *довольно, хватит* и *кружево.*

Барон
(с достоинством)

Опять я!.. Я был здесь, за портьерой. Все слышал, все видел и нахожу, что вы оба не правы. Ты, Агнеса, не права потому, что слишком раздражительна и вспыльчива; а ты, Serge, виноват кругом...

Княгиня
(прерывая его)

Так, милый дяденька! это он во всем виноват. Первое дело...

Барон
(останавливая ее повелительным знаком руки)

Агнеса, твоя речь впереди. *(Князю.)* Первое дело: ты копал жене яму, иначе — вводил ее во гнев; что очень нехорошо! Второе дело: ты, разговаривая с женою, забыл тон человека хорошего общества; что еще хуже!.. Слушая вас из-за портьеры, я решился примирить вас и наставить. И потому в то самое время, как уронил это сафьянное стуло и эту пуховую шляпу, я скорей отправился в магазин за блондами для успокоения Агнесы... *(Княгиня хочет его поцеловать; он ее удерживает.)* А потом заехал домой за журналом «Москвитянин», дабы прочесть тебе, Serge, как должны муж и жена высшего общества взаимно трактовать друг друга. Слушайте со вниманием! *(Вынимает из заднего кармана 22 № «Москвитянина» 1852 года и читает в отделе Критики, на стр. 39, следующее.)* «Что касается до хорошего тону, который, как всем известно, господствует в высшем свете, то... кажется, все с нами согласятся, что главным отличительным признаком хорошего тона почитается у ч т и в о с т ь... Посмотрите, например, как они (то есть люди хорошего тона) о б р а щ а ю т с я с д а м а м и». Как же тебе не стыдно?! Видишь: даже журналист и тот понимает, что должно соблюдать!.. Смотрите же: старайтесь, друзья мои, жить в мире и согласии; будьте благоразумны, кротки и учтивы!.. Примиритесь теперь и дайте мне слово вперед не ссориться.

Княгиня
(потупившись)

Я согласна.

Князь
(с замешательством)

Я тоже.

Некоторое время они смотрят друг на друга в нерешительности. Барон подает им знак рукою: они бросаются друг другу в объятия.

Князь

Агнеса!..

Княгиня

Serge!..

Они целуются.

Барон
(утирая слезы)

Даже и у меня слеза пробилась!.. Право, смотря на вас, и мне самому приходит на мысль обзавестись подругой жизни. И пора бы! а то еще вчера я опять запломбировал себе зуб чистым золотом.

Княгиня

Дяденька, а вот и ужин готов! Я думаю, иные блюда уже и простыли?

Барон

Любезные мои, лучше пусть остынут эти блюда, чем сердца ваши!

Князь и княгиня
(бросаются ему на шею)

Merci, mon oncle!..[1]

Целуют его.

Княгиня
(сажая барона за стол)

Дружочек, дяденька, садитесь!

Все садятся и ужинают.

Князь
(после довольно продолжительного молчания)

Агнеса! Завтра я куплю тебе новую гравюру.

Занавес падает

---

[1] Благодарю, дядюшка!.. *(франц.)*

СПОР ДРЕВНИХ ГРЕЧЕСКИХ ФИЛОСОФОВ ОБ ИЗЯЩНОМ

Драматическая сцена из древнегреческой классической жизни, в стихах

Действие происходит в окрестностях Древних Афин.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Клефистон }
Стиф } *древние греческие философы.*

Сцена представляет восхитительное местоположение в окрестностях Древних Афин, украшенное всеми изумительными дарами древней благодатной греческой природы, то есть: анемонами, змеями, ползающими по цистернам; медяницами, сосущими померанцы; акамфами, платановыми темнопрохладными наметами, раскидистыми пальмами, летающими щурами, зеленеющим мелисом и мастикой. Вдали виден Акрополь, поражающий гармонией своих линий. На первом плане, у каждой стороны сцены, стоит по курящемуся жертвеннику на золоченом треножнике. Сцена пуста. Немного погодя из глубины сцены выходят, с противоположных сторон, два философа: Клефистон и Стиф. Оба в белых хламидах, с гордою осанкою и с пластическими телодвижениями. Медленно переставляя ноги, так что одна всегда остается далеко позади другой, они сближаются постепенно к середине сцены, приостанавливаются, указывают друг другу на жертвенник своей стороны и направляют к тому жертвеннику свои тихие шаги. Дойдя до жертвенников, они останавливаются, возлагают одну руку на жертвенник и начинают:

Клефистон

Да, я люблю среди лавров и роз
Смуглых сатиров затеи.

Стиф

Да, я люблю и Лесбос и Парос.

Клефистон

Да, я люблю Пропилеи.

Стиф

Да, я люблю, чтоб певец Демодок
В душу вдыхал мне свой пламень.

Клефистон

Фивского мрамора белый кусок!

Стиф

Тирский увесистый камень!

Клефистон

Туники складки!

Стиф

Хламиды извив!

Клефистон

Пляску в движении мерном.

Стиф

Сук, наклоненный под бременем слив.

Клефистон

Чашу с душистым фалерном!

Стиф

Любо смотреть мне на группу борцов,
Так охвативших друг друга!
(Показывает руками.)

Клефистон

Взмахи могучих люблю кулаков!

Стиф

Мышцы, надутые туго.

Клефистон

Ногу — *на столько* подвинуть вперед!

Оба, смотря друг на друга, выдвигают: один левую, другой правую ногу.

Стиф

Руку — вот *этак* закинуть!

Оба, смотря друг на друга, закидывают дугообразно: один левую, другой правую руку.

Клефистон

Телу изящный придать поворот...

Оба пластически откидываются: один влево, другой вправо.

Стиф

Ногу назад отодвинуть!

Оба поспешно отодвигают выдвинутую ногу.

Клефистон

Часто лежу я под сенью дерев.

Оба принимают прежнее спокойное положение, опустив опять одну руку на жертвенник.

Стиф

Внемлю кузнечиков крикам.

Клефистон

Нравится мне на стене барельеф.

Стиф

Я все брожу под портиком!

Клефистон

Думы рождает во мне кипарис.

Стиф

Плачу под звук тетрахордин.

Клефистон

Страстно люблю архитрав и карниз.

Стиф

Я же — дорический орден.

Клефистон
(разгорячаясь)

Барсову кожу я гладить люблю!

Стиф
(с самодовольством)

Нюхать янтарные токи!

Клефистон
(со злобой)

Ем виноград!

Стиф
(с гордостью)

Я ж охотно треплю
Отрока полные щеки.

Клефистон
(самоуверенно)

Свесть не могу очарованных глаз
С формы изящной котурна.

Стиф
(со спокойным торжеством и с сознанием своего достоинства)

После прогулок моих утомясь,
Я опираюсь на урну.

Изящно изгибаясь всем станом, опирается локтем правой руки на кулак левой, будто на урну, выказывая таким образом пластическую выпуклость одного бедра и одной лядвеи.
Клефистон бросает на Стифа завистливый взгляд. Постояв так немного, они оба отворачиваются от своего жертвенника к противоположному, заднему углу сцены и, злобно взглядывая друг на друга, направляются туда столь же медленно, как выходили на сцену. С уходом их сцена остается пуста. По цистернам ползают змеи, а медяницы продолжают сосать померанцы. Акрополь все еще виден вдали.

Занавес падает

ЧЕРЕПОСЛОВ, СИРЕЧЬ ФРЕНОЛОГ

Оперетта в трех картинах

Выдержки из творений моего отца

ПРЕДИСЛОВИЕ К ТВОРЕНИЮ МОЕГО ОТЦА

«Черепослов, сиречь Френолог», оперетта

(Было напечатано в журн. «Современник» 1860 г.)

Здравствуй, читатель! Я знаю, ты рад опять увидеть меня в печати; это хорошо. Это показывает твой вкус. Хвалю тебя! Ты помнишь — разумеется, помнишь! — мое обещание в «Современнике» 1854 года, в апрельской книжке, познакомить тебя с творениями моего отца и доказать, что весь мой род занимался литературою? — Радуйся, я исполняю свое обещание!

У меня много превосходных сочинений отца; но между ними довольно неконченого (d'inachevé); если хочешь, издам все; но пока довольно с тебя одной оперетты.

Есть у меня еще комедия «Амбиция», которую отец написал в молодости. Державин и Херасков одобряли ее; но Сумароков составил на нее следующую эпиграмму:

Ликуй, парнасский бог! — Прутков уж нынь пиит!
Для российских зрелищей «Амбицию» чертит!..
Хотел он, знать, своей комедией робятской
Пред светом образец явить амбицьи хватской!
Но Аполлон за то, собрав «прутков» длинняе,
Его с Парнаса вон! чтоб был он поскромняе!

Не скрываю (да и зачем скрывать?!) этой эпиграммы, порожденной явною завистью. Ты согласишься с этим, когда сам прочтешь «Амбицию» [1].

Представляю на твой суд оперетту: «Черепослов, сиречь Френолог», которая написана отцом уже в старости. Шишков, Дмитриев, Хмельницкий достойно оценили ее; а ты обрати внимание на несвойственные старику: веселость, живость, остроту и соль этой оперетты. Убежден, что по слогу и даже форме она много опередила век!.. Умный Дмитриев написал к отцу следующую надпись:

Под снежной сединой в нем музы веселятся,
И старости — увы! — печальные года
Столь нежно, дружно в нем с веселостью родпятся,
Что — ах! — кабы так было завсегда!

Несмотря на такую оценку нашего поэта-критика, я не решался печатать «Френолога». Но недавние лестные отзывы их превосходительств, моих начальников, ободрили меня. Читатель, если будешь доволен, благодари их! — До свиданья!

Твой доброжелатель

Козьма Прутков

11 апреля
1856 г. (annus, i)

---

[1] К сожалению, эта комедия не найдена в бумагах покойного Козьмы Пруткова.

ЧЕРЕПОСЛОВ, СИРЕЧЬ ФРЕНОЛОГ

Оперетта в трех картинах

Сочинения Петра Федотыча Пруткова (отца)

Картина I: Череп жениха.
Картина II: Пытка.
Картина III: Суженый.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Шишкенгольм, френолог. Старик бодрый, но плешивый; с шишковатым черепом

Мина Христиановна, жена Шишкенгольма. Седая, но дряхлая

Лиза, дочь Шишкенгольмов. Полная, с волнистыми светлыми волосами и с сдобным голосом

Иванов, фельдшер. В услужении у Шишкенгольмов и надзиратель над его учениками

Фриц, Густав — немцы 16-ти лет, обучающиеся у Шишкенгольма. Они в куртках, коротких штанах, без галстухов, с отложными воротничками рубашек

Касимов, отставной гусар. В венгерке, лысый, без парика — жених Лизы

Вихорин, гражданский чиновник. Лицо бритое, лысый, в парике — жених Лизы

Иеронимус-Амалия фон Курцгалоп, гидропат. Лет 46-ти; худой, длинный; лицо морщинистое; волосы жидкие, вылезшие: оттого лоб его высокий

Действие происходит в С.-Петербурге.

КАРТИНА I.— ЧЕРЕП ЖЕНИХА

Сцена представляет учебный кабинет Шишкенгольма. Задняя стена в полках с книгами; в середине ее дверь; над дверью огромный бюст Галля, с подписью его имени золочеными крупными немецкими буквами. Шишкенгольм сидит в старом вольтеровском кресле посреди сцены, рассматривая человеческий череп, исчерченный по науке Галля. Мина Христиановна, вправо от него, вяжет чулок. Лиза — влево от него, сидит у стола, на котором книги, бумаги и гипсовая модель человеческого черепа на подставке. Она перелистывает книги, всматривается в разные части этого черепа и пишет. Иванов, у задней стены, позади стола, при котором занимаются Фриц и Густав; он стоит, скрестив руки на груди, опершись спиною на полки с книгами. Фриц и Густав сидят у противоположных концов этого стола, твердя из книг уроки полушепотом. Продолжительная тишина, нарушаемая только полушепотом Фрица и Густава и перелистыванием книг Лизою. Иванов задремал, поскользнулся и едва удержался на ногах, опершись обеими руками, позади себя, на полки с книгами; от этого несколько толстых фолиантов падают на пол с шумом. Все пугаются, вздрагивают и оборачиваются к Иванову.

Иванов
(тоже испугавшийся)

Раз!.. Ведь надо же случиться! *(Подымает книги и расставляет их по местам.)*

Шишкенгольм

(подняв очки на лоб и оборотившись к Иванову)
Dummer Mensch, скот!.. Та́к ты руководствуешь моих питомцев?! Я тебя выгоню!

Опять все принимаются за занятия. Устанавливается прежняя тишина. Но с Ивановым повторяется то же несчастие, хотя он не дремал, а только оперся на полки с книгами. Снова несколько книг падают с шумом. Шишкенгольм, Мина Христиановна и Лиза вскакивают в испуге. Фриц и Густав фыркают. Иванов раздражен своим несчастьем.

Иванов
(с негодованьем)

Тьфу, и во второй!.. *(Дерет за вихры Фрица и Густава.)*

Лиза
(сдобным голосом, презрительно)

Русский мужик!

Шишкенгольм, Мина Христиановна и Лиза
(поют хором, обратившись к Иванову)

Спокойствие занятий
Ты дважды прерывал!..
Прими же тьмы проклятий,
Чтоб черт тебя побрал!
Geh weg!.. И, в память Галля,
К нам больше ни ногой!..
Hinaus, packt dich подале!
Наймется к нам другой.

Отворачиваются от него в негодовании и обращаются друг к другу, подавая повелительный знак Фрицу и Густаву.

Расправу кончив с дерзким,
Приступим вновь к трудам...

Принимаются снова за свои занятия.

Иванов
(грозясь злобно на Шишкенгольма)

Обиженный сим мерзким,
Ужо я вам задам!

Уходит, захлопнув дверь. Все уселись заниматься. Тишина. Вдруг раздается торопливый стук в дверь.

Касимов и Вихорин
(за дверью)

Дома почтеннейший профессор Шишкенгольм и милое его семейство?

Все
(с отчаяньем, подбегая к авансцене, поют хором)

О Галль, мудрец великий,
Спаси ты нас!..
Услышь ты наши клики
Хоть в этот раз.

За что судьбы гоненье?
Несчастный рок!..
Ведь этак все ученье
Пойдет не впрок.
Лишь вздумаешь заняться,
А тут, гляди,
Уж в дверь к тебе стучатся;
Учись поди!

Вихорин и Касимов
(входят и, остановившись в дверях, поют)

Что слышим? Лизин голос!

Хор
(мрачно)

Судьбины гнет
Мышленья срезал колос.

Касимов и Вихорин
(в восторге фальшивят)

Она поет!..

Все оборачиваются к ним. Они робеют.

Фальшиво?.. Извините!..
Мы второпях!..

Хор
(строго)

Зачем вы здесь, скажите,
А не в сенях?!

Касимов и Вихорин
(прозою, перебивая друг друга)

Мы... мы... мы опять... хотели просить руки вашей дочери...

Шишкенгольм и Мина Христиановна
(гневно)

Руки?!

Лиза
(жеманясь и сдобным голосом)

Папаша, они ко мне.

Шишкенгольм
(делает строгий знак Лизе указательным перстом правой руки, качая оный неторопливо вправо и влево, как маятник; а затем обращается к Касимову и Вихорину)

Молодые люди!.. я вам уже несколько раз отказал?.. Я вам уже несколько раз говорил: что вы не любите Лизу; говорил я вам это?

Касимов

Но ведь и я сказывал вам, что люблю!.. *(Старается заслонить Вихорина, который тоже хочет говорить.)*

Шишкенгольм
(качая вправо и влево указательным перстом правой руки, прямо против своего носа, говорит медленно и важно)

Тс!.. Молчать! Я уже много раз доказал вам: что вы оба *не* любите Лизу; доказал я вам это?! Ни слова более!.. Мне кажется, профессор френологии может всегда безошибочно узнать: кто способен и кто не способен любить женщину?.. Вы *не* способны любить женщину, и потому вы *не* любите мою Лизу! Слышите? Я наблюдал ваш череп; я знаю.

Касимов

Но мне ли не знать, господин Шишкенгольм, что вы ошибаетесь?

Вихорин

(пробиваясь из-за Касимова, который старается его заслонить, и, наконец, перебегая впереди Шишкенгольма на другую его сторону)

Клянусь... клянусь... вы ошибаетесь!..

Шишкенгольм
(гордо и строго)

Я ошибаюсь?! *(Ощупывает одновременно, обеими руками, их затылки.)* Ни за что!.. *(Уходит большими шагами в правую боковую дверь. Фриц и Густав за ним.)*

Мина Христиановна
(к Касимову и Вихорину)

Вы слышали? Ступайте же вон!

Касимов и Вихорин
(становясь по обе стороны ее)

Мина Христиановна, матушка!.. Клянусь, он ошибается!

Мина Христиановна
(гордо и строго)

Он ошибается?! *(Ощупывает одновременно, обеими руками, их затылки.)* Ни за что!.. *(Уходит большими шагами в ту же боковую дверь.)*

Молчание. Лиза, Касимов и Вихорин стоят печальные. Касимов начинает робко, нерешительно приближаться к Лизе.

Вихорин
(прикладывает палец ко лбу, ободряется и говорит в сторону)

Придумал!.. Я в парике... *(Радостно приподымает немного свой парик за виски.)* Подобью парик шишками из ваты, да побольше!.. Браво! Побегу поскорее!.. До свиданья, Лизавета Ивановна! *(Уходит большими шагами в среднюю дверь.)*

Касимов
(печально, со слезами в голосе)

Лизавета Ивановна, послушайте!.. *(Поет.)*

Природа, видно, подшутила,
Когда меня произвела?
Она любовь в меня вложила,
Любви же шишек не дала!
Что́ делать? право, я не знаю!
Уговорите-ка отца!..
Готов я в ад, лишуся раю,
Отказ же сгубит молодца.

(Падает перед Лизою на колени, рыдая.)

Лиза
(с достоинством)

Отец мой все по шишкам мерит;
Людям свою цену дает.

Он вашей страсти не поверит,
Коль шишек страсти не найдет.
К тому ж, по Галля наставленьям,
Вас изучала я сама...

(Ощупывает его голову.)

Судя по ямкам, возвышеньям,
У вас нет сердца, нет ума;
К искусствам нет у вас влеченья;
Едва ль способность есть к любви?..
Нет памяти у вас, терпенья,
И жару вовсе нет в крови...
Такого мужа не хочу я!

(Отталкивает его и сама отступает с отвращеньем.)

О нет!.. Уйдите от меня!

Касимов
(встает с колен и поет сквозь слезы)

Увы!.. Любви огонь почуя,
Я мнил: когда дождуся дня,
Чтоб тесно с вами породниться?
И что же? — вдруг я узнаю,
Что страсть без шишек не годится!..
О, как не клясть судьбу свою!
(Рыдает и продолжает петь.)
Как зло природа подшутила,
Когда меня произвела:
Она мне в грудь любовь вложила,
Любви же шишек не дала!

(Рыдая, уходит большими шагами в среднюю дверь, держа платок у глаз.)

Лиза
(задумчиво, сдобным голосом и печально)

Несчастный!.. Но что же делать?.. А может быть, он и в самом деле?! Нет!..*(со вздохом)* я сама пробовала!.. А впрочем... Пойду спрошу папашу. *(Уходит большими шагами в правую дверь, крича.)* Папаша! папаша!

Декорация переменяется.

КАРТИНА II.— ПЫТКА

Сцена представляет комнату Касимова. Задняя стена без дверей. Посреди ее стойка красного дерева с двумя трубками, из коих у одной чубук с бисерным вверху чехлом. Над стойкой висят: гусарская сабля и лядунка. По левую сторону стойки, вдоль стены, кровать, с байковым одеялом; а у кровати ковер на стене. По правую сторону стойки комод; а над ним висит портрет Касимова масляными красками, в гусарском мундире. В правой стене дверь. У авансцены, к правой стороне, ломберный стол, по сторонам которого стул и три ставчика. На левой стене небольшое зеркало, под которым стол с бритвенным прибором, фаброй для усов, щеткой и гребнем; а между этим столом и кроватью стул с висящею на нем венгеркою и ставчик с умывальным прибором. При поднятии занавеса Касимов сидит на стуле перед зеркалом, в халате, с накинутым на плечи полотенцем. Иванов оканчивает брить его голову.

Касимов

(наклоняет голову к зеркалу и проводит по ней рукою)

И было-то ничего, а теперь совсем гладко; точно колено не туда пристроено!

Иванов вытирает его голову и снимает полотенце с его плеч. Касимов встает, с совсем обритой головой, и начинает ходить вдоль рампы, нередко проводя руками по своему черепу и ощупывая его со всех сторон. Иванов прибирает бритвенный прибор.

Касимов

(ощупывая свой череп)

Ну, чего им тут еще нужно? Кажися, все тут есть!.. Однако коли захотели больше, так и дадим по-ихнему. Теперь уж, как там ни верти, а отдадут за меня Лизу! Иванов, ты говоришь, что Вихорин заказал тебе парик с шишками?.. Ну что ж?! Пускай себе надевает; я все-таки возьму свое. Моя выдумка получше! Да коли придется, так я и парик-то с него стащу... Пусть видят!.. Хе, хе, хе!.. Знай наших! не гражданским чета!.. *(Ходит, потирая руки.)*

Иванов

(ставит стул посреди сцены и придвигает к нему ставчик с умывальным тазом, в котором губка; а возле таза молоток)

Извольте, ваше благородие, садиться; пора!

Касимов

(останавливается в нерешимости)

Ой ли?.. А знаешь, Иванов, как-то боязно становится, ей-богу!.. *(Опускает голову, задумываясь, и вновь проводит по ней рукою.)* Ну, была не была!.. Валяй, Иванов! *(С решительностью идет к стулу и садится на него.)*

Иванов становится позади Касимова, подняв молоток над его головою.

Касимов

(поет)

Судьба обидела гусара;
Но вот уж млат над ним висит,
И, с каждым отзывом удара,
Талант с небес к нему слетит...
Мужайся, воин, и терпи!
Палач, свой первый дар влепи.

Иванов

(ударяя молотком по голове Касимова, тотчас же примачивает губкою и поет)

Вот... шишка славы.

Касимов

(сморщиваясь, тоже поет)

Величавый
Волдырь на маковку взлетел...
Да! не легка ты, шишка славы!..
Недаром мало славных дел.

Иванов

(ударяя вновь и примачивая, поет)

Сюда вот память надо вбить.

Касимов

(передвигаясь)

Ну, точно... память!.. Нету спора!..
Ее вовек мне не забыть!

Иванов
(по-прежнему)

Му́зыка здесь!

Касимов
(тоже)

Как бы в два хора
Я оглушен!.. Я понял, други:
И фис, и дис, и всякий прах!..
Ну, право, от подобной фуги
Век целый прозвенит в ушах.

Иванов
(по-прежнему)

Познаньям место и ученью.

Касимов
(съеживаясь, поет сквозь слезы)

Ой, ой!.. Ученость налегла!..
Коли судить по оглавленью,
Она уж больно тяжела.

Иванов
(по-прежнему)

Ума здесь о́рган, убеждений.

Касимов
(всхлипывая)

У-ух!.. я убежден насквозь...
О боже! столько потрясений
Сразят хоть бы кого небось!

Иванов
(по-прежнему)

Тут... сила духа.

Касимов
(едва усидев)

Тише, больно...
Как сильно захватило дух!..

Иванов, милый, ну, довольно!
Ей-ей, не выдержу, мой друг.

Иванов
(по-прежнему)

Чувствительность!

Касимов

Туда ж, в подмогу!..

(плачет)

Страдальцы, понимаю вас!..
Я тронут так, что, ну, ей-богу,
Расплачусь, как дитя, сейчас.

Иванов
(по-прежнему)

Вот... живопись.

Касимов

Э-эк, вскочила!..
И тень и свет я понял вдруг...
В глазах как будто зарябило,
И словно радуги вокруг.

Иванов
(по-прежнему)

А вот... терпенье.

Касимов

Опоздало!..
Ох, рок мне строит все на смех.
Терпенье надо бы сначала,
А не вконец, не позже всех.

Иванов
(бьет с особою силою, примачивая)

Теперь — любовь!

Касимов
(вскакивая)

У-ах!.. умру я!..
(Падает снова на стул, в изнеможении.)
От маковки... до самых пят...
Я... ощущаю... страсть такую,
Что ночь переживу навряд.

Иванов
(вытирает свой молоток и убирает ставчик с тазом на прежнее место)

Довольно с вас.

Касимов
(тяжело вздыхая)

Конец мучений...

(Постепенно отдыхивается, встает и подходит к рампе, ощупывая осторожно свою голову.)

Что хватишь, то талант в руке...
Как я умен... я просто гений,
В каком-то чудном шишаке!
Теперь я счастлив... Марш к Лизетте!
Она любить меня должна...
Лишь укажу на шишки эти,
И мигом Лиза влюблена.

(Сует фельдшеру деньги, сбрасывает халат, надевает галстух, венгерку, ермолку, фуражку и идет к двери.)

Иванов
(почтительно кланяясь)

Счастья желаем вашему благородию. При случае, пристройте снова к Шишкиным; не забудьте, ваше благородье.

Касимов
(самоуверенно)

Не забуду, братец, не забуду; пристроим, братец, сегодня же пристроим.

Касимов уходит. Иванов за ним.
Декорация переменяется.

КАРТИНА III.— СУЖЕНЫЙ

Комната первой картины.— Шишкенгольм, Мина Христиановна, Лиза, Фриц, Густав почти выбегают из правой двери, преследуемые Касимовым и Вихориным. В это же время Иванов входит робко в среднюю дверь и остается неподалеку от нее, у задней стены. Мина Христиановна, запыхавшись, падает в вольтеровское кресло.

Шишкенгольм

Нет, это дерзко!.. Вон! вон! *(Указывает Касимову и Вихорину на средние двери.)* Не хочу таких шишек!.. Вон!

Касимов и Вихорин пристают с просьбами и объяснениями к Лизе. Она старается уйти от них. Касимов, удерживая ее, невольно делает с нею вроде тура галопа по комнате.

Шишкенгольм
(вне себя)

О, уж это слишком!.. *(Бросается к ним, вырывает от Касимова Лизу и поет.)*

Что̀ задрал так кверху нос ты?
Как ты смеешь танцевать?!
Нет, поверь, не так мы просты,
Чтоб какие-то наросты
Стали шишками считать!

В это время Лизу, едва освобожденную от Касимова, подхватывает Вихорин и тоже, удерживая ее, невольно пробегает с нею вроде тура галопа по комнате.

Шишкенгольм
(бросается к ним, освобождает Лизу от Вихорина и поет)

Невпопад и ты проворен...
Не смотри, что я старик!
Если будешь ты, Вихорин,
Так невежлив и упорен,
Я как раз стащу парик!

Лиза
(усталая, падает в кресло, отмахиваясь платком, и говорит сдобным голосом)

Господи, какие бесстыдники!

Касимов и Вихорин
(поют, обращаясь к Шишкенгольму)

Ну, не верьте нашим шишкам!
Но уважьте в нас года!..
Нам ведь по сороку с лишком;
Угрожать нам, как мальчишкам,
Не позволим никогда.

Шишкенгольм
(тоже поет)

В разговорах мало толку;
Вас сумею выгнать я!
(Идет к ним.)

Касимов и Вихорин
(отступая от него, поют)

Обругать вас стоит колко.

Шишкенгольм
(настигнув их, сдергивает и выбрасывает в окно: с Касимова ермолку, а с Вихорина парик, продолжая петь)

С вас — парик!.. а с вас — ермолку!..
Подымайте их.

Касимов и Вихорин
(подбегая к окну и посмотрев за окно с любопытством, оканчивают мотив)

Свинья!

Оба, поспешно выходя, сталкиваются в дверях с Курцгалопом, который, переступая через порог задом, делает разные знаки четырем отставным солдатам, вносящим на сцену купальный шкап.

Курцгалоп
(обернувшись на Касимова и Вихорина, пугается)

Тьфу!.. черти плешивые!.. Чуть с ног не сбили!.. *(Обращается к солдатам.)* Сюда вот, сюда, ставьте сюда, так.

Шишкенгольм и прочие
(с удивлением)

Это что? Кто это?

Шишкенгольм
(к Курцгалопу, сердитый)

Что это вы принесли сюда?

Курцгалоп

Не твое дело.

Шишкенгольм

Как не мое дело?! как не мое дело?!

Курцгалоп
(не слушаяя его, поет) [1]

Я только что купался...
Совсем продрог!
Но славно пробежался:
Не слышу ног!

Шишкенгольм
(обращается к Курцгалопу, в прозе)

Да позвольте же узнать наконец...

Курцгалоп
(не слушая его, продолжает петь)

Vivat водолечению!
Живи, народ!..
А всё плоды учения!
Mein Gott, mein Gott!

Шишкенгольм
(опять прерывает его, прозою)

Да кто же вы такой?

Курцгалоп
(отвечает, продолжая петь)

Ерònимус-Амалия
Фон Курцгалоп;
Давно без обливания
Сошел бы в гроб.

---

[1] Читатель! я пробовал петь эти куплеты на голос: «Un jour maître corbeau»; выходит отлично. Испытай. *Примечание Козьмы Пруткова.*

Лиза
(отцу, жеманясь, сдобным голосом)

Папаша, какой веселый мужчина!

Шишкенгольм
(останавливает ее строгим знаком и обращается к Курцгалопу)

Но скажите наконец, зачем вы пришли сюда?

Курцгалоп
(не слушая его, обращается к солдатам)

Поставили шкап? Все там приладили? Ну, хорошо; ступайте.

Лиза
(матери, сдобным голосом)

Ах, мамаша, какой славный мужчина!

Курцгалоп
(обращаясь ко всем)

Доложите полковнику Кавырину, что шкап принесен...

Шишкенгольм
(рассерженный)

Милостивый государь! полковник Кавырин живет не здесь, а внизу!

Курцгалоп
(пораженный)

Как?! А здесь кто живет?

Шишкенгольм
(с достоинством)

Здесь живет профессор-френолог Иоганн фон Шишкенгольм.

Курцгалоп
(восторженно)

О боже, какая случайность!.. Herr Шишкенгольм, знаменитый френолог!

Лиза
(отцу)

Папаша, какой умный мужчина!

Курцгалоп

Честь имею рекомендоваться: фон Курцгалоп, известный гидропат.

Все
(радостно)

О боже, какое счастье!.. Herr Курцгалоп, знаменитый гидропат!

Знакомятся.

Шишкенгольм
(с лукавой улыбкой)

Herr Курцгалоп! вы умный и хитрый молодой человек!.. вы умный и хитрый!.. Ведь вы нарочно зашли к нам? понимаю!.. *(Сильно встряхивает его руку.)* Благодарю вас... за ошибку! Друг Мина, благодари за ошибку! Лиза, благодари за ошибку!

Мина Христиановна приседает Курцгалопу.

Лиза
(своим сдобным голосом, прижимаясь к отцу)

Ах, папаша, какой красивый мужчина! *(Приседает глубоко Курцгалопу.)*

Курцгалоп
(говорит в сторону, почтительно кланяясь Лизе)

Какой у нее сдобный, жирный голос!

Оба страстно и долго смотрят друг другу в глаза.

Курцгалоп

Я несказанно рад... но... право, вовсе нечаянно... Полковник Кавырин...

Шишкенгольм
(перебивает его, хитро подсмеиваясь)

О, полковник Кавырин... все полковник Кавырин!.. О, хитрый... хитрый молодой человек! *(Берет за руку Лизу и приближает ее к Курцгалопу.)* Лиза, успокой его; займи разговором; ты видишь конфуз молодого человека... Herr Курцгалоп, еще раз рекомендую: дочь моя.

Курцгалоп нежно целует руку Лизы.

Лиза
(жеманно, поет своим голосом)

Теперь нашли вы к нам дорогу?

Курцгалоп
(кокетничая, тоже поет)

Нашел... быть может, невпопад?

Шишкенгольм
(прислушивавшийся к ним, тоже поет)

Пришли вы кстати к френологу;
Он гидропату очень рад.

Лиза
(в сторону)

Как мне понравился, ей-богу,
Сей бодрый, крепкий гидропат!

Курцгалоп
(Лизе, продолжая петь)

Вы обливаетесь водою?

Лиза
(поет жеманно)

Я?.. да!.. я моюсь по утрам.

Курцгалоп
(продолжая петь)

Холодной? теплою? какою?

Лиза
(тоже)

Холодной, с теплой пополам.

Курцгалоп
(в сторону, продолжая петь)

Мила!..
(Помолчав, продолжает нерешительно.)
А что, спросить я смею,
Вы обливаете?

Лиза
(поет с простодушною откровенностью)

Скажу:
Я обливаю руки, шею...

Курцгалоп
(прерывает ее радостно и решительно, оканчивая мотив)

Руки я вашей попрошу!

Шишкенгольм и Мина Христиановна
(все время следившие с наслаждением за их разговором, подбегают к Курцгалопу и ощупывают его затылок)

О счастье... Мы согласны!.. Благословляем вас! *(Благословляют их, оба одновременно.)* Шампанского скорей!

Курцгалоп

А мне воды.

Шишкенгольм

Ну, так и всем воды, только в бокалах. Оно и подешевле.

Иванов бросается в средние двери.

Шишкенгольм и Мина Христиановна
(к Курцгалопу)

Подите же сюда, наш сын! Дайте обнять вас...

Курцгалоп подбегает к ним с почтительною нежностью. Они начинают целовать его, передавая из рук в руки. Лиза смотрит на них с завистью.

Иванов
(входит с подносом в руках, на котором графин с водою и бокалы. Он обносит всех, начиная с Шишкенгольма, и обращается к Шишкенгольму)

Уж простите, барин, и меня на радости.

Шишкенгольм
(к Лизе и Курцгалопу)

Дети! простить его?

Лиза
(хладнокровно, своим голосом)

Простите, папаша.

Шишкенгольм
(Иванову, важно)

Русский!.. благодари ее!

Иванов целует руку Лизы. Все подымают бокалы с водою и поют.

Хор

За здравье френологии,
Мудрейшей из наук!..
Хоть ей не верят многие,
Но, знать, их разум туг.
Она руководителем
Должна служить, ей-ей,
При выборе родителям
Мужьев для дочерей!
Ура черепословию;
Ура науке сей;
До капли нашей кровию
Пожертвуем мы ей!

Лиза сымает свой шейный платок.

Шишкенгольм
(к ней, тревожно)

Что это ты, Лиза?

Лиза
(хладнокровно)

В шкап, папаша; купаться.

Все
(к ней, торопливо)

Подожди, Лиза, бесстыдница!.. Дай опустить занавес!

Занавес опускается. Из-за него раздаются крики, сдобным голосом: *«А! А-ах! Ах!»* — происходящие, вероятно, от слишком холодной воды.

ОПРОМЕТЧИВЫЙ ТУРКА,
или:
ПРИЯТНО ЛИ БЫТЬ ВНУКОМ?

Естественно-разговорное представление[1]

ПРОЛОГ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Известный писатель.
Иван Семенович.
Камердинер Ивана Семеновича.

Сцена представляет открытое место, с холмом посередине. Солнце восходит из-за холма.

Известный писатель
(входит в картузе, в альмавиве, с распущенным зонтиком, с толстою книгою под мышкой. Подойдя к авансцене, он собирает зонтик)

С восходом этого дневного светила настает торжественный для меня и для моего товарища день! Я и товарищ мой намерены дать сегодня *новый род драматического представления.*

---

[1] Из объяснения к этому драматическому произведению, напечатанного в журн. «Современник» 1864 г., № IV (в отделе «Свисток»), видно, что от этого произведения Козьмы Пруткова уцелел только отрывок, найденный в портфеле покойного, обозначенном печатною золоченою надписью: *«Сборник неоконченого (d'inachevé) № 1».* В «Прологе» к этому произведению, под именем «известного писателя» Козьма Прутков, судя по некоторым признакам, изобразил самого себя.

Драматическими представлениями условились называть представления, которые бывают на театрах, а именно: в С.-Петербурге — на Большом, неосновательно называемом «Каменным»; на Александринском, Михайловском и в цирке; а в Москве — на Большом и Малом.

Представления подразделяются на многие отрасли, как то: на комедии, трагедии, драмы, оперы, пантомимы, водевили и хороводы.

Мой товарищ и я посвятили всю жизнь нашу и все наши зрелые лета на изобретение нового рода драматического представления. Мы с товарищем решились назвать его, после долгих соображений, скажу: страданий! — «естественно-разговорным представлением». Произведение наше называется: «Опрометчивый Турка, или: Приятно ли быть внуком?»

(Восходит на холм.)

Дай бог, чтоб это произведение было принято с тою же чистотою и откровенностью, с какими мы предлагаем его зрителям! Пора нам, русским, ознаменовать перевалившийся за другую половину девятнадцатый век *новым словом* в нашей литературе! Это, столь ожидаемое всеми, *новое слово* будет высказано сегодня мною с товарищем!.. Нужно ли повторять, что мы посвятили ему всю нашу жизнь и наши зрелые лета?! Кроме того, я отказался для него от выгодной партии с дочерью купца Громова, уступив ее другому моему товарищу.

Итак, пусть начинают пьесу!.. Дай бог, говорю я, чтоб она принята была с тою же душевною чистотою и с сердечною откровенностью, с какими мой товарищ и я предлагаем ее нашим зрителям!

(Сходит с холма, распускает над собою зонтик и удаляется со сцены.)

Иван Семеныч

(в одном из наших гражданских мундиров, стоявший все это время спрятавшись, выходит на авансцену со скрипкою в руках, оглядываясь по сторонам)

Дочь купца Громова за мною... У меня много детей, не считая рожденных от первого брака и нечаянно. Но это в

сторону! — Автор ушел. Предлагаемая пьеса начинается. Надо играть увертюру. Вот ноты в этом веке написанного романса: «Не шей ты мне, матушка, красный сарафан»... *(Бросает ноты перед собой на землю и готовится играть на скрипке. Камердинер подносит ему что-то на блюдечке.)* Не надо; я всегда без этого!

Камердинер уходит. Иван Семеныч играет, но ничего не слышно. Через несколько времени занавес опускается.

Естественно-разговорное представление

ОПРОМЕТЧИВЫЙ ТУРКА,
или:
ПРИЯТНО ЛИ БЫТЬ ВНУКОМ?

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Миловидов.
Князь Батог-Батыев.
Кутило-Завалдайский.
Либенталь.
Г-жа Разорваки, вдова.
Иван Семеныч.

Действие происходит в С.-Петербурге, в гостиной г-жи Разорваки. Она разливает чай. Все сидят.

Миловидов
(говорит мягким басом, плавно, важно, авторитетно)

Итак, нашего Ивана Семеныча уже не существует!.. Все, что было у него приятного, исчезло вместе с ним!

Кутило-Завалдайский
(со вздохом)

Сколько у него было душ и десятин пахотной земли?

Миловидов

Главное его имение, село Курохвостово, не помню: Астраханской или Архангельской губернии? Душ по последней ревизии числилось пятьсот; по крайней мере, так выразился, говоря со мною, заседатель гражданской палаты Фирдин, Иван Петрович.

Кн. Батог-Батыев

(с подвязанною щекою; говорит шепелявя и с присвистом)

Фирдин?.. Какой Фирдин? Не тот ли, который ранен был на дуэли ротмистром Кавтыревым?

Либенталь

(говорит торопливо, большею частью самолюбиво-раздражительно)

Нет, не Кавтыревым! Кавтырев мне свояк. С ним действительно был случай; но он на дуэли не убит, а просто упал с лошади, гоняя ее на корде вокруг павильона на даче Мятлева. При этом еще он вывихнул безымянный палец, на котором носил чугунный перстень с гербом фамилии Чапыжниковых.

Кутило-Завалдайский

Я не люблю чугунных перстней, но предпочитаю с сердоликом или с дымчатым топазом.

Кн. Батог-Батыев

Позвольте, вы ошибаетесь!.. Сердолик и топаз, в особенности дымчатый, как вы весьма справедливо сказали,— два совершенно различные именованья!.. И их не надо смешивать с малахитом, столь искусно выделываемым его превосходительством Демидовым; так, что даже могу сказать перед целым миром и своею совестью: он получил за это диплом из собственных рук парламента, с английской печатью.

Г-жа Разорваки

(говорит громко, решительно, голосом сдобным)

Насчет Демидова!.. Правда ли, что он завещал все свое богатство Ламартину?

Молчание.

Миловидов

(совершенно тем же голосом и тоном, как вначале)

Итак, нашего Ивана Семеныча уже не существует!.. Все, что́ было у него приятного, исчезло вместе с ним!.. Был у него, смело могу сказать, один только недостаток: он был твердо убежден, что при природном даровании можно играть на скрипке без канифоли. Я вам расскажу постигнувший его

случай. В день своих именин,— как теперь помню: двадцать первого октября,— он приглашает власти... Был какой-то час. Шум. Входят. Собираются. Садятся на диваны... Чай выпит... Все ожидают... «Подай мне ящик!» — говорит Иван Семеныч. Ящик принесен. Иван Семеныч вынимает скрипку, засучивает рукава и отворачивает правый борт своего виц-мундира. Виц-губернатор одобрительно ожидает. Преданный Ивану Семенычу камердинер подносит на блюдечке канифоль. «Не надо! — говорит он.— Я всегда без канифоли». Развертывает всем известные какие-то ноты; взмахивает смычком... Все притаили взволнованное дыхание. Самонадеянный покойник ударяет по струнам — ничего!.. Ударяет в другой раз — ничего!.. В третий раз — решительно ничего! Четвертый удар — увы! — был нанесен его карьере, несмотря на то что он был женат на дочери купца первой гильдии, Громова!.. Обиженный губернатор встает и, подняв руку к плафону, говорит: «Мне вас не нужно,— говорит,— я не люблю упрямых подчиненных; вы вообразили теперь, что можете играть без канифоли; весьма возможно, что захотите писать бумаги без чернил! Я этаких бумаг читать не умею и тем более подписывать не стану; видит бог, не стану!»

Молчание.

Кутило-Завалдайский

Говорят, что цены на хлеб в Тамбовской губернии значительно возвысились?

Молчание.

Г-жа Разорваки
(громко и сдобно)

Насчет Тамбова!.. Сколько верст от Москвы до Рязани и обратно?

Либенталь
(скороговоркою)

В один конец могу сказать, даже не справившись с календарем, но обратно не знаю.

Все отворачиваются в одну сторону и фыркают, издавая носом насмешливый звук.

Либенталь
(обиженный)

Могу вас уверить!.. Ведь от рождества до пасхи столько-то дней, а от пасхи до рождества столько-то, но не столько, сколько от рождества до пасхи. Следовательно...

Все отворачиваются в другую сторону, насмешливо фыркая носом. Молчание.

Миловидов
(тем же тоном)

Итак, нашего Ивана Семеныча уже не существует!.. Все, что было у него приятного, исчезло вместе с ним!..

Кн. Батог-Батыев
(шепелявя с присвистом)

Я знал его!.. Мы странствовали с ним в горах Востока и тоску изгнанья делили дружно. Что за страна Восток!.. Вообразите: направо — гора, налево — гора, впереди — гора; а сзади, как вы сами можете себе представить, синеет гнилой Запад!.. Наконец вы с отвращеньем въезжаете на самую высокую гору... на какую-нибудь остроконечную Сумбеку; так что вашей кобыле и стоять на этом мшистом шпице невозможно; разве только, подпертая горою под самую подпругу, она может вертеться на этой горе, как на своей оси, болтая в то же время четырьмя своими ногами! И тогда, вертяся вместе с нею, вы замечаете, что приехали в самую восточную страну: ибо и впереди восток и с боков восток, а запад?.. Вы, может, думаете, что он все-таки виден, как точка какая-нибудь, едва движущаяся вдали?

Г-жа Разорваки
(громко, сдобно и ударяя кулаком по столу)

Конечно!

Кн. Батог-Батыев

Неправда! И сзади восток!.. Короче: везде и повсюду один нескончаемый восток!

Г-жа Разорваки
(по-прежнему)

Насчет востока!.. Я вам расскажу мой сон.

Все

(бросаясь целовать ее руки)

Расскажите, расскажите!

Г-жа Разорваки

(протяжным, повествовательным тоном, сохраняя свой громкий и сдобный голос)

Видела я, что в самой середине...

Миловидов

(останавливает ее почтительно-доброжелательным движением руки)

Питая к вам с некоторых пор должное уважение, я вас прошу... именем всех ваших гостей... об этом сне умолчать.

Все

Почему же? почему же? *(Наперерыв целуют ее руки.)*

Миловидов

(перебивает их важно, плавно, немного подняв тон)

Итак, нашего Ивана Семеныча уже не существует!.. Все, что было у него приятного, исчезло вместе с ним!.. Вам известно, что он жил безбедно, но хотел казаться человеком более богатым, чем был в самой вещи...

Г-жа Разорваки

(громко, с удивлением)

Разве у него было бархатное стуло?!

Миловидов

Нет... он не любил бархата. И даже на самом животе он носил треугольник из фланели, в виде какого-нибудь синапизма.

Кн. Батог-Батыев

У меня там тоже есть синапизм. А кроме того, люблю носить на правой руке фонтенель, на левой гишпанскую мушку, в ушах канат, во рту креозот, а на затылке заволоку.

Все

(кроме Миловидова, к нему)

Покажите, покажите!

Кн. Батог-Батыев

Весьма охотно; но только после чаю.

Миловидов

(снова возвышая тон)

Все, что у него было приятного, исчезло вместе с ним!.. Когда Иван Семеныч задавал обеды и приглашал власти, то любил угостить тончайшим образом. Лежавшие в супе коренья изображали все ордена, украшавшие груди присутствующих лиц... Вокруг пирожков, вместо обыкновенной какой-нибудь петрушки, посыпались жареные цветочные и фамильные чаи! Пирожки были с кисточками, а иногда с плюмажами!.. Косточки в котлетах были из слоновой кости и завернуты в папильотки, на которых каждый мог прочесть свойственный его чину, нраву, жизни и летам — комплимент!.. В жареную курицу вечно втыкался павлиний хвост. Спаржа всегда вздевалась на проволоку; а горошек нанизывался на шелковинку. Вареная рыба подавалась в розовой воде! Пирожное разносилось всем в конвертах, запечатанных казенною печатью, какого кто ведомства! Шейки бутылок повязаны были орденскими ленточками и украшались знаками беспорочной службы; а шампанское подавалось обвернутое в заграничный фуляр!.. Варенье, не знаю почему, не подавалось... По окончании обеда преданный Ивану Семенычу камердинер обрызгивал всех о-де-лаваном!.. Вот как жил он! И что же? Канифоль, канифоль погубила его и свела в могилу! Его уже нет, и все, что было у него приятного, исчезло вместе с ним!..

Внезапно отворяются двери из передней, и входит Иван Семеныч, с торжествующим лицом и приятною улыбкою.

Все

(в испуге)

Ах!.. Иван Семеныч!.. Иван Семеныч!..

Иван Семеныч
(улыбаясь и шаркая на все стороны)

Не дивитеся, друзья,
Что как раз
Между вас
На пиру веселом я
Проявляюся!

(Обращается строго к Миловидову и к Разорваки)

Ошибаешься, Данила!..
Разорваки соврала!..
Канифоль меня сгубила,
Но в могилу не свела!

Все
(радостно вскакивают с мест и обступают Ивана Семеныча)

Иван Семеныч!.. Как?! Вы живы?!

Иван Семеныч
(торжественно)

Жив, жив, говорю вам!.. Скажу более! *(Обращается к г-же Разорваки.)* У вас есть внук турецкого происхождения!.. Я сейчас расскажу вам, каким образом сделано мною это важное открытие.

Все
(нетерпеливо)

Расскажите, Иван Семеныч!.. Расскажите!..

Садятся вокруг стола. Иван Семеныч ставит свой стул возле г-жи Разорваки, которая, видимо, обеспокоена ожидаемым открытием. Все с любопытством вытянули головы по направлению к Ивану Семенычу. Иван Семеныч откашливается. Молчание.

. . . .
. . . .

Здесь, к сожалению, рукопись прерывается, и едва ли можно предполагать, чтоб это, в высшей степени замечательное, произведение Козьмы Пруткова было доведено им до конца.

СРОДСТВО МИРОВЫХ СИЛ

Мистерия в одиннадцати явлениях

Найдена в портфеле с золоченою надписью: *«Сборник неконченого (d'inachevé) № 3»*.— См. об этой мистерии в «Биографических сведениях».

ДЕЙСТВУЮЩИЕ В МИСТЕРИИ

Ровная долина.
Великий поэт.
Высокий дуб.
Звезда орденская.
Звезда небесная.
Дупло.
Сова.
Кочка.
Ком земли.
Веревка.
Полное собрание творений Великого Поэта.
Северный Аквилон.
Высочайшая и длиннейшая ветвь.
Южный ураган.
Полевая мышь.
Ночные часы.
Ночная тишина.
Солнце за горизонтом.
Солнце на небесах.
Загробный мир мельком.
Альмавива.
Малый } желуди.
Крупный } желуди.
Общее собрание мировых сил.

Полночь. Небо покрыто тучами. Полное безветрие. Ровная долина, среди которой стоит высокий дуб. Тишина. Долина спит.

ЯВЛЕНИЕ I

Чрез несколько времени чуткая *д о л и н а* внезапно пробуждается.

Д о л и н а

(очнувшись, в тревожном раздражении)

Есть бестолковица...
Сон уж не тот!
Что-то готовится...
Кто-то идет!

ЯВЛЕНИЕ II

Появляется *п о э т*, закутанный в альмавиву и в картузе. Сзади, из-под полы альмавивы, тащится по траве конец *в е р е в к и*.

П о э т

(напевает тихим, взволнованным голосом)

«Среди долины ровныя...»

(Прерывает пение.)

Так няня
В деревне песню эту мне певала,
Когда я был еще ребенком малым...

(Напевает.)

«На гладкой высоте...»

(Прерывает пение.)

И между тем
Она, под звуки песни заунывной,
По вечерам из теста мне лепила
Так хорошо коровок и лошадок!

(Напевает.)

«Стоит, растет высокий дуб...»

(Прерывает пение.)

О няня!
Когда б могла ты видеть и понять,
Зачем теперь любимый твой питомец
Подходит поступью тяжелой к дубу,

Тобой воспетому,— ты б содрогнулась
В своем гробу... близ церкви... на погосте!..
Как тот и этот дуб высок; как тот,
И сей стоит среди долины ровной!..

(Напевает.)

«Среди долины ровныя...»

(Прерывает пение.)

Но прочь,
Ненужные о детстве вспоминанья!
Я жизни путь прошел, и час настал
Мне перейти хоть к грустному, быть может,
Но к верному, бесспорно, результату.

(Подходит к дубу и снимает с себя картуз.)

Привет тебе, громадное растенье!
Ты было птичьих гнезд досель приютом,
Дай мне приют! Я — также песнопевец!

(Надевает картуз.)

Меня людей преследует вражда;
Толкает в гроб завистливая злоба!
Да! есть покой, но лишь под крышей гроба;
А более нигде и никогда!
О, тяжелы вы, почести и слава;
Нещадны к вам соотчичей сердца!
С чела все рвут священный лавр венца,
С груди — звезду святого Станислава!
К тому ж я духа новизны страшусь...
Всеобщий бред... Все лезет вон из нормы!..
Пусть без меня придут: потоп и трус,
Огонь, и глад, и прочие реформы!..
Итак, сановник, с жизнью ты простись!
Итак, поэт, парить привыкший ввысь,
Взлети туда навек; скорей, не мешкай!

Распахивает альмавиву и, бросив взор на свою орденскую звезду, ударяет себя в грудь рукою. В это время небо несколько прояснилось, и одна звезда освещает сверху всю фигуру поэта.

Как понимать?.. С участьем иль с насмешкой
Свою сестру земную из-за туч
Ты озарил, звезды небесной луч?

Небо опять заволакивает тучами. Поэт кивает ему головою с выражением горького упрека.

ЯВЛЕНИЕ III

Поэт решительною походкою приближается к самому дубу. Он обходит вокруг его и вдруг останавливается в испуге перед дуплом.

Поэт

Кто ты?.. Ответь!.. Зачем следишь за мною
Так пристально фосфорными глазами?..

Из дупла появляется сова и улетает бесшумно. Она садится на кочку шагах в пятидесяти и повертывает голову назад, по направлению к дубу и к поэту. Глаза ее светятся издали.

Поэт

(махая на сову полами своей широкой альмавивы)

Пш!.. Пш!..

(Сова остается неподвижною.)

Прочь, прочь, непрошеный свидетель
Того, что совершить я думал тайно!

Подымает ком земли и бросает им в сову. Ком падает у самой кочки; но сова остается на своем месте неподвижно, подобно изваянию со светящимися глазами.

Коль уж сову согнать нельзя мне с места;
Коль ей глаза нельзя мне погасить,
Так пусть при ней порвется жизни нить;
И пусть сей зоркий спутник черной ночи,
Когда другим не видится ни зги,
Мне выклюет померкнувшие очи
И творчеству уж чуждые мозги!

ЯВЛЕНИЕ IV

Поэт вынимает из-под альмавивы веревку и пытается закинуть конец ее за одну из ветвей дуба, с северной стороны; но веревка, далеко не хватая ни до одной ветви, падает обратно на землю.

Поэт

Великий ум, при росте тела малом,
Послужит мне надежным пьедесталом...

Вынимает из-под мышки «Полное собрание своих творений»; кладет их на землю, становится на эту объемистую книгу и вновь забрасывает веревку, которая на этот раз чуть-чуть не зацепилась за ближайшую ветвь.

ЯВЛЕНИЕ V

Тогда внезапно начинает дуть с необычайною силою северный аквилон.

Северный аквилон

И благ и могуч я:
Вверх вздерну все сучья!

Все ветви с северной стороны поднялись действительно очень высоко. Но при этом происходит не предвиденное северным аквилоном обстоятельство. Поэт сызнова закидывает веревку. Наперекор благим намерениям северного аквилона, но благодаря, однако, его же содействию, длинная веревка взвивается также очень высоко и... зацепляется за высочайшую и длиннейшую ветвь дуба. Поэт, напрягши все свои силы, притягивает эту ветвь к себе, быстро прикрепляет к ней конец веревки, надевает на шею заранее уже изготовленную петлю, пускает ветвь и взлетает с нею на большую высоту. Сова, оставаясь всем телом неподвижною на кочке, только подымает голову и смотрит на висящего своими еще ярче светящимися глазами. Северный аквилон между тем поспешно перебирает одну за другою ветви дуба с северной стороны.

Северный аквилон
(скрывая смущение под гневом)

Все до единой
Вверх поднялись!..
Он сам причиной,
Что там повис!

Дует обратно к себе на север и исчезает. Затишье.

ЯВЛЕНИЕ VI

Вдруг южный ураган еще с большею силою налетает внезапно на дуб с противоположной стороны.

Южный ураган

Я — тайна большая:
Храню, разрушая.

Дуб дрожит, мечется, стонет.

Дуб

Стоял сто лет...
Пришла кончина!
Спасенья нет...
Прощай, долина!

Наклоняется и рушится с грохотом на долину, выворотив вокруг себя землю и обнажив свои могучие, вековые корни. Поэт также свалился вместе с дубом на землю, но в сторону от ствола и ветвей. Петля на его шее ослабевает и мало-помалу начинает расширяться. Одна из ветвей дуба придавила полевую мышь, пробегавшую в минуту его падения. Сова, испуганная шумом, поднялась с кочки и улетела, утопая в темноте.

Южный ураган

Нет силе меры!..
Нет вечных уз!..
В мои пещеры
Обратно мчусь.

Дует обратно на юг и исчезает. Опять затишье.

ЯВЛЕНИЕ VII

Долина погружена в безмолвную тоску. Ни один лист поверженного дуба не шевелится. Поэт лежит неподвижно, рядом с полевою мышью. Ночные часы проходят медленно.

Ночные часы

Дойдут часы все, без изъятья,
До лона вечности. Но днем
Бегут, при свете, наши братья;
Впотьмах мы медленно бредем.

Воцаряется полная ночная тишина, наводящая на раздумье и на вопросы.

Ночная тишина

Всяк вопрошает;
Но я молчу.
Никто не знает,
Чего хочу?!

ЯВЛЕНИЕ VIII

После долгой ночи небосклон начинает наконец алеть на востоке.

Солнце за горизонтом

Свет земле вобчью.
Вывожу зарю.
Что свершилось ночью —
Вскоре озарю.

ЯВЛЕНИЕ IX

Солнце взошло. Наступило ясное утро; но долина кажется грустною.

Солнце на небесах

Грех я озираю,
Песнопевца грех;
Но, взглянув, прощаю
И его и всех.

ЯВЛЕНИЕ X

Под живительными лучами милосердого солнца поэт приходит в себя. Он оглядывается и, еще лежа, вспоминает о том, что произошло. Потом освобождает шею от петли и тихо приподымается.

Поэт
(сидя)

Я жив!.. И снова вижу землю... Землю!..
Но в эту ночь успел я заглянуть
Туда: *в тот мир, откуда к нам никто*
Еще не возвращался! — как сказал

Шекспир Вильям, собрат мой даровитый!
Но, быв уж там, оттуда я вернулся.

(Встает на ноги.)

О, что я видел, люди!! Что я видел!!
На воздухе!.. с вершины дуба!.. в петле!..
О, что я видел там!! Что видел мельком!!
Когда-нибудь я в гимнах вдохновенных
Попробую о том поведать миру.

(Задумывается.)

Однако же... ведь я уже висел...
И вот стою! и жив и невредим!
Как этому не подивиться диву?!

(Осматривается, ощупывает себя и замечает, что его альмавива, зацепившись за сук, разорвалась.)

Лишь починить придется альмавиву.

(Стоит в раздумье, и взор его падает на убитую дубом полевую мышь.)

А мышь «оттуда не вернется»!

(Нагибается к мыши и кричит ей.)

Встань!..
Не можешь?.. Ха, ха, ха!.. Затем,
что дрянь!
Коль не убил бы дуб, сова бы съела!
А где ж сова?

(Смотрит сперва на кочку, потом заглядывает в дупло.)

Здесь нет уж... Улетела...
Хоть и живет, да лишена дупла,
Где, может быть, полсотни лет жила.
На их судьбу взираю хладнокровно.
Вот дуба жаль, среди долины ровной!
Зато их тьма в дубовом есть лесу.

(После некоторого молчания подымает с земли два желудя: сперва маленький, а потом крупный.)

Два желудя на память унесу:
И о твоей кончине, дуб почтенный,
И о моем спасенье для вселенной.

(Кладет оба желудя в карман, берет книгу своих творений под мышку и уходит.)

ЯВЛЕНИЕ XI

Хор общего собрания мировых сил
(поет над местом ночной катастрофы)

Иной живи и здравствуй;
Другой, напротив, сгинь!..
Над всей земною паствой
Мы пастыри; аминь!



ЛЮБОВЬ И СИЛИН

Драма в трех действиях

Сюжет заимствован из обыденной жизни.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Силин — предводитель дворянства
Любовь — его наперсница и крепостная девка
Ванюша — воспитанник в младшем классе гимназии, сирота, известный в городе под названием *Финик*
Керстен — мелкопоместный дворянин и ложный друг Силина
Продавец детских игрушек
Генеральша Кислозвездова — немая, но сладострастная вдова
Сильва-дон-Алонзо-Мерзавец — заезжий гишпанец
Ослабелла — гишпанка, находящаяся у него под опекою
Невидимый голос из оврага.

Действие происходит в губернском городе близ катакомб.

ДЕЙСТВИЕ I

Театр представляет палисадник под окнами кабинета Силина. Вдали горы. В цветнике по преимуществу подсолнечники, но есть и другие цветущие тычинки. Очень много мух; Силин ест лапшу. Любовь, возле него стоя, отгоняет веткой мух; она декольте. Молчание продолжается довольно долго. Окончив еду, Силин отдает остаток лапши наперснице, которая, приняв с должною благодарностию, молча все уносит. Силин начинает ходить по извилистым дорожкам цветника, повторяя по нескольку раз вслух следующие слова:

Силин

Гом — человек. Гам — душа. Сериз — вишня. Патесериз — пирожное. *(Он останавливается, утирается платком от усталости и после некоторого молчания говорит.)* Таким образом, изучив французский язык, несомненно на следующих выборах я еще более оправдаю доверие ко мне господ дворян. Действительно, в наш век эгоистический, как справедливо сказал Альгеймейн Цейтунг, полковник артиллерийского полка, без образования далеко не ступишь. Лишь только кто завидит невежду, подымает крик и гам. *(Вспомнив.)* Гам — душа. *(Продолжая вспоминать затверженные им слова.)* Патесериз — пирожное. *(Ходит в задумчивости, останавливается против подсолнечника, с коего снимает божию коровку, потом, воодушевясь, говорит очень громко.)* Да, ко мне должна быть всеобщая любовь!

Любовь
(входя)

Признаюсь, можно вам к чести приписать такие слова.

Силин
(в недоумении)

Что такое?

Любовь
(выражая неудовольствие)

Я только ваша, а не всеобщая.

Силин
(гневно)

Необразованная! не о тебе речь; иди в свою горницу и там, перебирая коклюшки, успокойся на досуге. *(В то время,*

когда она поворачивается с целию уйти, Силин кладет ей за шею божию коровку и снова начинает ходить, повторяя.) Гом — человек, гам — душа. *(Он останавливается, услыхав звуки труб. К калитке подъезжает верхом* Дон-Мерзавец, *имея позади себя на том же седле* Ослабеллу.*)* Но кто это? Кто это?

Дон-Мерзавец

Мы иностранцы, неопытные путешественники! Давно уже, при выезде из нашей родной Гишпании, мы потеряли компас и потому нечаянно заехали на север. Кроме того, разбойники украли у нас катафалк, и с тех пор мы вотще стараемся укрыться от палящих лучей солнца, от которых очень загорели. Оно нас припекает и, кажется, безошибочно заставляет предполагать, что оно то же самое, что и в нашей родной Гишпании. *(Слезая с лошади.)* Великодушный домохозяин! Мы утомились от дороги. У обоих нас пересохло горло от жажды и щемит под ложечкой от голода. Не откажи нам в гостеприимстве.

Ослабелла

В питие и пище.

Дон-Мерзавец

Прикажи поскорее дать нам саго и дозволь отдохнуть на твоей вилле.

Силин
(растроганный, но с удивлением подает ему вилу, подняв оную с травы)

Извольте, но на кресле, полагаю, вам будет спокойнее. Впрочем, не стесняйтесь и делайте как знаете, по обычаю вашей страны. Мой дом к вашим услугам. Сию минуту прикажу приготовить вам саго и ватрушки.

Ослабелла
(слезая с лошади)

Значит, мы скоро будем есть, Мерзавец?

Силин
(обидясь)

Что? что такое?

Дон-Мерзавец

Не сердитесь, почтенный незнакомец, она, то есть Ослабелла...

Силин

Я знать ничего не хочу! Хоть бы она и совсем раскисла, а все-таки ругать русского дворянина не смеет.

Дон-Мерзавец

Это имя ее такое — Ослабелла, а мое — Дон-Мерзавец. Мы оба родом из Гишпании, и в доказательство того, перекусив немного, я немедленно закурю сигару.

На сцене темнеет; заметно приближается ночь.

Ослабелла

Мой опекун совершенно прав; я Ослабелла не только с дороги, но и с рождения; более же всего я проголодалась.

Силин

(в большом волнении)

Боже мой! как хороша сия чужестранка, несмотря на странность ее имени и на некоторую мужественность ее загорелого лица. *(С уверенностью в справедливости своего мнения, обращаясь к Ослабелле.)* Готов прозакладывать миллион ефимков, что подобного вашему нет ни одного лица между предводительствуемыми мною дворянами. Однако я совсем и забыл про саго. Эй! кто-нибудь!

Любовь

(входя)

Вы звали?

Силин

(глядя на Ослабеллу)

Гам — душа!

Ослабелла

(глядя на него)

Как страстно смотрит на меня этот человек.

Силин

Гом — человек. Боже всемогущий! что за глаза у нее! Это не глаза, а самые крупные шпанские вишни. *(Вспомнив.)* Сериз — вишня.

Любовь
(дергая его за руку)

Евдоким Петрович! вы звали меня.

Силин
(не слушая ее)

Патесериз — пирожное.

Ослабелла

Однако ж позвольте и нам, в свою очередь, узнать имена ваши; ибо, согласитесь сами, странно пользоваться гостеприимством и есть саго, принадлежащее людям, имена коих нам неизвестны.

Силин
(с жаром)

Что в имени тебе моем?

Дон-Мерзавец

Оно правда, что имя звук пустой, но все же нам необходимо, чтобы знать, кого благодарить за саго.

Силин

Это мне следует принести благодарность вам!

Ослабелла и Дон-Мерзавец
(вместе)

Не нам, не нам, а имени твоему!

Силин
(тронутый)

Чужестранцы! ваши слова расшевелили в моей груди самые заветные патриотические чувства. Да будет над вами благословение свыше! *(Утирая слезы.)* Имеем честь рекомендоваться: Любовь и Силин.

Он кланяется, она по дамскому обычаю приседает. В это время на заднем плане появляется генеральша Кислозвездова с фонарем в руке; дойдя до средины сцены, она останавливается и сладострастно смотрит на Дона-Мерзавца, делая ему разные знаки. Не понимая сих знаков, все удивляются, оставаясь на своих местах. Знаки же эти, в сущности, означают: «Пойдем в беседку».

Занавес опускается

ДЕЙСТВИЕ II

Та же декорация. Ночь. Ослабелла спит на балконе, высунув чрез перила ногу немного выше щиколки. На скамейке под балконом лежит Силин и смотрит на ее ногу.

Силин

О обворожительная гишпанка, рожденная на берегу какого-нибудь Гвадалквивира! ты с ума свела несчастного смертного предводителя. Что за ножка! что за щиколка! Господи! для чего я предводителем здесь, а не там, где в каждом доме чугунные перила и где с каждым движением женщины слышны звуки кастаньетов! *(Дон-Мерзавец поспешно пробегает через сцену.)* Кто там? а, это ее спутник. Странно, однако, что путешествие верхом не утомило его. Который раз я его вижу так поспешающим. *(После некоторого молчания.)* Справедливо сказано в какой-то книжке, что любовь делает человека поэтом. Попробую я сочинить песню в честь обольстительной гишпанки. Жаль, что нет гитары! впрочем, все равно, принесу из кухни гармонику. *(Идет и сталкивается с Доном-Мерзавцем.)* А, вы не спите?

Дон-Мерзавец

Проклятые насекомые не дают мне покоя, и я беспрерывно выбегаю, чтобы на свободе отдохнуть немного.

Силин

А я, скажу вам откровенно, был очень удивлен, ибо знал достоверно, что саго было приготовлено на красном вине.

Сцена внезапно освещается от фонаря, с которым генеральша Кислозвездова показывается вдали. В продолжение следующего разговора она то появляется, то исчезает.

Дон-Мерзавец

Скажите, пожалуйста, кто это? Всякий раз, как я выбегаю из дому, она, проходя невдалеке от меня, сладострастно смотрит и делает какие-то знаки. Смотрите,— вот опять... и еще... и еще...

Силин

Не тревожьтесь. Это всем известная генеральша Кислозвездова, вдова, здешняя помещица и дворянка.

Дон-Мерзавец
(видимо интересуясь)

Ах, расскажите, пожалуйста, расскажите!

Силин

С моим удовольствием, и могу вас уверить, что вся дрянь, какая есть у меня на душе, будет сейчас на языке.

Дон-Мерзавец
(ударяя себя в грудь)

Здесь сохраню признательность к вам за ваше участие к заблудшему иностранцу!

Силин

Вот в чем дело: вы жестоко ошибетесь, если подумаете, что генеральша Кислозвездова не умеет говорить от природы; напротив, она со смертью мужа своего лишилась употребления языка.

Дон-Мерзавец

Признаюсь, я никак этого не полагал.

Силин

Всевозможные медицинские пособия оказались тщетными и только истощали вдовий кошелек. Видя ее немощь, пекущееся о нас начальство сделало представление об увеличении пенсиона удрученной вдове. Странная, однако, судьба постигла это представление. Высшие власти, усмотрев, с одной стороны, что вдова немая, а с другой — ходатайство об увеличении ей пенсиона, ответило на представление: «Поелику мудрено следить за направлением, которое может давать своим воспитанницам немая вдова заслуженного генерала Кислозвездова, то, во избежание, чтобы преподаваемые ею движением собственных рук советы не могли быть перетолкованы воспитанницами ее в ущерб нравственности и интересам правительства, сие последнее не только не находит возможным увеличить размеры ее *пансиона,* но даже следует немедленно закрыть прежде имевшуюся школу». Эту бумагу, яко предписание начальства, я выучил наизусть. Так вот почему она осталась без пенсиона. Впрочем, у нее еще есть небольшое состояние, почему она и не утратила помещичьих прав и обыкновенно на выборах отдает мне свой шар.

Дон-Мерзавец

Она мне сейчас показывала.

Силин

Кого?

Дон-Мерзавец

Шар.

Силин

Кроме того, сведения, мною почерпнутые от старого повара Сидора, известного во всей губернии и принадлежащего генеральше Кислозвездовой...

Дон-Мерзавец

Извините, что я перебью вас. Скажите, пожалуйста, неужели нельзя ее вылечить?

Силин

Говорят, будто можно. Здешний дворянин Керстен, посвятивший себя магии и с необыкновенною пользою читающий «Ключ к таинствам натуры» Экартсгаузена, объявил третьего дня на бале у губернатора, что исцеление Кислозвездовой не только возможно, но рано или поздно неминуемо совершится.

Дон-Мерзавец

Лучше поздно, чем никогда.

Силин

Поверите, что лишь только Керстен сказал, как все, не выключая самого губернатора, конечно, из человеколюбия к дворянке, завыли в один голос: скажите, скажите нам, дворянам одной с ней губернии! Хладнокровный Керстен, нимало не смутясь, продолжал кратко, но знаменательно: «Любовь, одна любовь может все поправить». Вам покажется странно, но верьте истинному богу, что с того самого вечера Керстен пропал, и только в бритвенном ящике найден небольшой кусочек пергамена, на коем корявым почерком было начертано: «В день исцеления немой вдовы генерала Кислозвездова откроется, кому принадлежит *Финик*».

Дон-Мерзавец

Финик? какой финик?

Силин

Я забыл вам сказать, что на другое утро после пропажи Керстена полицийместер при утреннем рапорте донес губернатору, что в младшем классе гимназии был усмотрен никем дотоле не виданный воспитанник *Ванюша* и что на спрос об нем начальства все единогласно отозвались, будто это всем известный *Финик*. Так с тех пор он и слывет во всем городе под этим названием.

Дон-Мерзавец

Несказанно обязан вам и благодарен за добрые советы, равно как и за сообщение столь интересных вещей. Но извините, пожалуйста... я сию минуту возвращусь. *(Поспешно убегает.)*

Силин

Куда это вы? куда? Не слышит. Убежал. Воспользуюсь его отсутствием и сбегаю за гармоникой.

(Уходит.)

Сцена остается некоторое время пуста. Общее молчание нарушается легким храпением Ослабеллы. Она впросонках дергает ногой и чмокает. Над нею проносится летучая мышь. Вдали появляется генеральша Кислозвездова с фонарем.

Силин

Прекрасно! Я дорогою сочинил песенку в честь моей гишпанки. Начнем.

При самом начале пения и звуков гармоники Ослабелла просыпается, встает и слушает Силина с нежной любовию. Он поет.

Глаза имеет и коза,
Но ей лишь для того, чтоб травку отыскать.
А ваши глазки — чтоб пленять.
Глаза найдут свою дорогу,
Ей-богу!

Ослабелла
(нежно)

Благодарю тебя, русский! благодарю! спой другой куплет!

Силин

Сейчас. *(Поет.)*

За человечество
И за отечество...

Пение прерывается шумом за кулисами. Силин и Ослабелла смотрят по направлению шума. Чрез несколько времени Кислозвездова пробегает чрез сцену, держа на своем плече, как какое-нибудь бревно, Дона-Мерзавца. Он машет руками и ногами. Вскоре Кислозвездова показывается с ношею в горах.

Силин

Завтра же на выборах я предложу господам дворянам исключить из своей среды эту немую, но сладострастную генеральшу.

Занавес опускается

ДЕЙСТВИЕ III

Декорация все та же, с тою только небольшою разницею, что вместо ночи утро и роса и что розмарин, коего в первых двух действиях не было, распустился. Птицы стрекочут. С другой стороны пчела, восчувствовав туч нахождение и приближение бури, возвращается в свой улей с шумом.

Силин
(входит в мундире)

Воображаю, как все на выборах удивятся, когда узнают, что я женюсь на Ослабелле! Французский язык я уж выучил хорошо, а с помощью будущей супруги моей буду знать и гишпанский. Я уверен, что опять меня и на это трехлетие выберут в предводители и вот почему. Говорят, будто иностранцы много что-то начали писать о нашем любезном отечестве; кто же другой в состоянии будет переводить дворянам все, что об них печатается? Разумеется, я, и никто более! Или опять случится заехать сюда какому-нибудь знаменитому иноплеменному путешественнику, кто будет показывать ему богоугодные заведения и другие примечательности города? *(Самодовольно.)* И тут я! Словом, нигде без меня не обойдутся. *(После некоторого молчания.)* Жаль только, что в эти выборы у меня одним шаром меньше. Впрочем, что за беда! Генеральша Кислозвездова пропала, да, кроме того, я уже предложил исключить ее из нашей среды.

Керстен
(входит также в мундире)

Доброго утра!

Силин
(удивленный)

Как? Это ты, Керстен? Откуда и давно ли? Ты молчишь? Ты, кажется, в волнении.

Керстен
(желая скрыть свою радость, в сторону)

Погоди, голубчик, будешь и ты в волнении. *(Притворно.)* Силин! Евдоким Петрович! Мне поручено сообщить тебе, что ты более не предводитель!

Силин

Неправда, этого быть не может! Для чего же я выучился по-французски?

Керстен

Это уже твое дело, а предводителем избран...

Силин
(в волнении)

Кто?

Голос из оврага

Не печалуйся! Сильва-Дон-Алонзо-Мерзавец, муж генеральши Кислозвездовой,— вот кто предводитель.

Сильный удар грома. Туча, о которой сказано выше, действительно приближается.

Силин
(в испуге)

Ты слышал? Чей это голос?

Керстен

Не знаю; это, кажется, из оврага. Впрочем, вот тебе адрес от дворян, прочти его.

Еще удар грома и сильный дождь. Керстен распускает свой зонтик, под которым укрывается вместе с Силиным.

Силин
(читает)

«Евдоким Петрович! последние дни трехлетнего служения вашего омрачились поступками, препятствующими вам быть выбранным предводителем, несмотря на оказанные вами неимоверные успехи во французском языке. Генеральша Кислозвездова, которой, по воле неба, возвращен дар слова по случаю вступления ее в брак с Доном-Мерзавцем, принявшим русское подданство и признанным дворянином нашей губернии, обвиняет вас в следующих, не согласных с вашим званием, 4-х пунктах. 1-е: Вы оставались хладнокровным зрителем ее бедственного положения и не поняли, что слово *пенсион* означает *пенсию,* а не школу. 2-е: В похищении ею, генеральшею, Дона-Мерзавца вы видели увлечение страсти, тогда как положительно знали предсказание Керстена, что лишь любовь может исцелить ее от немоты. 3-е: Предложением об исключении из дворянского сословия сей генеральши вы явно показали пренебрежение к высокому чину, дарованному ее покойному мужу высочайшею властию, и 4-е: Оказанное вами предпочтение перед дворянками нашей губернии заезжей гишпанке Ослабелле и желание вступить с нею в брак не только оскорбляет все наше благородное сословие, но явно доказывает намерение ваше изменить отечеству посредством передачи ей плана нашего города».

При последних словах он роняет бумагу и остается в задумчивости. Дождь перестает. Керстен свертывает свой зонтик. Слышна приближающаяся музыка. Генеральша Кислозвездова входит под руку с Доном-Мерзавцем; сзади Ослабелла, Ванюша, Любовь и Продавец детских игрушек.

Кислозвездова

Благодарю вас, господа, благодарю! Душа моя полна чувств; не знаю, кому их передать; наконец окончились мои страдания, и я снова говорю. От радости я не могу прийти в себя, ниже поверить этому счастию. Ущипните меня, ради бога, чтобы я видела, что все это не во сне. *(Все поспешно к ней подбегают и щиплют ее; она громко кричит.)* Ах! довольно! верю, верю! *(Плачет.)* Да, господа, вам трудно понять то, что я испытала! В течение пяти лет не быть

в состоянии сказать слова, даже попросить тарелку супа. О, это ужасно! *(Громко рыдает.)*

Керстен

Итак, пророчество мое сбылось: она заговорила!

Силин

Сбылось, но не совсем. На пергамене, найденном в вашем бритвенном ящике, было написано, что в день исцеления генеральши Кислозвездовой откроется, кому принадлежит Финик!

Все

Да, да! это правда!

Гром и по временам молния.

Керстен
(торжественно выступает вперед и поет под музыку соч. К. А. Булгакова)

Под диктовку иностранки
Я в альбом стихи писал,
Но, услышав звук шарманки,
Вдруг к окошку подбежал.

Все
(поют хором, обращаясь друг к другу с любопытством)

Он к окошку подбежал!

Керстен

Инструмент вертела немка,
Пела дочь. Я дал пятак;
В благодарность иноземка
Проплясала вальс-казак.

Все
(хором)

Проплясала вальс-казак!

Керстен

Опершися на коленку,
Я у форточки стоял

И молоденькую немку
Взором страсти пожирал.

Все
(хором, лукаво)

Взором страсти пожирал!

Керстен

Между тем и в то же время
Весть по городу прошла,
Что от раны прямо в темя
Генерала смерть взяла.

Все
(хором, печально)

Генерала смерть взяла!

Керстен

Кислозвездов на дуэли
С Кологривым был убит,
Кислозвездова в постели
Онемелая лежит.

Все
(хором, показывая на губы и печально качая головою)

Онемелая лежит!

Керстен

Докторам больниц и клиник
Не дается немота,—
Вдруг средь нас явился Финик,
Гимназист и сирота.

Все
(с любопытством)

Гимназист и сирота!

Керстен

Но клянусь, что это платье
Я не скину прежде, чем

Без малейшего изъятья
Тайну вам открою всем.

Все
(настоятельно)

Тайну нам открой ты всем!

Керстен

Этот Финик есть обломок
Рода древнего дворян,
Губернатора потомок
Православных киевлян.

Все
(бросая вверх шапки)

Православных киевлян.

Все
(пораженные)

Возможно ли? и мы ничего этого не знали!

Поочередно душат **Финика** в своих объятиях и покупают ему игрушки. Любовь отходит в сторону и почесывается. Дон-Мерзавец подходит к ней. Они шепчутся. Силин сначала указывает на них Ослабелле, а потом и другим. В то время, когда Дон-Мерзавец трогает шею наперсницы, Кислозвездова неистово вскрикивает.

Кислозвездова

Ах, какие гадости!

Дон-Мерзавец
(с испугом оборачивается)

Что случилось?

Кислозвездова
(злобно на него указывая)

И он еще спрашивает? Мерзавец.

Дон-Мерзавец

Я ничего не понимаю, скажите, в чем дело?

Силин

Милостивый государь, как вы смели трогать за шею мою крепостную девку?

Дон-Мерзавец

Поверьте, что это было сделано не с дурным намерением.

Все
(приступая к нему)

И вы это можете доказать?

Дон-Мерзавец

Всегда! Ее что-то беспокоило, я принял участие и предложил свои услуги.

Все

Продолжайте, продолжайте! это очень любопытно.

Дон-Мерзавец

Я вытащил у нее из-за шеи божию коровку.

Силин
(в сторону)

Два дня тому назад я положил ее туда.

Все

Покажите ее! покажите!

Дон-Мерзавец

Я даже считаю это священною обязанностию, чтобы вывести вас из заблуждения. Подойдите поближе.

Все обступают и внимательно смотрят на его кулак. Дон-Мерзавец мало-помалу его открывает. Божия коровка расправляет свои крылышки и... улетает. Все следят за ней глазами и от удивления довольно долго остаются в этом положении. Вдруг слышен звон колокола и голос из оврага: «На колени!» Все падают на колени, кроме Продавца детских игрушек, который позади всей группы остается неподвижен на ногах, с достоинством держа на голове лоток с игрушками.

Занавес опускается

КОНЕЦ

ТОРЖЕСТВО ДОБРОДЕТЕЛИ

Драма в четырех действиях из французской современной жизни

Соч. Антона и Агапия Прутковых

От Потомков Козьмы Петровича Пруткова в Редакцию «Современника»

Редакция «Современника» всегда пользовалась благорасположением незабвенного родителя нашего, Козьмы Петровича Пруткова. Еще в 1850-х годах он избрал, с свойственною ему проницательностию, именно сию редакцию для оглашения свету славного своего имени и неподражаемых своих произведений. Скажем более: редакция «Современника» содействовала прославлению не только папеньки нашего, но и более отдаленных предков наших, как-то: деда — Петра Федотыча Пруткова, автора комедии «Черепослов, сиречь Френолог», и прадеда — отставного премьер-майора и кавалера Федота Кузьмича Пруткова, автора «Гисторических материалов». Ободренные таковым вниманием к семейству Прутковых, мы — дети покойного Козьмы Петровича Пруткова,— подражая во всем незабвенному родителю нашему, стремимся и по смерти его доказать свету, что талант творчества и глубокомыслие суть преемственные и наследственные дары в знаменитом роде Прутковых. Посему вследствие долгого и основательного суждения в семейном нашем совете мы порешили обратиться к «Современнику» с просьбою: не отказать публике в удовольствии познакомиться и с собственными нашими, детей Козьмы Пруткова, произведениями. Большая часть наших творений оставалась до сего времени семейною нашею тайною; только одно из них, комедия «Любовь и Силин», напечатано в журнале «Развлечение», и одно — именно комедия «Фантазия» — было сыграно раз в Александринском театре в 185 * году в бенефис г. Максимова. Теперь мы препровождаем для напечата-

ния сию последнюю комедию («Фантазию») и драму в 4-х действиях «Торжество добродетели».— Само собою разумеется, что мы не все вместе писали эти драматические произведения, тем более что нас, ближайших потомков Козьмы Петровича Пруткова, весьма много,— брак Козьмы Петровича был благословлен многочадием! Один из нас, соименник Кузьмы Петровича, Кузьма Кузьмич Прутков, пока еще остается неизвестным публике; но мы предупреждаем, что в нем воскреснет талант нашего знаменитого родителя. До того времени пусть публика наслаждается произведениями его братьев, из коих Андроник есть творец комедии «Любовь и Силин», Антон и Агапий суть творцы комедии «Фантазия» и драмы «Торжество добродетели».— Обещаем и впредь откровенно и правильно, с родственною добросовестностью обозначать имя каждого из нас под принадлежащим ему произведением.

К сему считаем нужным присовокупить, собственно для гг. Геннади, Лонгинова, Галахова и других почтенных библиографов: хотя отец наш, Козьма Петрович Прутков, давно уже переселился в горния, но мы как люди современные и искренние дети — продолжаем пользоваться его советами, подвергать его рассмотрению все наши произведения и почтительно принимать все его замечания; для этого мы употребляем средства, указанные спиритами, т. е. сносимся с покойным нашим родителем посредством столов и тарелок. Таким способом, напр., получено нами примечание Козьмы Петровича к 4-му действию драмы «Торжество добродетели». Мы считаем обязанностью своею предупредить об этом гг. Геннади, Галахова и Лонгинова, предвидя, что — без такого объяснения — они по обыкновению пришли бы к ложным догадкам и заключениям, которые неизбежно подали бы повод к весьма важным недоразумениям и даже — чего не дай бог! — к серьезной ссоре как между ними, так и между законными их потомками.

Примите и проч.

Подлинное подписано — шестью дочерями и семью сыновьями Кузьмы Петровича Пруткова. Скрепили — секретари семейного совета Прутковых, племянники Козьмы Петровича — Воскобойников и Шерстобитов.

11 октября 1864 г.
СПб.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Министр плодородия
Де Лагероньер — журналист и сановник
Гюгель — его секретарь
Биенинтенсионне — полковник
Пино — владелец москательных и благовонных товаров
Покупатели и приказчики

Действие в Париже на квартире действующих лиц.

ДЕЙСТВИЕ I

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Кабинет де Лагероньера. Де Лагероньер сидит за письменным столом. Гюгель перед ним в вицмундире, с портфелем под мышкой.

Де Лагероньер

Итак, любезный, кажется, дело мое идет хорошо... Министр плодородия получил обо мне — посредством полковника Биенинтенсионне — самое выгодное мнение... Недаром я задобрил полковника!.. Но теперь-то и пора мне действовать, чтобы получить место товарища министра плодородия! Необходимо, мой любезный, узнать все его вкусы; надобно знать, что ему более всего нравится в человеке? И даже самую наружность свою должно сообразить с его взглядами на природу!.. Так слышишь ли, Гюгель, собери мне об этом надлежащие сведения.

Гюгель

Ваше превосходительство можете быть спокойны, мнения министра плодородия и по сему предмету мне основательно известны. Вам, ваше превосходительство, легко будет им понравиться. В товарище своем они прежде всего желают видеть здоровый цвет лица. «Человек, от которого пышет здоровьем,— так изволили выразиться министр,— не может иметь вредного образа мыслей; он здоров — значит, он дово-

лен»; «желтизна лица,— говорят они,— напротив, означает человека беспокойного, непокорного, на коего нельзя положиться; малейший прыщик на лбу,— так сказали его высокопревосходительство,— малейший прыщик на лбу,— говорят они,— вселяет в меня подозрение».

Де Лагероньер

Кажется, то же самое говорил Каюс-Юлиус Цезарь?

Гюгель

Статься может, ваше превосходительство.

Де Лагероньер

Однако подай сюда зеркало... *(Глядится в оное.)* Кажется, у меня немного лупится кожа?..

Гюгель

От усиленных трудов, ваше превосходительство.

Де Лагероньер

Разумеется! Но министр не примет и этого в уважение; он подумает, пожалуй, что я езжу на Среднюю рогатку! Надо этому помочь. Гюгель, съезди, братец, к Пино за косметикой; я сяду сегодня в ванну с отрубями, слышишь? Но это после, а теперь бери перо и пиши под диктовку. *(Встает и выходит на авансцену.)* Я напишу министру письмо, в котором затрону слабую его сторону! *(Ходит взад и вперед, погруженный в соображения. Гюгель сидит с пером и следит за ним глазами и головой.)* Пиши: «Ваше высокопревосходительство! Что есть лучшего? Бесспорно — здоровье человека. Здоровый цвет лица есть признак довольства. Напротив, желтый цвет означает человека, не покорного начальству, беспокойного и вредного образа мыслей. Малейший прыщик на лбу вселяет в меня омерзение». Ведь так сказал министр!

Гюгель

Они сказали: подозрение.

Де Лагероньер

Ну, а я что говорю? Я и говорю: подозрение! Так и пиши.

Гюгель
(пишет)

Подозрение...

Де Лагероньер

«Подозрение!.. Цели, к которым стремится ваше высокопревосходительство, обнимая собою всю будущность страны, так многосложны и обширны, что непростительно было бы малейшему сыну отечества не пещись, хотя слабыми силами своими, содействовать к осуществлению оных». Написал?

Гюгель

Оных...

Де Лагероньер

«Оных...» Точка, в другую строчку: «Примите, ваше высокопревосходительство, благосклонно сие краткое изложение образа мыслей, как усердное выражение благоговейного сочувствия к мудрым предначертаниям вашего высокопревосходительства. С совершенным почтением и пр.».

Гюгель
(пишет)

«Покорнейший слуга» изволите написать своеручно?

Де Лагероньер

Разумеется, братец,— какой ты несообразительный!.. *(Подписывает.)* Вложи в пакет и отправь. Да не забудь к Пино, а потом ванну с отрубями. Я еду развлекаться.

Гюгель

Сердце радуется, ваше превосходительство, когда изволите так говорить.

Де Лагероньер уходит.

СЦЕНА ВТОРАЯ

Гюгель
(подходит к авансцене)

Честолюбец ушел, но *(оглядывается)* не бывать ему товарищем! Это место принадлежит мне! Клянусь своим рангом, я сыграю ему такую <штуку>, что министр плодородия будет смотреть на него — с омерзением!.. *(Забирает бумаги и уходит.)*

ДЕЙСТВИЕ II

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Кабинет министра плодородия.

Министр плодородия
(один)

Многие думают, что я достиг высшей точки почестей, и завидуют мне. Глупая толпа ползающих рабов! Они не знают, что человек истинно великий, истинно государственный, никогда ничем не доволен... Что мне в этом министерстве? Это песчинка на берегу морском! Я заберу в руки еще министерство здоровья. Надобно только найти такого товарища, который был бы слепым моим орудием, в котором были бы преданность и усердие; тогда я взвалю на него все плодородие и — хватаюсь за здоровье!.. Но где этот товарищ? Слишком способного мне не надо; ленивца также не хочу; нужен человек работящий и — который бы мне удивлялся... Удивлять я могу, за этим дело не станет! Биенинтенсионне говорил мне о каком-то де Лагероньере, но этим полковникам верить нельзя; у них есть задняя мысль,— пожалуй, прикомандирует соглядатая? Вот если бы мне самому увидеть этого де Лагероньера, я бы сразу отгадал человека; но посылать за ним нет предлога, а ехать к нему своим лицом — неприлично!.. Не знаю, что делать?

Входит человек с письмом.

Это что? Ба! От самого де Лагероньера! *(Читает.)* «Что есть лучшего?» Гм! Гм!.. «Желтый цвет лица... прыщик... вселяет подозрение».— Это правда! «Будущность страны... сыну отечества... содействовать... мудрым предначертаниям... с совершенным почтением». Мне нравится слог.

Хороший образ мыслей. Образ мыслей отличный! Может быть, он подделывается под меня, но это доказывает преданность, это хорошо. Да кроме того, в письме видна глупая наивность. Таких людей я люблю, такого мне и нужно, я не мог бы отыскать лучшего. Теперь надо его чем-нибудь обязать, чтоб возбудить удивление и благодарность и тем навсегда привязать его... Что бы ему сделать? Подарить ему мои старые эполеты, когда я был еще военным? Он будет благодарен, но это не удивит его, этому бывали примеры... Ба! Нашел! Поеду к нему своим лицом! Этой чести он не ожидает и никогда не забудет... Эй! Человек! карету!.. Поеду своим лицом и — привезу эполеты... Удивлять так удивлять! Обязать так обязать! Карету, говорю я!

Входит полковник Биенинтенсионне.

СЦЕНА ВТОРАЯ

Биенинтенсионне

Извините, милый друг, что без доклада! Хотел застать вас — за работою! Так приятно видеть государственного человека в своем святилище... *(Подходит к письменному столу.)* Вечные занятия? Вечные соображения о благе нашего любезного отечества!

Министр плодородия поспешно прячет бумаги.

Что это? Недоверие! Стыдитесь, любезный друг, иметь от меня секреты! Мы должны идти рука об руку, должны служить одному делу, вместе обуздать безумное направление века!

Министр плодородия

С этим я согласен.

Биенинтенсионне

Задача трудная! Волнение умов и запутанность понятий удивительные! Хорошие люди редки, настоящее понятие о чести и долге все более исчезает. *(Таинственно и многозначительно.)* Я в настоящее время знаю очень немногих благонадежных,— остальные почти все у нас вписаны. Скоро придется вписать и последних. Исключаю одного, именно: господина де Лагероньера. Это человек золотой; этот бы и вам пригодился.

Министр плодородия
(в сторону)

Хоть я и решил взять его в товарищи, но сделаю это будто в угождение полковнику. Эта каналья может пригодиться. Et de cette manière je <lancerai> d'une pierre deux coups;[1] и его также обяжу благодарностью, таковы мои правила! *(Громко.)* Конечно, может быть, господин де Лагероньер человек очень достойный, но я уже выбрал себе товарища и не располагаю более этим местом. *(В сторону.)* Il faut se faire prier[2].

Биенинтенсионне

Что слышу, любезный друг, вы взяли товарища, не посоветовавшись со мною? Вы на меня плюете! *(Грозит ему пальцем.)* «Не плюй в колодезь!»

Министр плодородия

Что же делать, я дал слово.

Биенинтенсионне

Вольному воля, спасенному рай! Кстати, о воле; помните ли, друг мой, ваше прекрасное стихотворение о воле или о свободе, которое вы написали, когда были еще учеником политехнической школы? Оно начинается так:

Народов идеал, свобода золотая!

Министр плодородия
(с испугом)

Полноте, полноте! Мне было семнадцать лет, когда я написал эту глупость!

Биенинтенсионне
(декламирует)

Семнадцать только лет, не более того! *(Шутливо.)* Ce qui est différé n'est pas perdu[3].

---

[1] И таким образом, одним ударом я убью двух зайцев *(франц.)*.
[2] Нужно заставить себя попросить хорошенько *(франц.)*.
[3] То, что отсрочено,— не потеряно *(франц.)*.

Министр плодородия
(в сторону)

Этот аспид мне угрожает; моя хитрость не удалась, надобно сдаться... Но как они узнали это проклятое стихотворение, которое я сам давно забыл?

Биенинтенсионне
(декламирует)

«Народов идеал, свобода золотая...»

Министр плодородия

Ради бога, полковник, перестаньте; нас могут услышать... Если вы ручаетесь за вашего де Лагероньера, мне достаточно вашего желания, чтобы сделать вам приятное. Мне ничего не стоит взять назад данное честное благородное слово и сделать товарищем де Лагероньера.

Биенинтенсионне
(целует его взасос)

Драгоценный вы мой друг! Благодарю вас, я этого никогда не забуду! А де Лагероньер будет служить вам верой и правдой!

Министр плодородия
(жмет ему обе руки)

Для любезнейшего полковника сделаю более: поеду сам к де Лагероньеру и подарю ему пару своих старых эполет, когда еще был военным!..

Биенинтенсионне
(хитро)

Учеником политехнической школы?

Министр плодородия
(в сторону)

Аспид, свинья!

Биенинтенсионне
(целует его взасос)

Благодетель вы мой, этого никогда не забуду! *(В сторону.)* Струсил, подлец! И тебя впишу, коли обманешь! *(Громко.)* Истинно, истинно глубоко вам благодарен.

Министр плодородия

Да посидите немножко, побеседуемте, поговоримте о чем-нибудь. Ваша беседа поучительна и драгоценна для всякого государственного человека.

Биенинтенсионне

Не могу, мамочка, спешу в министерство народного подозрения. *(Уходит.)*

Министр плодородия
(кричит)

Карету, как сказано выше!

ДЕЙСТВИЕ III

Магазин Пино.
Пино, Гюгель, разные покупщики; спустя несколько времени входит Биенинтенсионне.

Гюгель

Неаполитанского мыла — фунт. Казанского — три фунта. Лоделавапу большую склянку. Завернули?

Пино

Завернул-с.

Гюгель
(скороговоркой)

Красного перцу — фунт, крепкой водки — склянку, серной кислоты — две склянки; поскорей заверните особо.

Входит Биенинтенсионне и слышит последние слова.

Биенинтенсионне
(в сторону)

«Заверните особо!» Все едкие вещества, гм! *(К Пино.)* Пожалуйста, почтеннейший, сургучей разных цветов и нюансов. Да самого чистого желтого воску.

Пино

Вам для спуску-с?

Биенинтенсионне

Нет, снимать слепки с печатей.

Пино

(подает ему)

Три рубля семьдесят пять копеек.

Биенинтенсионне

(берет сверток и не платит)

Хорошо.

Гюгель

(к Биенинтенсионне)

Полковник, позвольте два слова.

Биенинтенсионне

(берет его под руку и отводит на авансцену)

Благородный молодой человек! Говорите смело, не жалейте ни отца, ни матери; я ваш истинный друг и приятель! Тайна останется между нами, я даю вам благородное слово! Ваш откровенный поступок не останется без внимания. Кого вы заметили в вольнодумстве?

Гюгель

Нет-с, я не о том.

Биенинтенсионне

(целует его взасос)

Я вам второй отец! Как ваше имя? Кто вы такой?

Гюгель

Секретарь господина де Лагероньера! Модест Гюгель, к вашим услугам.

Биенинтенсионне

Де Лагероньера! Это мой приятель; мы всегда крестим друг у друга детей. Итак, вы что-нибудь про него знаете? Говорите откровенно.

Гюгель

Я готов все положить на алтарь отечества.

Биенинтенсионне
(целует его взасос)

Я это знал; я в тебе не ошибся! Итак?..

Гюгель

Господин де Лагероньер человек неблагонадежный...

Биенинтенсионне

Я это знаю.

Гюгель

Здоровья плохого.

Биенинтенсионне

Самого скверного.

Гюгель

Весь в прыщах.

Биенинтенсионне

Конечно, но я их не заметил.

Гюгель

Они покажутся завтра.

Биенинтенсионне

Как завтра?

Гюгель

Завтра он будет весь в прыщах.

Биенинтенсионне

К чему это клонится?

Гюгель

Может ли человек в прыщах быть товарищем министра плодородия?

Биенинтенсионне

Будут, конечно, затруднения. Но что же вы полагаете?

Гюгель

Полковник, у меня цвет лица чист, я все готов положить на алтарь отечества. Скажите за меня слово министру, и я буду товарищем.

Биенинтенсионне

Благородный молодой человек! Ваше желание показывает сметливость. Если ваше усердие равняется оной, обещаю за вас хлопотать. Но согласны ли вы быть моим соглядатаем при министре?

Гюгель

Все положу на алтарь отечества!

Биенинтенсионне
(целует его взасос)

Ты будешь товарищем! *(В сторону.)* А едкие вещества, завернутые особо, я все-таки не забыл! Буду иметь в виду.

Оба выходят.

ДЕЙСТВИЕ IV

Спальня де Лагероньера. Де Лагероньер сидит в ванне[1]. Возле него на стуле Гюгель.

Де Лагероньер
(высовывая голову из ванны)

Прибавь лоделавану. Так. Неаполитанское распустил?

Гюгель

Распустил, ваше превосходительство.

Де Лагероньер

А казанское?

Гюгель

И казанское, ваше превосходительство.

Де Лагероньер

Прибавь лоделавану. Что, цвет лица лучше?

---

[1] Для этого актеру не следует в самом деле раздеваться и садиться в воду; оно было бы на сцене неприлично. Он может, сев в сухую ванну, накрыть оную простыней, из-под коей выставить только мокрую голову и шею без галстуха и такую руку. В ногах должно поместить в ванне ведра, в кои и вливать воду, будто в ванну. Так представляли мои дети на домашнем моем театре, и вышло очень хорошо. *Прим. Козьмы Пруткова.*

Гюгель

Заметно поправляется, ваше превосходительство.

Де Лагероньер

Прибавь лоделавану, не жалей его, мошенника. А как, сколько сидеть на отрубях? Что, брат Гюгель, они зашиты в мешки?

Гюгель

В наволочке, ваше превосходительство.

Де Лагероньер

А если наволочка прорвется?

Гюгель

Не дай бог, ваше превосходительство!

Де Лагероньер

То-то, не дай бог! Если прорвется, я тебя, братец, прогоню! Не забудь, что у тебя жена и семеро детей; куда ты с ними денешься?

Гюгель

Боже сохрани, ваше превосходительство, чтоб прорвалась! Вы только не извольте ездить на мешке.

Де Лагероньер

Дурак, я езжу только в карете! Советую тебе не забываться. Прибавь лоделавану.

Гюгель
(в сторону)

Бездушный честолюбец! *(Бросает что-то в ванну и говорит скороговоркой.)* Красный перец!

Де Лагероньер

Что ты сказал?

Гюгель

Я говорю, что ваше превосходительство наш второй отец.

Де Лагероньер

То-то, второй отец. Прибавь кипятку.

Гюгель льет.

На ноги льешь, на ноги льешь! Смотри, только ошпарь их!

Гюгель

(льет еще что-то в ванну, говоря в сторону)

Крепкая водка!

Де Лагероньер

Что ты говоришь?

Гюгель

Я сказал: какое благоденствие осенит наше любезное отечество, когда ваше превосходительство сделаетесь товарищем министра плодородия.

Де Лагероньер

Ты, кажется, не то сказал? Мыла прибавь.

Гюгель

(льет и говорит скороговоркой)

Серная кислота!

Де Лагероньер

Что ты говоришь?

Гюгель

Я говорю, что нет на свете государства свободнее нашего, которое, наслаждаясь либеральными политическими учреждениями, повинуется вместе с тем малейшему указанию власти.

Де Лагероньер

Это правда.

Гюгель

Кожа вашего превосходительства заметно делается нежнее. *(В сторону.)* Завтра будешь в прыщах!

Де Лагероньер

Однако твоя наволочка что-то очень растопырилась, я насилу держу равновесие... Смотри, если отруби выскочат! Ты у меня висишь на волоске...

Гюгель

Не извольте беспокоиться.

Де Лагероньер

Что, брат Гюгель, думал ли ты когда-нибудь, что мы будем товарищем? А? Каково? А ведь от какой безделицы зависит иногда счастье человека! Не будь у меня средства купить косметики для приобретения здорового цвета лица, вскочи у меня завтра хоть единый прыщик на лбу — и все пропало!

Гюгель

Все лопнуло, ваше превосходительство.

Де Лагероньер
(с испугом)

Как лопнуло? Что лопнуло?..

Гюгель

Не будет удачи, ваше превосходительство.

Де Лагероньер

А, да... А я думал, ты говоришь про мешок!

Гюгель

Про оный вы лучше изволите знать, ваше превосходительство, потому он под вами.

Де Лагероньер

Подай зеркало. Да кто там ходит в боскетной? Поди посмотри.

Гюгель
(идет и возвращается)

Ваше превосходительство, ваше превосходительство!.. Его высокопревосходительство, сам министр плодородия изволили приехать!..

Де Лагероньер

Быть не может... Врешь!..

Гюгель

Провались я сквозь землю вместе с вами, ваше превосходительство, если говорю неправду!

Де Лагероньер

Боже мой, как быть! Простыню!..

Голос министра плодородия
(за дверью)

Без церемоний, почтеннейший господин де Лагероньер, если вы в халате, оставайтесь в оном.

Де Лагероньер

Ах, что делать?! Счастливая мысль! Приму его в ванне: это означает заботливость о здоровье,— он будет доволен!.. Что бы мне ему сказать?! Ба! он любит веселое расположение духа,— так затяну же я песенку, будто не знаю, что он здесь! *(Поет.)* «При долинушке стояла...»

Голос министра

Я к вам за небольшим делом.

Де Лагероньер
(будто не слышит, продолжает)

«Калину ломала!..»

Голос министра

Да позвольте же войти!

Де Лагероньер
(по-прежнему)

«Ты поди, моя коровушка, домой!»

Голос министра

Милостивый государь, вы забываетесь!..

Де Лагероньер
(продолжает)

«Ты поди, поди, недоеная!..»

Голос министра

Нет, это уж слишком!..

Сам министр
(отпирает дверь и, видя де Лагероньера в ванне, останавливается в восхищении)

Усладное зрелище!.. Мой будущий товарищ — в ванне!..

Де Лагероньер
(хочет выскочить из ванны)

Ваше превосходительство, не нахожу слов!.. Я в таком замешательстве!..

Министр
(бросается к нему и удерживает его в ванне)

Сидите, сидите, мой милый, мне вчуже приятно!..

Де Лагероньер

Такое неожиданное посещение!.. *(Хочет выскочить.)*

Министр
(удерживает его за плечи)

Говорю — сидите; мне приятно видеть подчиненного в мыле!.. Поговоримте лучше о деле... *(Садится около ванны.)* Вы хотите быть моим товарищем? Какой у вас взгляд на вещи?

Де Лагероньер

Я более смотрю на них косвенно.

Министр

Это хорошо. А направление века?

Де Лагероньер

Можно дать другое направление.

Министр

Это необходимо. Когда я займусь министерством здоровья, то поручу вам плодородие. Дайте ему совершенно другое направление.

Де Лагероньер

В каком смысле я должен понимать?..

Министр

В самом прямом смысле. Плодородие должно зависеть от министерства, то есть от меня. Я не хочу, чтобы в нашем отечестве что-либо росло и рождалось без моего позволения. О всех посевах надо будет представлять мне смету на утверждение. Без моего ведома чтоб никто не смел посеять ниже кресс-салату. Все, что вырастает мимо меня,— вон!

Де Лагероньер

Это показывает глубокую заботливость вашего превосходительства.

Министр

Таков мой взгляд. Куры, яйца, свиноводство и даже самое движение народонаселения, понимаете, должно подлежать моему надзору. Все, что будет сверх сметы,— вон! Я на вас надеюсь, и в знак моего расположения я привез вам мои старые эполеты. Положите их под стекло.

Де Лагероньер
(хочет вскочить)

Такая неожиданная милость, ваше высокопревосходительство...

Министр

Сидите, сидите.

Де Лагероньер

Не могу, не могу; слишком великая милость!.. *(Хочет выскочить; между ними начинается борьба; Гюгель заграждает их ширмами; из-за ширм слышны голоса.)*

Голос министра

Таки выскочил пострел!

Голос де Лагероньера

Обнимая ваше высокопревосходительство, я обнимаю все отечество!

Голос министра

Тьфу! перестаньте, вы мокры и в отрубях!..

Голос де Лагероньера

Значит, прорвалась наволочка!.. Я прогоню Гюгеля... Позвольте обнять ваше высокопревосходительство!

Слышна борьба.

Голос Бьенинтенсионне
(тоже за ширмами)

Извините, господа, что без доклада... Ах, какой срам!.. Да наденьте хоть простыню!..

Гюгель отодвигает ширмы. Те же и Биенинтенсионне. Де Лагероньер в простыне.

Биенинтенсионне

Странное зрелище, странные проступки!

Де Лагероньер

Полковник, я рад видеть вас! Порадуйтесь моему счастью! Министр дал мне слово — я буду его товарищем; вот его эполеты!

Биенинтенсионне

Долг чести повелевает мне, драгоценный друг, воспрепятствовать этому: вы поступили безнравственно, выскочив из ванны; безнравственный человек не может быть назван товарищем!

Де Лагероньер

Что я слышу?.. Вспомните, полковник, вы у меня крестили детей!..

Биенинтенсионне

Тем паче! Не пожалею ни отца, ни матери для блага службы.

Министр плодородия
(вглядывается в де Лагероньера)

Боже! Что я вижу! Двадцать пять прыщей на лбу! Ты меня надул, ты заговорщик!.. Никогда не будешь моим товарищем,— отдай назад эполеты!.. Полковник, я беру свое честное благородное слово назад,— я буду иметь другого товарища!

Биенинтенсионне

Не беспокойтесь. Вам более товарищ не нужен. Вы более не будете министром. По долгу чести я предъявил ваше стихотворение: «Народов идеал, свобода золотая!»

Министр

Что я слышу?

Гюгель
(подходит к полковнику)

Итак, теперь товарищем буду я? У кого я буду соглядатаем?

Биенинтенсионне
(торжественно и строго)

Когда нет министра, нет и товарища! Ты, злонамеренный, подлежишь уничтожению за то, что подмешал едкие вещества в ванну своего благодетеля... Все вы вольнодумцы, всех вас следует вписать, но — это не мешает нам оставаться в коротких дружеских отношениях. Друзья мои! позвольте утереть слезу сострадания и расцеловать вас! *(Утирает слезу сострадания и подходит поочередно к каждому с распростертыми объятиями.)* Теперь прощайте! Еду в министерство подозрения,— там впишу Пино за продажу едких веществ. А потом — подарю в своем лице нашему любезному отечеству кандидата в министры — и здоровья и плодородия. *(Уходит.)*

Немая картина.

Занавес опускается


Биографические
сведения

I

БИОГРАФИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ О КОЗЬМЕ ПРУТКОВЕ

Источники: 1) *Личные сведения.* 2) *Сочинения Козьмы Пруткова*[1]. 3) *«Некролог Козьмы Петровича Пруткова»*, в журн. «Современник», 1863 г., кн. IV, за подписью К. И. Шерстобитова[2]. 4) *«Кор-*

---

[1] Сочинения Козьмы Пруткова сначала печатались исключительно в журн. «Современник» 1851, 1853—54 и 1860—64 годов (в 1851 году там помещены только три его басни, без подписи, в «Заметках Нового Поэта»). Впоследствии в первых 1860-х годах несколько (преимущественно слабейших) его произведений было напечатано в журн. «Искра»; а в 1861 г. была помещена в журн. «Развлечение», № 18, комедия его «Любовь и Силин». Затем в 1881 г. напечатана в первый раз в газ. «Новое время», № 2026, басня «Звезда и брюхо». *Вот все издания, в которых были напечатаны сочинения Козьмы Пруткова.*

В настоящее «Полное собрание сочинений Козьмы Пруткова» *вошло все, что было им когда-либо напечатано, кроме следующего:* а) стихотворений: «Возвращение из Кронштадта», «К друзьям после женитьбы», «К толпе», эпиграмма о Диогене, то же о Лизимахе и басня «Пятки некстати», б) нескольких афоризмов, в) нескольких «выдержек из записок деда», г) комедии «Любовь и Силин» и д) проекта: «О введении единомыслия в России». Из числа этих, не вошедших в настоящее издание произведений К. Пруткова, стихотворения, афоризмы и рассказы деда исключены им самим из подготовляющегося собрания его сочинений по их слабости; ком. «Любовь и Силин» исключена им потому, что была напечатана без его ведома, ранее окончательной ее отделки; а проект «о единомыслии» исключен издателями потому, что составляет служебное, а не литературное произведение К. Пруткова. Но, кроме напечатанных прежде сочинений Козьмы Пруткова, в настоящее издание вошло немало таких, которые еще не были в печати.

[2] В «С.-Петербургских ведомостях» 1876 г. были напечатаны вымышленные сведения о Козьме Пруткове, неправильно подписанные тоже фамилиею К. И. Шерстобитова.

респонденция» г. Алексея Жемчужникова, в газ. «С.-Петербургские ведомости» 1874 г., № 37, по поводу изданной г. Гербелем «Христоматии для всех». 5) Статьи: *«Защита памяти Козьмы Пруткова»,* в газ. «Новое время» 1877 г., № 892, и 1881 г., № 2026, за подписью: «Непременный член Козьмы Пруткова». 6) *Письмо к редактору журнала «Век»* от г. Владимира Жемчужникова, в газетах: «Голос», 1883 г., № 40, и «Новое время», 1883 г., № 2496. 7) Статья: *«Происхождение псевдонима Козьмы Пруткова»* г. А. Жемчужникова, помещенная в «Новостях», 1883 г., № 20.

Козьма Петрович Прутков провел всю свою жизнь, кроме годов детства и раннего отрочества, в государственной службе: сначала по военному ведомству, а потом по гражданскому. Он родился 11 апреля 1803 г.; скончался 13 января 1863 г.

В «Некрологе» и в других статьях о нем было обращено внимание на следующие два факта: во-первых, что он помечал все свои печатные прозаические статьи 11-м числом апреля или иного месяца; и во-вторых, что он писал свое имя: *Козьма,* а не *Кузьма.* Оба эти факта верны; но первый из них истолковывался ошибочно. Полагали, будто он, помечая свои произведения 11-м числом, желал ознаменовывать каждый раз день своего рождения; на самом же деле он ознаменовывал такою пометою не день рождения, а свое замечательное сновидение, вероятно только случайно совпавшее с днем его рождения и имевшее влияние на всю его жизнь. Содержание этого сновидения рассказано далее, со слов самого Козьмы Пруткова. Что же касается способа писания им своего имени, то в действительности он писался даже не «Козьма», но *Косьма,* как знаменитые его соименники: *Косьма* и *Дамиан, Косьма Минин, Косьма Медичи* и немногие подобные.

В 1820 г. он вступил в военную службу, только для мундира, и пробыл в этой службе всего два года с небольшим, в гусарах. В это время и привиделся ему вышеупомянутый сон. Именно: в ночь с 10 на 11 апреля 1823 г., возвратясь поздно домой с товарищеской попойки и едва прилегши на койку, он увидел перед собой голого бригадного генерала, в эполетах, который, подняв его с койки за руку и не дав ему одеться, повлек его молча по каким-то длинным и темным коридорам, на вершину высокой и остроконечной горы, и там

стал вынимать перед ним из древнего склепа разные драгоценные материи, показывая их ему одну за другою и даже прикидывая некоторые из них к его продрогшему телу. Прутков ожидал с недоумением и страхом развязки этого непонятного события; но вдруг от прикосновения к нему самой дорогой из этих материй он ощутил во всем теле сильный электрический удар, от которого проснулся весь в испарине. Неизвестно, какое значение придавал Козьма Петрович Прутков этому видению. Но, часто рассказывая о нем впоследствии, он всегда приходил в большое волнение и заканчивал свой рассказ громким возгласом: «В то же утро, едва проснувшись, я решил оставить полк и подал в отставку; а когда вышла отставка, я тотчас определился на службу по министерству финансов, в Пробирную Палатку, где и останусь навсегда!» — Действительно, вступив в Пробирную Палатку в 1823 г., он оставался в ней до смерти, т. е. до 13 января 1863 года. Начальство отличало и награждало его. Здесь, в этой Палатке, он удостоился получить все гражданские чины, до действительного статского советника включительно, и наивысшую должность: директора Пробирной Палатки; а потом — и орден св. Станислава 1-й степени, который всегда прельщал его, как это видно из басни «З в е з д а и б р ю х о».

Вообще он был очень доволен своею службою. Только в период подготовления реформ прошлого царствования он как бы растерялся. Сначала ему казалось, что из-под него уходит почва, и он стал роптать, повсюду крича о рановременности всяких реформ и о том, что он «враг всех, так называемых вопросов!». Однако потом, когда неизбежность реформ сделалась несомненною, он сам старался отличиться преобразовательными проектами и сильно негодовал, когда эти проекты его браковали по их очевидной несостоятельности. Он объяснял это завистью, неуважением опыта и заслуг и стал впадать в уныние, даже приходил в отчаяние. В один из моментов такого мрачного отчаяния он написал мистерию: «С р о д с т в о м и р о в ы х с и л», впервые печатаемую в настоящем издании и вполне верно передающую тогдаш-

[1] В таком же состоянии духа он написал стихотворение *«Перед морем житейским»*, тоже впервые печатаемое в настоящем издании.

нее болезненное состояние его духа[1]. Вскоре, однако, он успокоился, почувствовав вокруг себя прежнюю атмосферу, а под собою — прежнюю почву. Он снова стал писать проекты, но уже стеснительного направления, и они принимались с одобрением. Это дало ему основание возвратиться к прежнему самодовольству и ожидать значительного повышения по службе. Внезапный нервный удар, постигший его в директорском кабинете Пробирной Палатки, при самом отправлении службы, положил предел этим надеждам, прекратив его славные дни. В настоящем издании помещено в первый раз его «Предсмертное» стихотворение, недавно найденное в секретном деле Пробирной Палатки.

Но как бы ни были велики его служебные успехи и достоинства, они одни не доставили бы ему даже сотой доли той славы, какую он приобрел литературною своею деятельностью. Между тем он пробыл в государственной службе (считая гусарство) более сорока лет, а на литературном поприще действовал гласно только пять лет (в 1853—54 и в 1860-х годах).

До 1850 г., именно до случайного своего знакомства с небольшим кружком молодых людей, состоявшим из нескольких братьев Жемчужниковых и двоюродного их брата, графа Алексея Константиновича Толстого,— Козьма Петрович Прутков и не думал никогда ни о литературной, ни о какой-либо другой публичной деятельности. Он понимал себя только усердным чиновником Пробирной Палатки и далее служебных успехов не мечтал ни о чем. В 1850 г. граф А. К. Толстой и Алексей Михайлович Жемчужников, не предвидя серьезных последствий от своей затеи, вздумали уверить его, что видят в нем замечательные дарования драматического творчества. Он, поверив им, написал под их руководством комедию «Фантазия», которая была исполнена на сцене с.-петербургского Александринского театра, в высочайшем присутствии, 8 января 1851 г., в бенефис тогдашнего любимца публики, г. Максимова 1-го. В тот же вечер, однако, она была изъята из театрального репертуара, по особому повелению; это можно объяснить только своеобразностью сюжета и дурною игрою актеров. Она впервые печатается лишь теперь.

Эта первая неудача не охладила начинавшего писателя ни к его новым приятелям, ни к литературному по-

прищу. Он, очевидно, стал уже верить в свои литературные дарования. Притом упомянутый Алексей Жемчужников и брат его Александр ободрили его, склонив заняться сочинением басен. Он тотчас же возревновал славе И. А. Крылова тем более, что И. А. Крылов тоже состоял в государственной службе и тоже был кавалером ордена св. Станислава 1-й степени. В таком настроении он написал три басни: «Незабудки и запятки», «Кондуктор и тарантул» и «Цапля и беговые дрожки»; они были напечатаны в журн. «Современник» (1851 г., кн. XI, в «Заметках Нового Поэта») и очень понравились публике. Известный литератор Дружинин поместил о них весьма сочувственную статью, кажется, в журнале «Библиотека для чтения».

Делая эти первые шаги в литературе, Козьма Петрович Прутков не думал, однако, предаться ей. Он только подчинялся уговариваниям своих новых знакомых. Ему было приятно убеждаться в своих новых дарованиях, но он боялся и не желал прослыть литератором; поэтому он скрывал свое имя перед публикою. Первое свое произведение, комедию «Фантазия», он выдал на афише за сочинение каких-то «Y и Z»; а свои первые три басни, названные выше, он отдал в печать без всякого имени. Так было до 1852 г.; но в этом году совершился в его личности коренной переворот под влиянием трех лиц из упомянутого кружка: графа А. К. Толстого, Алексея Жемчужникова и Владимира Жемчужникова. Эти три лица завладели им, взяли его под свою опеку и развили в нем те типические качества, которые сделали его известным под именем Козьмы Пруткова. Он стал самоуверен, самодоволен, резок; он начал обращаться к публике «как власть имеющий»; и в этом своем новом и окончательном образе он беседовал с публикою в течение пяти лет, в два приема, именно: в 1853—54 годах, помещая свои произведения в журн. «Современник», в отделе «Ералаш», под общим заглавием: «Досуги Козьмы Пруткова»; и в 1860—64 годах, печатаясь в том же журнале в отделе «Свисток», под общим заглавием: «Пух и перья (Daunen und Federn)». Кроме того, в течение второго появления его перед публикою некоторые его произведения (см. об этом в первой выноске настоящего очерка) были напечатаны в журн. «Искра» и одно в журн. «Развлечение», 1861 г., № 18. Промежуточные шесть лет, между двумя появлениями

Козьмы Пруткова в печати, были для него теми годами томительного смущения и отчаяния, о коих упомянуто выше.

В оба свои кратковременные явления в печати Козьма Прутков оказался поразительно разнообразным, именно: и стихотворцем, и баснописцем, и историком (см. его «Выдержки из записок деда»), и философом (см. его «Плоды раздумья»), и драматическим писателем. А после его смерти обнаружилось, что в это же время он успевал писать правительственные проекты, как смелый и решительный администратор (см. его проект: «О введении единомыслия в России», напечатанный без этого заглавия, при его некрологе, в «Современнике», 1863 г., кн. IV). И во всех родах этой разносторонней деятельности он был одинаково резок, решителен, самоуверен. В этом отношении он был сыном своего времени, отличавшегося самоуверенностью и неуважением препятствий. То было, как известно, время знаменитого учения: «усердие все превозмогает». Едва ли даже не Козьма Прутков первый формулировал это учение в означенной фразе, когда был еще в мелких чинах? По крайней мере оно находится в его «Плодах раздумья» под № 84. Верный этому учению и возбужденный своими опекунами, Козьма Прутков не усомнился в том, что ему достаточно только приложить усердие, чтобы завладеть всеми знаниями и дарованиями. Спрашивается, однако: 1) чему же обязан Козьма Прутков тем, что, при таких невысоких его качествах, он столь быстро приобрел и доселе сохраняет за собою славу и сочувствие публики? и 2) чем руководились его опекуны, развив в нем эти качества?

Для разрешения этих важных вопросов необходимо вникнуть в сущность дела, «посмотреть в корень», по выражению Козьмы Пруткова; и тогда личность Козьмы Пруткова окажется столь же драматичною и загадочною, как личность Гамлета. Они обе не могут обойтись без комментариев, и обе внушают сочувствие к себе, хотя по различным причинам. Козьма Прутков был, очевидно, жертвою трех упомянутых лиц, сделавшихся произвольно его опекунами или клевретами. Они поступили с ним как «ложные друзья», выставляемые в трагедиях и драмах. Они, под личиною дружбы, развили в нем такие качества, которые желали осмеять публично. Под их влиянием он перенял от других людей, имевших успех: смелость, самодовольство, самоуверенность,

даже наглость и стал считать каждую свою мысль, каждое свое писание и изречение — истиною, достойною оглашения. Он вдруг счел себя сановником в области мысли и стал самодовольно выставлять свою ограниченность и свое невежество, которые иначе остались бы неизвестными вне стен Пробирной Палатки. Из этого видно, впрочем, что его опекуны, или «ложные друзья», не *придали* ему никаких новых дурных качеств: они только ободрили его и тем самым они вызвали наружу такие его свойства, которые таились до случая. Ободренный своими клевретами, он уже сам стал требовать, чтобы его слушали; а когда его стали слушать, он выказал такое самоуверенное непонимание действительности, как будто над каждым его словом и произведением стоит ярлык: «все человеческое мне *чуждо»*.

Самоуверенность, самодовольство и умственная ограниченность Козьмы Пруткова выразились особенно ярко в его «Плодах раздумья», т. е. в его «Мыслях и афоризмах». Обыкновенно форму афоризмов употребляют для передачи выводов житейской мудрости; но Козьма Прутков воспользовался ею иначе. Он в большей части своих афоризмов или говорит с важностью «казенные» пошлости, или вламывается с усилием в открытые двери, или высказывает такие «мысли», которые не только не имеют соотношения с его временем и страною, но как бы находятся вне всякого времени и какой бы ни было местности. При этом в его афоризмах часто слышится не совет, не наставление, а команда. Его знаменитое *«бди!»* напоминает военную команду: *«Пли!»* Да и вообще Козьма Прутков высказывался так самодовольно, смело и настойчиво, что заставил уверовать в свою мудрость. По пословице: «смелость города берет», Козьма Прутков завоевал себе смелостью литературную славу. Будучи умственно ограниченным, он давал советы мудрости; не будучи поэтом, он писал стихи и драматические сочинения; полагая быть историком, он рассказывал анекдоты; не имея ни образования, ни хотя бы малейшего понимания потребностей отечества, он сочинял для него проекты управления.— «Усердие все превозмогает!»...

Упомянутые трое опекунов Козьмы Пруткова заботливо развили в нем такие качества, при которых он оказывался вполне ненужным для своей страны; и, рядом с этим, они безжалостно обобрали у него все такие, которые могли бы

сделать его хотя немного полезным. Присутствие первых и отсутствие вторых равно комичны, а как при этом в Козьме Пруткове сохранилось глубокое, прирожденное добродушие, делающее его невинным во всех выходках, то он оказался забавным и симпатичным. В этом и состоит драматичность его положения. Поэтому он и может быть справедливо назван жертвою своих опекунов: он бессознательно и против своего желания забавлял, служа их целям. Не будь этих опекунов, он едва ли решился бы, пока состоял только в должности директора Пробирной Палатки, так откровенно, самоуверенно и самодовольно разоблачиться перед публикою.

Но справедливо ли укорять опекунов Козьмы Пруткова за то, что они выставили его с забавной стороны? Ведь только через это они доставили ему славу и симпатию публики; а Козьма Прутков любил славу. Он даже печатно отвергал справедливость мнения, будто «слава — дым». Он печатно сознавался, что «хочет славы», что «слава тешит человека». Опекуны его угадали, что он никогда не поймет комичности своей славы и будет ребячески наслаждаться ею. И он действительно наслаждался своею славою с увлечением, до самой своей смерти, всегда веря в необыкновенные и разнообразные свои дарования. Он был горд собою и счастлив: более этого не дали бы ему самые благонамеренные опекуны.

Слава Козьмы Пруткова установилась так быстро, что в первый же год своей гласной литературной деятельности (в 1853 г.) он уже занялся приготовлением отдельного издания своих сочинений с портретом. Для этого были тогда же приглашены им трое художников, которые нарисовали и перерисовали на камень его портрет, отпечатанный в том же 1853 году, в литографии Тюлина, в значительном количестве экземпляров[1]. Тогдашняя цензура почему-то не разрешила выпуска этого портрета; вследствие этого не состоялось и все издание. В следующем году оказалось, что все отпеча-

---

[1] Художники эти — тогдашние ученики Академии художеств, занимавшиеся и жившие вместе: Лев Михайлович Жемчужников, Александр Егорович Бейдеман и Лев Феликсович Лагорио. Подлинный их рисунок сохранился до сих пор у Л. М. Жемчужникова. Упоминаемая здесь литография Тюлина находилась в С.-Петербурге на Васильевском острову по 5-й линии, против Академии художеств.

танные экземпляры портрета, кроме пяти, удержанных издателями тотчас по отпечатании, пропали, вместе с камнем, при перемене помещения литографии Тюлина;[1] вот почему при настоящем издании приложена фотогиалотипная копия, в уменьшенном формате, с одного из уцелевших экземпляров того портрета, а не подлинные оттиски.

Дорожа памятью о Козьме Пруткове, нельзя не указать и тех подробностей его наружности и одежды, коих передачу в портрете он вменял художникам в особую заслугу; именно: искусно подвитые и всклоченные, каштановые, с проседью, волоса; две бородавочки: одна вверху правой стороны лба, а другая вверху левой скулы; кусочек черного английского пластыря на шее, под правою скулой, на месте постоянных его бритвенных порезов; длинные, острые концы рубашечного воротника, торчащие из-под цветного платка, повязанного на шее широкою и длинною петлею; плащ-альмавива, с черным бархатным воротником, живописно закинутый одним концом за плечо; кисть левой руки, плотно обтянутая белою замшевою перчаткою особого покроя, выставленная из-под альмавивы, с дорогими перстнями поверх перчатки (эти перстни были ему пожалованы при разных случаях).

Когда портрет Козьмы Пруткова был уже нарисован на камне, он потребовал, чтобы внизу была прибавлена лира, от которой исходят вверх лучи. Художники удовлетворили это его желание, насколько было возможно в оконченном уже портрете; но в уменьшенной копии с портрета, приложенной к настоящему изданию, эти поэтические лучи, к сожалению, едва заметны.

Козьма Прутков никогда не оставлял намерения издать отдельно свои сочинения. В 1860 г. он даже заявил печатно (в журн. «Современник», в выноске к стихотворению «Разочарование») о предстоящем выходе их в свет; но обстоятельства мешали исполнению этого его намерения до сих пор. Теперь оно осуществляется, между прочим, и для охранения типа и литературных прав Козьмы Пруткова, принадлежащих исключительно литературным его образователям, поименованным в настоящем очерке.

---

[1] Так было объявлено г. Тюлиным В. М. Жемчужникову в 1854 г. в новом помещении литографии. Впоследствии некоторые лица приобретали эти пропавшие экземпляры покупкой на Апраксином дворе.

Ввиду являвшихся в печати ошибочных указаний на участие в деятельности Козьмы Пруткова разных других лиц, представляется нелишним повторить сведения о сотрудничестве им:

Во-первых: литературную личность Козьмы Пруткова создали и разработали три лица, именно: *граф Алексей Константинович Толстой, Алексей Михайлович Жемчужников и Владимир Михайлович Жемчужников.*

Во-вторых: сотрудничество в этом деле было оказано двумя лицами, в определенном здесь размере, именно: 1) *Александром Михайловичем Жемчужниковым,* принимавшим весьма значительное участие в сочинении не только трех басен: «Незабудки и запятки», «Кондуктор и тарантул» и «Цапля и беговые дрожки», но также комедии «Блонды» и недоделанной комедии «Любовь и Силин» (см. о ней в начальной выноске), и 2) *Петром Павловичем Ершовым,* известным сочинителем сказки «Конек-горбунок», которым было доставлено несколько куплетов, помещенных во вторую картину оперетты: «Черепослов, сиречь Френолог» [1].

И *в-третьих:* засим, *никто* — ни из редакторов и сотрудников журнала «Современник», ни из всех прочих русских писателей — не имел в авторстве Козьмы Пруткова ни малейшего участия.

13 января 1884 г.

---

[1] П. П. Ершов лично передал эти куплеты В. М. Жемчужникову в Тобольске, в 1854 г., заявив желание: «Пусть ими воспользуется Козьма Прутков, потому что сам я уже ничего не пишу». Кстати заметить: в биографии П. П. Ершова, напечатанной г. Ярославцевым в 1872 г., на стр. 49 помещен отрывок из письма Ершова от *5 марта 1837 г.,* в котором он упоминает о «куплетцах» для водевиля «Черепослов», написанного приятелем его «Ч—жовым». Не эти ли «куплетцы» и были в 1854 г. переданы П. П. Ершовым? При них было и заглавие «Черепослов».

II

КРАТКИЙ НЕКРОЛОГ
И ДВА ПОСМЕРТНЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ
КУЗЬМЫ ПЕТРОВИЧА ПРУТКОВА

Ужасное горе постигло семейство, друзей и ближних Кузьмы Петровича Пруткова, но еще ужаснее это горе для нашей отечественной литературы... Да, его не стало! Его уже нет, моего миленького дяди! Уже не существует более этого доброго родственника, этого великого мыслителя и даровитейшего из поэтов; этого полезного государственного деятеля, всегда справедливого, но строгого относительно своих подчиненных!.. Драгоценнейший мой дядюшка Кузьма Петрович Прутков всегда ревностно занимался службой, отдавая ей бо́льшую часть своих способностей и своего времени; только часы досуга посвящал он науке и музам, делясь потом с публикой плодами этих трудов невинных. Начальство ценило его ревность и награждало его по заслугам: начав службу в 1816 году юнкером в одном из лучших гусарских полков, Кузьма Петрович Прутков умер в чине действительного статского советника, со старшинством пятнадцати лет и четырех с половиною месяцев, после двадцатилетнего (с 1841 года) безукоризненного управления Пробирной Палаткой! Подчиненные любили, но боялись его. И долго еще, вероятно, сохранится в памяти чиновников Пробирной Палатки величественная, но строгая наружность покойного: его высокое, склоненное назад чело, опушенное снизу густыми рыжеватыми бровями, а сверху осененное поэтически всклоченными, шантретовыми с проседью волосами; его мутный, несколько прищуренный и презрительный

взгляд; его изжелта-каштановый цвет лица и рук; его змеиная саркастическая улыбка, всегда выказывавшая целый ряд, правда, почерневших и поредевших от табаку и времени, но все-таки больших и крепких зубов; наконец — его вечно откинутая назад голова и нежно любимая им альмавива... Нет, такой человек не может скоро изгладиться из памяти знавших его!

Кузьма Петрович Прутков на 25-м году жизни соединил судьбу свою с судьбою любезной моей тетушки Антониды Платоновны, урожденной Проклеветантовой. Неутешная вдова оплакивает своего мужа, от которого имела множество детей, кроме находящихся в настоящее время в живых четырех дочек и шести сыновей. Дочки ее, любезные моему сердцу племянницы, отличаются все приятной наружностью и высоким образованием, наследованным от покойного отца; они уже в зрелых летах и — смело скажу — могут составить несомненное счастье четырех молодых людей, которым посчастливится соединить свою судьбу с их судьбою! Шесть сыновей покойного обещают твердо идти по следам своего отца, и я молю небо о даровании им необходимых для этого сил и терпения!..

Кузьма Петрович, любезный и несравненный мой дяденька, скончался после долгих страданий на руках нежно любившей его супруги, среди рыдания детей его, родственников и многих ближних, благоговейно теснившихся вокруг страдальческого его ложа... Он умер с полным сознанием полезной и славной своей жизни, поручив мне передать публике, что *«умирает спокойно, будучи уверен в благодарности и справедливом суде потомства; а современников просит утешиться, но почтить, однако, его память сердечной слезою»*... Мир праху твоему, великий человек и верный сын своего отечества! Оно не забудет твоих услуг. Нет сомнения, что недалеко то время, когда исполнится пророческий твой стих:

И слава моя гремит, как труба,
И песням моим внимает толпа
        Со страхом...
Но вдруг я замолк, заболел, схоронен,
Землею засыпан, слезой орошен,
И в честь мне воздвигли *семнадцать* колонн
    Над прахом!..

(«Соврем.» 1852 г.)

Всеми уважаемый мой дядюшка умер на шестидесятом году своей жизни, в полном развитии своего замечательного таланта и своих сил, 13-го сего января в два и три четверти часа пополудни... Славные художники профессор Бедеман и Лев Жемчужников поразительно верно передали замечательную его наружность на портрете, который предназначен для украшения *полного собрания сочинений* покойного. Я уверен, что, по отпечатании этого собрания, оно будет раскуплено нарасхват образованною частью публики; иначе, впрочем, и быть не может!

В портфелях покойного дяденьки найдено много неизданных его сочинений, не только стихов, философских изречений и продолжения исторического труда, столь известного публике под заглавием «Выдержки из записок моего деда», но также и драматических произведений. В особом портфеле, носящем золотую печатную надпись: «Сборник неконченого (d'inachevé)», находится множество весьма замечательных отрывков и эскизов покойного, дающих полную возможность судить о неимоверной разносторонности его дарования и о необъятных сведениях этого, столь рано утраченного нами поэта и мыслителя! Из этих-то последних отрывков я извлекаю пока один и возлагаю его на алтарь отечества, как ароматический цветок в память драгоценного моего дядюшки... Надеюсь и вполне уверен, что из груди каждого патриота вырвется невольный крик удивления при чтении этого отрывка и что не одной слезой благодарности и сожаления почтится память покойного!.. Вот этот отрывок.

<Далее следует «Опрометчивый турка, или: Приятно ли быть внуком?» — Ред.>

Здесь рукопись прерывается... К сожалению, смерть не допустила Кузьму Петровича Пруткова вполне развить и довести до конца это в высшей степени замечательное произведение, вплетающее новую роскошную ветвь в лавровый венок моего бессмертного дядюшки!..

Произведение это помечено так: «11-го декабря 1860 года (annus, i)». Исполняя духовное завещание покойного, я поставляю священным для себя долгом объяснить, для сведения будущих библиографов, что Кузьма Петрович Прутков родился 11-го апреля 1801 года, недалеко от Сольвычегодска, в деревне Тентелевой; поэтому бо́льшая часть его сочинений, как, вероятно, заметили сами читатели, носит

пометку 11-го числа какого-либо месяца. Твердо веря, подобно прочим великим людям, *в свою звезду,* достопочтеннейший мой дяденька никогда не заканчивал своих рукописей в другое число, как в 11-е. Исключения из этого весьма редки, и покойный не хотел даже признавать их.

Искреннейший племянник Кузьмы Петровича Пруткова и любимейший родственник его:

Калистрат Иванович
Шерстобитов

ВТОРОЕ ПОСМЕРТНОЕ ПРОИЗВЕДЕНИЕ КУЗЬМЫ ПЕТРОВИЧА ПРУТКОВА

Для вящей характеристики Кузьмы Петровича Пруткова, как государственного человека и верного сына отечества, я привожу здесь еще один отрывок из портфеля, наполненного множеством неоконченных произведений покойного (d'inachevé). Это — *проект,* не вполне отделанный, на котором сделана пометка: *«Подать в один из торжественных дней на усмотрение».* Проект этот был написан в 1859 году, но был ли он подан и принят, мне не может быть известно по весьма малому моему чину.

Отставной поручик *Воскобойников*

<*Далее следует «Проект».*— Ред.>

Примечание. На полях этого замечательного проекта, доказывающего светлый взгляд, государственный ум и беспредельную преданность покойного Кузьмы Петровича Пруткова нашему общему престол-отечеству,— сохранились драгоценные заметки, которые даровитый писатель и слуга намеревался развить при окончательной отделке своего предположения. Так, сбоку трактата о невозможности правильно судить правительственные мероприятия без наставнического указания верховного начальства, находится следующая заметка: «Подобно сему неопытный ребенок, будучи временно оставлен без руководителя и увлекаемый между тем прохладной тенью близлежащего леса, опрометчиво устремляется в оный от дому, не рассудив — о несчастный! — что у него недостанет ни ума, ни соображения для отыскания обратной дороги. NB. Развить это прекрасное сравнение,

особенно остановившись на трогательной картине, изображающей плачущих родителей, отчаяние провинившегося пестуна и раскаяние самого ребенка, страдающего в лесу от голода и холода». Из других замечаний почтеннейшего Кузьмы Петровича видно, между прочим, что он, исчисляя доход редакции с проектированного им официального издания и предполагая пустить оное по дешевой цене, вместе с тем признавал необходимым: «1) с одной стороны, сделать подписку на сие издание обязательною для всех присутственных мест; 2) с другой стороны — велеть всем издателям и редакторам частных печатных органов перепечатывать руководящие статьи из официального органа, дозволяя себе только повторение и развитие их; 3) сверх того, наложить на них денежные штрафы в пользу редакции официального органа за все те мнения, кои окажутся противоречащими мнениям, признаваемым господствующими, и 4) вместе с тем вменить всем начальникам отдельных частей управления в обязанность неусыпно вести и постоянно сообщать в одно центральное место списки всех, служащих под их ведомством, лиц, с обозначением: кто из них какие получает журналы и газеты, и не получающих официального органа, как не сочувствующих благодетельным видам правительства, отнюдь не повышать ни в должности, ни в чины и не удостаивать ни наград, ни командировок»... «Таким образом,— заключает достоуважаемый Кузьма Петрович Прутков,— правительство избегнет опасности ошибочно помещать свое доверие».

Надеюсь, что редакция не откажется поместить этот верный исторический документ в назидание потомства...

Искренне преданный и нежно любимый племянник покойного

Тимофей Шерстобитов


Приложения

I

ПРЕДУВЕДОМЛЕНИЕ

Я знаю, читатель, что тебе хочется знать, почему я так долго молчал? Мне понятно твое любопытство! Прислушай и вникни: я буду говорить с тобой, как отец с сыном.

В обществе заговорили о каких-то новых потребностях, о каких-то новых *вопросах*... Я — враг всех так называемых вопросов! Я негодовал в душе — и готовился!.. я готовился поразить современное общество ударом; но гг. Григорий Бланк, Николай Безобразов и пр. предупредили меня... Хвала им,— они спасли меня от посрамленья!

Наученный их опытом, я решился идти за обществом. Сознаюсь, читатель: я даже повторял чужие слова против убежденья!.. Так прошло более трех лет. Время показало мне, что я боялся напрасно. Общество наше оклеветано: оно изменилось только по наружности... Мудрый смотрит в корень: я посмотрел в корень... Там все по-прежнему: там много неоконченного (d'inachevé)!.. Это успокоило меня. Я благословил судьбу и вновь взялся за лиру!.. Читатель, ты понял меня! До свидания!

Твой доброжелатель

Кузьма Прутков

24 октября 1859 г. *(annus, i)*

* * *

Читатель! Прочти о сих записках в предисловии, напечатанном мною в былые годы в «Ералаши» «Современника». И теперь я печатаю только «выдержки». Я уже сто раз предупреждал тебя, что материалов от деда осталась бездна, но в них много неполного, неоконченного (d'inachevé).

Твой доброжелатель

Кузьма Прутков

11 мая 1860 года *(annus, i)*

АЗБУКА ДЛЯ ДЕТЕЙ КОСЬМЫ ПРУТКОВА
(им самим составленная)

А. Антон козу ведет.
Б. Больная Юлия.
В. Ведерная продажа.
Г. Губернатор.
Д. Дюнкирхен город.
Е. Елагин остров.
Ж. Житейское море.
З. Запоздалый путник.
И. Инженер-поручик.
К. Капитан-исправник.
Л. Лимонный сок.
М. Марфа посадница.
Н. Нейтралитет.
О. Окружной начальник.
П. Пелагея экономка.
Р. Рисовальщик искусный.
С. Совокупное сожитие.
Т. Татарин, продающий мыло или халаты.
У. Учитель танцевания и логики.
Ф. Фарфоровая чашка.
Х. Храбрый штабс-капитан.
Ц. Целое яблоко.
Ч. Чиновник особых поручений.
Ш. Шерстяной чулок.
Щ. Щебечущая птица.
Ѣ. Ѣздок.
Э. Эдуард аптекарь.
Ю. Юпитер.
Я. Янтарная трубка.
Ѳ. Ѳома торгаш.
Ъ. Ы. Ь. Ѵ.

ПРОСТУДА

Увидя Юлию на скате
 Крутой горы,
Поспешно я сошел с кровати,
 И с той поры

Насморк ужасный ощущаю
И лом в костях,
Не только дома я чихаю,
Но и в гостях.
Я, ревматизмом наделенный,
Хоть стал уж стар,
Но снять не смею дерзновенно
Папье-файяр.

* * *

Я встал однажды рано утром,
Сидел впросонках у окна;
Река играла перламутром,
Была мне мельница видна,
И мне казалось, что колеса
Напрасно мельнице даны,
Что ей, стоящей возле плеса,
Приличней были бы штаны.
Вошел отшельник. Велегласно
И неожиданно он рек:
«О ты, что в горести напрасно
На бога ропщешь, человек!»
Он говорил, я прослезился,
Стал утешать меня старик...
Морозной пылью серебрился
Его бобровый воротник.

* * *

Сестру задев случайно шпорой,
«Ma soeur,— я тихо ей сказал,—
Твой шаг неровный и нескорый
Меня не раз уже смущал.
Воспользуюсь я сим моментом
И сообщу тебе, ma soeur,
Что я украшен инструментом,
Который звонок и остер».

ВЫДЕРЖКИ ИЗ МОЕГО ДНЕВНИКА В ДЕРЕВНЕ

(Село Хвостокурово)

28 июля. Очень жарко. В тени, должно быть, много градусов...

На горе под березкой лежу,
На березку я молча гляжу,
Но при виде плакучей березки
На глазах навернулися слезки.

А меж тем все молчанье вокруг.
Лишь порою мне слышится вдруг,
Да и то очень близко, на елке,
Как трещат иль свистят перепелки.

Вплоть до вечера там я лежал,
Трескотне той иль свисту внимал,
И девятого лишь в половине
Я без чаю заснул в мезонине.

29 июля. Жар по-прежнему...

Желтеет лист на деревах,
Несутся тучи в небесах,
Но нет дождя, и жар палит.
Все, что растет, то и горит.
Потеет пахарь на гумне,
И за снопами в стороне
У бабы от дневных работ
Повсюду также виден пот.
Но вот уж меркнет солнца луч,
Выходит месяц из-за туч
И освещает на пути
Все звезды Млечного Пути.
Царит повсюду тишина,
По небу катится луна,
Но свет и от других светил
Вдруг небосклон весь осветил.
Страдая болию зубной,
В пальто, с подвязанной щекой,
На небо яркое гляжу,
За каждой звездочкой слежу.
Я стал их все перебирать,
Названья оных вспоминать,

А время шло своей чредой,
И у амбара часовой
Ежеминутно, что есть сил,
Давно уж в доску колотил.
Простясь с природою, больной,
Пошел я медленно домой
И лег в девятом половине
Опять без чаю в мезонине.

1 августа. Опять в тени, должно быть, много градусов...

При поднятии гвоздя близ каретного сарая

Гвоздик, гвоздик из металла,
Кем на свет сооружен?
Чья рука тебя сковала,
Для чего ты заострен?
И где будешь? Полагаю,
Ты не можешь дать ответ;
За тебя я размышляю,
Занимательный предмет!
На стене ль простой избушки
Мы увидимся с тобой,
Где рука слепой старушки
Вдруг повесит ковшик свой?
Иль в покоях господина
На тебе висеть с шнурком
Будет яркая картина
Иль кисетец с табаком?
Или шляпа плац-майора,
Иль зазубренный палаш,
Окровавленная шпора
И ковровый саквояж?
Эскулапа ли квартира
Вечный даст тебе приют?
Для висенья вицмундира
Молотком тебя вобьют?
Может быть, для барометра
Вдруг тебя назначит он,

А потом для термометра,
Иль с рецептами картон
На тебя повесит он?
Или ляпис-инферналис,
Иль с ланцетами суму? —
Вообще, чтоб не валялись
Вещи, нужные ему.
Иль, подбитый под ботфортой,
Будешь ты чертить паркет,
Где первейшего всё сорта,
Где на всем печать комфорта,
Где посланника портрет?
Иль, напротив, полотенце
Будешь ты собой держать
Да кафтанчик ополченца,
Отъезжающего в рать?
Потребить гвоздочек знает
Всяк на собственный свой вкус,
Но пока о том мечтает
(беру и смотрю),
Эту шляпку ожидает
В мезонине мой картуз.
(Поспешно ухожу наверх.)

<С ТОГО СВЕТА>

Г. Редактор!

Уволенный в отставку с чином генерал-майора, я желал чем-либо занять свободное время, которого у меня было слишком много; и вот я принялся внимательно читать газеты, не ограничиваясь, как бывало прежде, чтением лишь о производствах и наградах.

Заинтересовавшись наиболее статьями о спиритизме, я возымел мысль собственным опытом исследовать явления, о которых читал и которые, сознаюсь, уму простому моему казались очень бестолковыми.

Я приступил к делу с полным недоверием, но каково же было мое изумление, когда, после нескольких неудачных опытов, обнаружилось, что я сам медиум! Не найду слов, чтоб изобразить вам, милостивый государь, радость, меня охватившую от одной мысли, что отныне мне, как медиуму, возможно беседовать с умными и великими людьми загробного мира.

Не будучи горазд в науках, но всегда пытаясь объяснять необъяснимое, я уже давно пришел к тому убеждению, что душа человека умершего, несомненно, пребывает в местности, куда особенно он стремился при жизни. На этом основании я пробовал вопрошать покойника Дибича — находится ли он и в настоящее время за Балканами? Не получая ответа на этот и многие другие вопросы, с которыми я обращался к разным сановным покойникам, я начинал конфузиться, приходить в отчаяние и даже задумывал бросить занятие спиритизмом; как вдруг внезапно раздавшийся стук под столом, за которым я сидел, заставил меня вздрогнуть, а затем и окончательно растеряться, когда над ушами моими чей-то голос очень ясно и отчетливо произнес: «Не жалуйся!»

Первое впечатление страха вскоре заменилось полным удовольствием, ибо мне открылось, что дух, со мною беседующий, принадлежит поэту, глубокому мыслителю и государственному человеку, покойному действительному статскому советнику Козьме Петровичу Пруткову. С этого момента моим любимым занятием сделалось писать под диктант этого почтенного литератора.

Но так как, по воле знаменитого покойника, я не вправе держать в секрете то, что от него слышу, то предлагаю вам, милостивый государь, через посредство уважаемой газеты вашей, знакомить публику со всем, что уже слышал и что впредь доведется мне услышать от покойного К. П. Пруткова.

Примите уверение в совершенном почтении вашего покорного слуги.

N. N.

Генерал-майор в отставке и кавалер.

I

Здравствуй, читатель! После долгого промежутка времени я опять говорю с тобою. Ты, конечно, рад моему появлению. Хвалю. Но, конечно, ты немало и удивлен, потому что помнишь, что в 1865 г. (annus, i) в одной из книжек «Современника» (ныне упраздненного), было помещено известие о моей смерти.

Да, я действительно умер; скажу более, мундир, в котором меня похоронили, уже истлел; но, тем не менее, я вот-таки снова беседую с тобою. Благодари за это друга моего N. N.

Ты, верно, уже догадался, что N. N. медиум? Хорошо. Вот именно через него-то я и могу говорить с тобою.

Мне давно хотелось поведать тебе о возможности для живущих сноситься с умершими, но не мог этого сделать ранее, потому что не было подходящего медиума.

Нельзя же было мне, умершему в чине действительного статского советника, являться по вызову медиумов, не имеющих чина, например Юма, Бредифа и комп<ании>. Что бы подумали бывшие мои подчиненные, чиновники Пробирной Палатки, если б дух мой, вызванный кем-либо из помянутых чужестранцев, стал бы под столом играть на гармонике или хватать присутствующих за коленки? Нет, я за гробом остался тем же гордящимся дворянином и чиновником!

Из сказанного, я думаю, ты уже догадался, что избранный мною медиум — человек вполне солидный, и ежели я скрываю его под литерами N. N., то не потому, чтоб он принадлежал к разряду разночинцев, а потому, что хотел избавить моего медиума, почтенного и опытом умудренного генерала, от зубоскальства современных либералов.

Вступая снова с тобою в беседу, через посредство моего медиума, считаю нужным сообщить тебе следующее: ты ведь читал, и, вероятно, не один раз, некролог обо мне, а следовательно, помнишь, что я был женат на девице Проклеветантовой. Один из ее родственников, губернский секретарь Илиодор Проклеветантов, служил под моим начальством в Пробирной Палатке.

Я всегда был начальник строгий, но справедливый, и в особенности не любил потакать вольнодумцам. Так случилось и с Проклеветантовым, которого, не взирая на родство, я уволил по 3-му пункту и, разумеется, нажил в нем себе врага.

Этот знаменитый родственник не только делал мне неприятности при жизни, но и, умерев, не оставляет меня в покое. Так, еще недавно, например, он хвалился между некоторыми сановными покойниками, что осрамит меня, рассказав через какого-либо медиума о том, что я являлся на сеансах Юма и под столом играл на гармонике!.. Сообщением сим Проклеветантов рассчитывает унизить меня, подорвать мою репутацию; но пусть лучше, ближе ознакомившись с делом, ты сам решишь, читатель: заслуживает ли порицания мой поступок?

Да, однажды, действительно по вызову Юма, я, в одном из его сеансов, не только под столом играл на гармонике, но и бросал колокольчик и даже хватал чужие коленки. Но, во-первых, это было в Париже, во дворце Наполеона, где ни одного из бывших моих подчиненных чиновников Пробирной Палатки не было, а во-вторых, я

это делал, желая отомстить Наполеону за сына моего Парфена, убитого под Севастополем!

После сего сеанса, вступив в непосредственные сношения с самим Наполеоном, я внушил ему мысль начать войну с Пруссиею! Я руководил его в Седане! Унизил ли я этим звание, которое носил? Отнюдь. Теперь, зная дело, как оно было, от степени твоей благонамеренности зависит верить сплетням Проклеветантова.

Но довольно об этом. Есть многое, более интересное, о чем хочу поговорить с тобою. Ты ведь помнишь, что я не любил праздности? Я и теперь не сижу сложа руки и постоянно думаю о благе и преуспеянии нашего отечества.

В бывшем соредакторе «Московских ведомостей», Леонтьеве, недавно сюда переселившемся, я нашел себе большое утешение. Мы часто беседуем друг с другом, и еще не было случая, чтоб взгляды наши в чем-либо расходились. И это не мудрено: мы оба классики. Правда, моя любовь к классицизму всегда выражалась почти только словом annus, i, выставляемым на моих произведениях; но разве этого мало? Ведь в то время классицизм не был в таком почете, как теперь...

Примечание медиума. (Всем известное строго консервативное направление незабвенного К. П. Пруткова, его беспримерная нравственность и чистота даже сокровеннейших его помыслов, конечно, не могут быть заподозреваемы; но тем не менее я должен был, по личным моим соображениям, выпустить кое-что из предлагаемого рассказа, усмотрев, что долголетнее пребывание покойника в качестве духа приучило его к некоторому свободомыслию, против которого он сам так горячо ратовал при жизни. Да простят же мне читатели, если, вследствие сделанных мною пропусков, продолжение сей беседы вышло несколько неясно.)

— В защиту вышеизложенного есть тонкий, косвенный намек в известных моих афоризмах: «Что скажут о тебе другие, если сам о себе ты ничего сказать не можешь?» или «Поощрение так же необходимо художнику, как необходим канифоль для смычка виртуоза».

Но, руководствуясь этими двумя мудрыми советами, основанными на практике жизни, помни и третье, очень умное, хоть и коротенькое, изречение — «бди».

Это, по-видимому, очень коротенькое, слово имеет значение весьма глубокое. Сознательно или инстинктивно, но всякая тварь понимает смысл сего, слишком, быть может, коротенького слова. Быстролетная ласточка и сладострастный воробей укрываются под крышею здания правды. Налим, спокойно играющий в реке, мгно-

венно прячется в нору, заметив приближение дьякона, навострившегося ловить эту рыбу руками. Двуутробка забирает своих детенышей и устремляется на верхушку дерева, услыхав треск сучьев под ногами кровожадного леопарда. Матрос, у которого во время сильного шторма унесло в море его фуражку с ленточками, не бросается в волны спасать эту казенную вещь, потому что заметил уже хищную акулу, разинувшую свой гадкий рот с острыми зубами, чтоб проглотить и самого матроса, и другие казенные вещи, на нем находящиеся.

Но природа, охраняющая каждого от грозящей ему опасности, не без умысла, как надо полагать, допустила возможность зверю и человеку забывать это коротенькое слово: «бди». Дознано, что ежели бы это слово никогда и никем не забывалось, то вскоре на всем земном шаре не отыскалось бы достаточно свободного места.

II

Мне мудрено, любезный друг N. N., отвечать на все предлагаемые тобою вопросы. Ты слишком многого от меня требуешь. Довольствуйся теми моими сообщениями о загробной жизни, которые я вправе передать тебе, и не пытайся проникать в глубь, долженствующую оставаться тайною для живущего. Возьми же карандаш и против каждого, сделанного тобою вопроса, записывай то, что буду говорить.

Вопрос. Какое впечатление испытывает умерший в первые дни своего появления на том свете?

Ответ. Очень странное, хотя и различное для каждого. Оно находится в прямой зависимости от нашего образа жизни на земле и усвоенных нами привычек.

Расскажу лично о себе. Когда, после долгих болезненных страданий, дух мой освободился от тела, я почувствовал необыкновенную легкость и первое время не мог дать себе ясного отчета о том, что со мною происходит.

На пути полета моего в беспредельное пространство мне довелось повстречаться с некоторыми прежде меня умершими начальниками, и первою при этом у меня мыслью было застегнуть свой вицмундир и поправить орденский знак на шее. Ощупывая и не находя ни ордена, ни гербовых пуговиц, я невольно оторопел. Мое смущение увеличилось еще более, когда, осмотревшись, я заметил, что вовсе не имею никакой на себе одежды.

В ту же минуту в памяти моей воскресла давным-давно виденная мною картинка, изображающая Адама и Еву после падения; оба они, устыдясь своей наготы, прячутся за дерево. Мне стало жутко от сознания, что и я много согрешил в жизни и что мундир мой, ордена и даже чин действительного статского советника уже не прикроют собою моей греховности! Я с беспокойством стал озираться вокруг себя, стараясь отыскать хотя бы маленькое облачко, за которое бы мог укрыться; но ничего не находил!

Взор мой, тоскливо блуждая, остановился на земле, где не без труда отыскал болотистую местность Петербурга, а на одной из его улиц заметил погребальное шествие. Это были собственные мои похороны! Внимательно всматриваясь в сопровождавших печальную колесницу, везшую мои бренные останки, я был неприятно поражен равнодушным выражением лиц у многих из моих подчиненных. В особенности же меня глубоко огорчила неуместная веселость моего секретаря Люсилина, егозившего около назначенного на мое место статского советника Венцельхозена.

Такая видимая неблагодарность в тех, кого более других я возвышал и награждал, вызвала на глазах моих слезы. Я уже чувствовал, как они, катясь по обеим щекам, соединились в одну крупную каплю на кончике моего носа, и хотел было утереться носовым платком, но остановился. Я понял, что это обман чувств. Я ведь дух,— следовательно, ни слез, ни капли на носу, ни даже самого носа быть у меня не могло. Подобный обман чувств повторялся со мною неоднократно, пока я не привык наконец к новому своему положению.

Под массою новых впечатлений я в первый день и не заметил, что ничего не ел, не был в присутствии и не занимался литературою; но на второй и последующие дни невозможность удовлетворить все эти привычки сильно меня озадачила. Наибольшую же неловкость я ощущал, вспоминая, что завтра именины моего начальника и благодетеля и что я уже не приду к нему с обычным поздравлением.

Затем мне пришла мысль сообщить моей вдове о необходимости отслужить в этот день (как то бывало при мне) молебствие о здравии моего начальника и его семьи и продолжать расходоваться на эти молебствия до тех пор, пока она не получит официального уведомления о назначении ей единовременного пособия и пенсии за службу мою. Дело уладилось, однако, само собою; вдова моя, как умная женщина, исполнила сама все, без стороннего наставления.

В о п р о с. Как правильнее сказать: желудовый кофей или желудковый кофей?

О т в е т. На такие глупые вопросы не отвечаю.

В о п р о с. Имел ли Наполеон III предчувствие, что скоро умрет?

О т в е т. Всякий может отвечать только за себя, а потому спроси его, если уж так интересуешься этим. К тому же ты и сам можешь смекнуть, что, будучи его руководителем в последней войне, мне неловко встречаться с ним, а тем более вступать в разговоры.

В о п р о с ы: 1) Какую форму или, лучше сказать, какой внешний вид получает душа умершего?

2) В чем состоит времяпровождение умерших?

3) Могут ли умершие открыть нам, живущим, то, что нас ожидает в жизни?

4) Виновен ли Овсянников в поджоге кокоревской мельницы?

5) Действительно ли виновна игуменья Митрофания?

Все эти пять вопросов остались без ответа.

III

Тот, кто думает, будто явившийся по призыву медиума дух может отвечать на все предлагаемые ему вопросы, забывает, что и дух подчинен известным законам, нарушить которые он не вправе.

Неосновательны и те, которые полагают, что показываемые различными медиумами руки каких-то умерших китайских и индейских девиц действительно принадлежат сим девицам, а не шарлатанам-медиумам. Разве может дух иметь какие-либо члены человеческого тела? Вспомни мой рассказ о том, как, желая утереть слезы и каплю на своем носу, я не нашел у себя ни слез, ни капли, ни даже носа.

Если допустить, что дух может иметь руки, то почему же не предположить, что ветер движется посредством ног? И то и другое одинаково нелепо.

Как люди разделяются на дурных и хороших, так точно и духи бывают хорошие и дурные. А потому будь осмотрителен в своих сношениях с духами и избегай между ними неблагонамеренных. К последним принадлежит, между прочим, Илиодор Проклеветантов, о котором мною уже выше было сказано.

Не всякий дух является на призыв медиума. Являются и отвечают только те из нас, которые слишком были привязаны ко всему земному, а потому и за гробом не перестают интересоваться всем, что у вас делается. К этой категории принадлежу и я, с моим неудовлетворенным честолюбием и жаждою славы.

Будучи обильно одарен природою талантом литературным, мне хотелось еще стяжать славу государственного человека. Поэтому я много тратил времени на составление проектов, которым, однако, невзирая на их серьезное государственное значение, пришлось остаться в моем портфеле без дальнейшего движения, частью потому, что всегда кто-либо успевал ранее меня представить свой проект, частью же потому, что многое в них было не окончено (inachevé).

Неизвестность этих моих не вполне оконченных проектов, а также и многих литературных трудов, доселе не дает мне покоя. Долго ли буду я таким образом мучиться — не знаю; но думаю, что дух мой не успокоится, доколе не передаст всего, что приобрел я бессонными ночами, долголетним опытом и практикою жизни. Может быть, это мне удастся, а может быть, и нет.

Как часто человек, в высокомерном сознании своего ума и превосходства над другими тварями, замышляя что-либо, заранее уже решает, что результаты его предположений будут именно те, а не другие. Но разве всегда его ожидания сбываются? Отнюдь. Нередко получаются результаты самые неожиданные и даже совершенно противоположные.

Чего бы, казалось, естественнее встретить у лошади хотя бы попытку на сопротивление, когда ты делаешь ей неприятность по носу, но кто же станет оспаривать справедливость известного моего афоризма: «Щелкни кобылу в нос, она махнет хвостом»?

Поэтому и я не могу предвидеть теперь, перестану ли и тогда интересоваться тем, что делается у вас, на земле, когда имя мое будет греметь даже между дикими племенами Африки и Америки, особенно ирокезцами, которых я всегда издали и платонически любил за их звучное прозвание.

IV

В первых беседах, напечатанных моим медиумом в № 84-м «СПб. ведомостей», вкрались ошибки. Сожалею, но не огорчаюсь, так как помню, что делать ошибки свойственно каждому.

Не огорчаюсь и тем, что мой медиум вовсе исключил некоторые места из моих рассуждений. Но не скрываю от тебя, читатель, что меня сердит сделанная им глупая оговорка, будто бы те места им выпущены вследствие усмотренного в них *свободомыслия!*

Клевета! Свободомыслие в суждениях человека, благонамеренности которого постоянно завидовал даже сам покойный Б. М. Федоров!

Очевидно, заблуждение моего медиума происходит от излишней осторожности. А излишество, как тебе известно, благоразумно допускать только в одном случае — при восхвалении начальства.

В оставшемся после меня портфеле с надписью: «Сборник неоконченного (d'inachevé)» есть, между прочим небольшой набросок, озаглавленный: «О том, какое надлежит давать направление благонамеренному подчиненному, дабы стремления его подвергать критике деяния своего начальства были бы в пользу сего последнего».

Основная мысль этого наброска заключается в том, что младший склонен обсуждать поступки старшего и что результаты таковото обсуждения не всегда могут быть для последнего благоприятны.

Предполагать, будто какие-либо мероприятия способны уничтожить в человеке его склонность к критике, так же нелепо, как пытаться обнять необъятное. Следовательно, остается одно:

Право обсуждения действий старшего ограничить предоставлением подчиненному возможности выражать свои чувства благодарственными адресами, поднесением званий почетного мирового судьи или почетного гражданина, устроением обедов, встреч, проводов и тому подобных чествований.

Отсюда проистекает двоякое удобство: во-первых, начальник, ведая о таковом праве подчиненных, поощряет добровольно высказываемые ими чувства и в то же время может судить о степени благонамеренности каждого. С другой стороны, польщено и самолюбие младших, сознающих за собою право разбирать действия старшего.

Кроме этого, сочинение адресов, изощряя воображение подчиненных, немало способствует к усовершенствованию их слога.

Я поделился этими мыслями с одним из губернаторов и впоследствии получил от него благодарность, так что, применив их в своем управлении, он вскоре сделался почетным гражданином девяти подвластных ему городов, а слог его чиновников стал образцовым. Суди сам по следующему адресу, поданному ими начальнику по случаю нового года:

«Ваше превосходительство, отец, сияющий в небесной добродетели!

В новом годе, у всех и каждого новые надежды и ожидания, новые затеи, предприятия, все новое. Неужели ж должны быть новые мысли и чувствования? Новый год не есть новый мир, новое время; первый не возрождался, последнее невозвратимо. Следовательно: новый год есть только продолжение существования того же мира, новая категория жизни, новая эра воспоминаний всем важнейшим событиям!

Когда же приличнее, как не теперь, возобновить нам сладкую память о благодетеле своем, поселившемся на вечные времена в сердцах наших?

Итак, приветствуем вас, превосходительный сановник и почетный гражданин, в этом новом летосчислении, новым единодушным желанием нашим быть столько счастливым в полном значении этого мифа, сколько возможно человеку наслаждаться на земле в своей сфере; столько же быть любиму всеми милыми вашему сердцу, сколько мы вас любим, уважаем и чествуем!

Ваше благоденствие есть для нас милость божия, ваше спокойствие — наша радость, ваша память о нас — высшая земная награда!

Живите же, доблестный муж, мафусаилов век для блага потомства. Мужайтесь новыми силами патриота для блага народа. А нам остается молить Сердцеведца о ниспослании вам сторицею всех этих благ со всею фамильною церковью вашею на многие лета!

Эти чистосердечные оттенки чувств посвящают вашему превосходительству благодарные подчиненные».

К сожалению, насколько мне известно, еще никто из сановников не воспользовался вполне советами, изложенными мною в вышеупомянутом наброске. А между тем строгое применение этих советов на практике немало бы способствовало и к улучшению нравственности подчиненных. Следовательно, устранилась бы возможность повторения печальных происшествий, вроде описываемого мною ниже, случившегося в одном близком мне семействе.

Глафира спотыкнулась
На отчий несессер,
С испугом обернулась:
Пред нею офицер.
Глафира зрит улана,
Улан Глафиру зрит,
Вдруг — слышат — из чулана
Тень деда говорит:
«Воинственный потомок,
Храбрейший из людей,
Смелей, не будь же робок
С Глафирою моей.
Глафира! из чулана
Приказываю я:
Люби сего улана,

Возьми его в мужья».
Схватив Глафиры руки,
Спросил ее улан:
«Чьи это, Глаша, штуки?
Кем занят сей чулан?»
Глафира от испугу
Бледнеет и дрожит,
И ближе жмется к другу,
И другу говорит:
«Не помню я наверное,
Минуло сколько лет,
Нас горе беспримерное
Постигло — умер дед.
При жизни он в чулане
Все время проводил
И только лишь для бани
Оттуда выходил».
С смущением внимает
Глафире офицер
И знаком приглашает
Идти на бельведер.
«Куда, Глафира, лезешь?» —
Незримый дед кричит.
«Куда? Кажись, ты бредишь? —
Глафира говорит,—
Ведь сам велел из гроба,
Чтоб мы вступили в брак?»
«Ну да, зачем же оба
Стремитесь на чердак?
Идите в церковь, прежде
Свершится пусть обряд,
И, в праздничной одежде
Вернувшися назад,
Быть всюду, коли любо,
Вы можете вдвоем».
Улан же молвил грубо:
«Нет, в церковь не пойдем,
Обычай басурманский
Везде теперь введен,
Меж нами брак гражданский
Быть может заключен».

Мгновенно и стремительно
Открылся весь чулан,
И в грудь толчок внушительный
Почувствовал улан.
Чуть-чуть он не свалился
По лестнице крутой
И что есть сил пустился
Стремглав бежать домой.
Сидит Глафира ночи,
Сидит Глафира дни,
Рыдает что есть мочи,
Но в бельведер ни-ни!

Примечание. С некоторого времени в «Петербургской газете» кто-то помещает свои сочинения под именем *К. Прутков младший.*

Напоминаю тебе, читатель, что всех Прутковых, подвизавшихся на литературном поприще, было трое: мой дед, отец и я. Из моих же многочисленных потомков никто, к сожалению, не наследовал литературного таланта. Следовательно, *я*, по-настоящему, и должен бы именоваться «младшим». А потому, во избежание недоразумений, объявляю, что ничего не имею общего с автором статей, помещаемых в «Петербургской газете»; он не только не родственник мне, но даже и не однофамилец.

К. П. Прутков

С подлинным верно: медиум N. N.

НЕКОТОРЫЕ МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ БИОГРАФИИ К. П. ПРУТКОВА

Взято из портфеля с надписью: «Сборник неоконченного (d'inachevé)»

Всем добропорядочным и благонамеренным подданным известно, что знаменитый мой дядюшка Козьма Петрович Прутков (имя его пишется «Козьма», как «Козьма Минин») давно уже, к общему сожалению, скончался, но, как истый сын отечества, хотя и не участвовавший в редакции журнала и газеты этого имени, он и по смерти не переставал любовно следить за всеми событиями в нашем дорогом отечестве и, как известно тебе, читатель, начал недавно делиться с некоторыми высокопоставленными особами своими замечаниями, сведениями и предположениями.

Из числа таковых лиц он особенно любит своего медиума, Павла Петровича N. N., доблестного и уже почтенного летами духовидца. Но при всем уважении моем к этому духовидцу, считаю нужным, в видах священной справедливости, предупредить тебя, благонамеренный читатель, что хотя он и зовется по отчеству с моим покойным дядюшкою — «Петровичем», но ни ему, ни мне вовсе не родня, не дядя и даже не однофамилец.

Все эти серьезные причины нисколько, однако, не препятствуют тому взаимному дружескому благорасположению, которое существовало и существует между покойным Козьмою Петровичем и еще живым Павлом Петровичем. Между обоими (коли можно так для краткости выразиться) «Петровичами» есть много сходства и столько же разницы. Разумный читатель поймет, что здесь идет речь не о наружности. Сия последняя (употребляю это слово, конечно, не в дурном смысле) была у покойного Козьмы Петровича столь необыкновенна, что ее невозможно было не заметить даже среди многочисленного общества. Вот что, между прочим, в кратком некрологе о приснопамятном покойнике («Современник» 1865 года) было мною сказано: «Наружность покойного была величественная, но строгая; высокое, склоненное назад чело, опушенное снизу густыми рыжеватыми бровями, а сверху осененное поэтически всклоченными, шантретовыми с проседью волосами; изжелта-каштановый цвет лица и рук; змеиная саркастическая улыбка, всегда выказывавшая целый ряд, правда, почерневших и поредевших от табаку и времени, но все-таки больших и крепких зубов, наконец вечно откинутая назад голова...»

Совершенно противоположное этому представляет наружность Павла Петровича. Он менее чем среднего роста, вздернутый кверху красный, маленький нос напоминает сердоликовую запонку; на голове и лице волос почти вовсе нет, зато рот наполнен зубами работы Вагенгейма или Валенштейна.

Козьма и Павел Петровичи, как уже выше сказано, хотя никогда не были между собою родственниками, но оба родились 11-го апреля 1801 года близ Сольвычегодска, в дер. Тентелевой; причем обнаружилось, что мать Павла Петровича, бывшая незадолго перед этим немецкою девицею Штокфишь, в то время уже состояла в законном браке с отставным поручиком Петром Никифоровичем *N. N.*, другом отца знаменитого К. П. Пруткова.

Родитель незабвенного Козьмы Петровича, по тогдашнему времени, считался между своими соседями человеком богатым.

Напротив того, родитель Павла Петровича почти ничего не имел; а потому и не удивительно, что по смерти супруги своей он с радостию принял предложение своего приятеля переселиться к нему в дом. Таким образом, «с детства лет», как выражается почтенный Павел Петрович, судьба связала его с будущим известным писателем, единственным сыном своих достойнейших родителей, К. П. Прутковым! Но пусть далее сам знаменитый дядюшка мой рассказывает о себе.

В бумагах покойного, хранящихся в портфеле с надписью: «Сборник неоконченного (d'inachevé)», в особой тетрадке, озаглавленной «Материалы для моей биографии», написано:

«В 1801 году, 11-го апреля, в 11 часов вечера, в просторном деревянном с мезонином доме владельца дер. Тентелевой, что близ Сольвычегодска, впервые раздался крик здорового новорожденного младенца мужеского пола; крик этот принадлежал мне, а дом — моим дорогим родителям.

Часа три спустя подобный же крик раздался на другом конце того же помещичьего дома, в комнате, так называемой, «боскетной»; этот второй крик хотя и принадлежал тоже младенцу мужеского пола, но не мне [1], а сыну бывшей немецкой девицы Штокфишь, незадолго перед сим вышедшей замуж за Петра Никифоровича, временно гостившего в доме моих родителей.

Крестины обоих новорожденных совершались в один день, в одной купели, и одни и те же лица были нашими восприемниками, а именно: сольвычегодский откупщик Сысой Терентьевич Селиверстов и жена почтмейстера Капитолина Дмитриевна Грай-Жеребец.

Ровно пять лет спустя, в день моего рождения, когда собрались к завтраку, послышался колокольчик, и на дворе показался тарантас, в котором, по серой камлотовой шинели, все узнали Петра Никифоровича. Это действительно он приехал с сыном своим Павлушею. Приезд их к нам давно уже ожидался, и по этому случаю чуть ли не по нескольку раз в день доводилось мне слышать от всех домашних, что скоро приедет Павлуша, которого я должен любить потому, что мы с ним родились почти в одно время, крещены в одной купели и что у обоих нас одни и те же крестные отец и мать. Вся эта подготовка мало принесла пользы; первое время оба мы дичились и только исподлобья осматривали друг друга. С этого дня Павлуша остался у нас жить, и до 20-летнего возраста я с ним не разлучался. Когда обоим нам исполнилось десять лет, нас засадили

---

[1] Я закричал раньше.

за азбуку. Первым нашим учителем был добрейший отец Иоанн Пролептов, наш приходской священник. Он же впоследствии обучал нас и другим предметам. Теперь, на склоне жизни, часто я люблю вспоминать время моего детства и с любовью просматриваю случайно уцелевшую, вместе с моими учебными тетрадками, записную книжку почтенного пресвитера, с его собственноручными отметками о наших успехах. Вот одна из страниц этой книжки:

Название предметов.	*Козьма.*	*Павел.*	*Поведение.*
Закон божий	Успешно.	Внимательно	В течение недели оба питомца вели себя преизрядно. Козьма, как более шустрый, хочет всегда первенствовать
Объяснение литургии	От души.	Смиренно-мудренно.	
Арифметика	Сильно-живо-хорошо.	Быстро-правильно.	
Чистописание . . .	Удовлетворительно.	Кругло-приятно.	
Упражнение на счетах	Смело-отчетливо.	Сметливо.	Дружелюбны, богобоязливы и к старшим почтительны
Священная история	Разумно-понятно.	Занимательно	
Русская словесность	Назидательно препохвально	Усердно-добро-порядочно	

Такие отметки приводили родителей моих в неописанную радость и укрепляли в них убеждение, что из меня выйдет нечто необыкновенное. Предчувствие их не обмануло. Рано развернувшиеся во мне литературные силы подстрекали меня к занятиям и избавляли от пагубных увлечений юности. Мне было едва семнадцать лет, когда портфель, в котором я прятал свои юношеские произведения, был переполнен.

Там была проза и стихи. Когда-нибудь я ознакомлю тебя, читатель, с этими сочинениями, а теперь прочти написанную мною в то время басню. Заметив однажды в саду дремавшего на скамье отца Иоанна, я написал на этот случай предлагаемую басню:

Однажды, с посохом и книгою в руке,
Отец Иван плелся нарочито к реке.
Зачем к реке? затем, чтоб паки
Взглянуть, как ползают в ней раки.
Отца Ивана нрав такой.

Вот, рассуждая сам с собой,
Рейсфедером он в книге той
Чертил различные, хотя зело не метки,
                Заметки.
Уставши, сев на берегу реки,
Уснул, а из руки
Сначала книга, гумиластик,
А там и посох — все на дно.
Как вдруг наверх всплывает головастик
И, с жадностью схватив в мгновение одно
Как посох, так равно
                И гумиластик,
Ну, словом, все, что пастырь упустил,
Такую речь к нему он обратил:
«Иерей! не надевать бы рясы,
Коль хочешь, батюшка, ты в праздности сидеть
Иль в празднословии точить балясы!
Ты денно, нощно должен бдеть,
Тех наставлять, об тех радеть,
Кто догматов не знает веры,
                А не сидеть,
                И не глазеть,
                И не храпеть,
Как пономарь, не зная меры».

Да идет басня сия в Москву, Рязань и Питер,
                И пусть
Ее твердит почаще наизусть
Богобоязливый пресвитер.

Живо вспоминается мне печальное последствие этой юношеской шалости. Приближался день именин моего родителя, и вот отцу Иоанну пришло в голову заставить меня и Павлушу разучить к этому дню стихи для поздравления дорогого именинника. Стихи, им выбранные, хотя были весьма нескладны, но зато высокопарны. Оба мы знатно вызубрили эти вирши и в торжественный день проговорили их без запинки перед виновником праздника. Родитель был в восторге, он целовал нас, целовал отца Иоанна. В течение дня нас неоднократно заставляли то показать эти стихи, написанные на большом листе почтовой бумаги, то продекламировать их тому или

другому гостю. Сели за стол. Все ликовало, шумело, говорило, и, казалось, неприятности ожидать неоткуда. Надобно же было, на беду мою, случиться так, что за обедом пришлось мне сесть возле соседа нашего Анисима Федотыча Пузыренко, которому вздумалось меня дразнить, что сам я ничего сочинить не умею и что дошедшие до него слухи о моей способности к сочинительству несправедливы; я горячился и отвечал ему довольно строптиво, а когда он потребовал доказательств, я не замедлил отдать ему находившуюся у меня в кармане бумажку, на которой была написана моя басня «Священник и гумиластик». Бумажка пошла по рукам. Кто, прочтя, хвалил, а кто, просмотрев, молча передавал другому. Отец Иоанн, прочитав и сделав сбоку надпись карандашом: «Бойко, но дерзновенно»,— передал своему соседу. Наконец бумажка очутилась в руках моего родителя. Увидав надпись пресвитера, он нахмурил брови и, не долго думая, громко сказал: «Козьма! прийди ко мне». Я повиновался, предчувствуя, однако, что-то недоброе. Так и случилось,— от кресла, на котором сидел мой родитель, я в слезах поспешно ушел на мезонин, в свою комнату, с изрядно накостылеванным затылком...

Происшествие это имело влияние на дальнейшую судьбу мою и моего товарища. Было признано, что оба мы слишком избаловались, а потому довольно нас пичкать науками, а лучше бы обоих определить на службу и познакомить с военной дисциплиною. Таким образом, мы поступили юнкерами, я в*** армейский гусарский полк, а Павлуша в один из пехотных армейских полков. С этого момента мы пошли различною дорогою. Женившись на двадцать пятом году жизни, я некоторое время был в отставке и занимался хозяйством в доставшемся мне по наследству от родителя имении близ Сольвычегодска. Впоследствии поступил снова на службу, но уже по гражданскому ведомству. При этом, никогда не оставляя занятий литературных, имею утешение наслаждаться справедливо заслуженною славою поэта и человека государственного. Напротив того, товарищ моего детства, Павел Петрович, до высших чинов скромно продолжал свою службу все в том же полку и к литературе склонности никакой не оказывал. Впрочем, нет: следующее его литературное произведение получило известность в полку. Озабочиваясь, чтоб определенный солдатам провиант доходил до них в полном количестве, Павел Петрович издал приказ, в котором рекомендовал гг. офицерам иметь наблюдение за правильным пищеварением солдат.

Со вступлением на гражданскую службу я переселился в С.-Пе-

тербург, который вряд ли когда-либо соглашусь покинуть, потому что служащему только тут и можно сделать себе карьеру, коли нет особой протекции. На протекцию я никогда не рассчитывал. Мой ум и несомненные дарования, подкрепляемые беспредельною благонамеренностью, составляли мою протекцию.

В особенности же это последнее качество очень ценилось одним влиятельным лицом, давно уже принявшим меня под свое покровительство и сильно содействовавшим, чтоб открывшаяся тогда вакансия начальника Пробирной Палатки досталась мне, а не кому-либо другому. Получив это место, я приехал благодарить моего покровителя, и вот те незабвенные слова, которые были им высказаны в ответ на изъявление мною благодарности: «Служи, как до сих пор служил, и далеко пойдешь. Фаддей Булгарин и Борис Федоров также люди благонамеренные, но в них нет твоих административных способностей, да и наружность-то их непредставительна, а тебя за одну твою фигуру стоит сделать губернатором». Таковое мнение о моих служебных способностях заставило меня усиленнее работать по этой части. Различные проекты, предположения, мысли, клонящиеся исключительно на пользу отечества, вскоре наполнили мой портфель.

Таким образом, под опытным руководством влиятельного лица совершенствовались мои административные способности, а ряд представленных мною на его усмотрение различных проектов и предположений поселил как в нем, так и во многих других, мнение о замечательных моих дарованиях как человека государственного.

Не скрою, что такие лестные обо мне отзывы настолько вскружили мне голову, что даже, в известной степени, имели влияние на небрежность отделки представляемых мною проектов. Вот причина, почему эта отрасль моих трудов носит на себе печать неоконченного (d'inachevé). Некоторые проекты отличались особенною краткостью, и даже большею, чем это обыкновенно принято, дабы не утомлять внимания старшего. Быть может, именно это-то обстоятельство и было причиною, что на мои проекты не обращалось должного внимания. Но это не моя вина. Я давал мысль, а развить и обработать ее была обязанность второстепенных деятелей.

Я не ограничивался одними проектами *о сокращении переписки,* но постоянно касался различных нужд и потребностей нашего государства. При этом я заметил, что те проекты выходили у меня полнее и лучше, которым я сам сочувствовал всею душою. Укажу для примера на те два, которые, в свое время, наиболее обратили на себя внимание: 1) «о необходимости установить в государстве

одно общее мнение» и 2) «о том, какое надлежит давать направление благонамеренному подчиненному, дабы стремления его подвергать критике деяния своего начальства были в пользу сего последнего».

Оба эти проекта, сколько мне известно, официально и вполне приняты не были, но, встретив большое к себе сочувствие во многих начальниках, в частности, не без успеха были многократно применяемы на практике.

Я долго не верил в возможность осуществления крестьянской реформы. Разделяя по этому предмету справедливые взгляды г. Бланка и других, я, конечно, не сочувствовал реформе, а все-таки, когда убедился в ее неизбежности, явился с своим проектом, хотя и сознавал неприменимость и непрактичность предлагавшихся мною мер.

Большую часть времени я, однако, всегда уделял на занятие литературою. Ни служба в Пробирной Палатке, ни составление проектов, открывавших мне широкий путь к почестям и повышениям, ничто не уменьшало во мне страсти к поэзии. Я писал много, но ничего не печатал. Я довольствовался тем, что рукописные мои произведения с восторгом читались многочисленными поклонниками моего таланта, и в особенности дорожил отзывами об моих сочинениях приятелей моих: гр. А. К. Толстого и двоюродных его братьев Алексея, Александра и Владимира Жемчужниковых. Под их непосредственным влиянием и руководством развился, возмужал, окреп и усовершенствовался тот громадный литературный талант мой, который прославил имя Пруткова и поразил мир своею необыкновенною разнообразностью. Уступая только их настояниям, я решился печатать свои сочинения в «Современнике».

Благодарность и строгая справедливость всегда свойственны характеру человека великого и благородного, а потому смело скажу, что эти чувства внушили мне мысль обязать моим духовным завещанием вышепоименованных лиц издать полное собрание моих сочинений, на собственный их счет, и тем навсегда связать их малоизвестные имена с громким и известным именем К. Пруткова».

Этими сведениями заканчивается рукопись моего покойного дядюшки, озаглавленная «Материалы для моей биографии».

Остальные листы тетрадки испещрены разного рода стихами и заметками. Последние своею разнообразностью особенно замечательны. Весьма прискорбно, что страницы этой тетрадки написаны слишком неразборчиво, местами перечеркнуты, а местами даже залиты чернилами, так что очень немногое возможно разобрать.

Одна страница, например, так перепачкана, что с трудом лишь можно прочесть следующее: «Наставление, как приготовляется славный камер-юнкерский, шафгаузенский пластырь».

На следующей странице находятся отдельные заметки, не имеющие между собою никакой связи, а именно:

О ПРЕВОСХОДСТВЕННОМ

Что есть превосходственное? Манир, или способ к выражению высочайшей степени качества, в силе, доброте, понятии, в благости и красоте, или величине, в долготе, высоте, широте, в толщине, в глубине и в проч.

Сколько превосходственных степеней? Две. Превосходственное властное и превосходственное относительное или сходственное.

Почему сивый всегда завидует буланому?

Сказывают, будто скороходам вырезывают селезенку для того, чтобы ноги их получили большее проворство. Слух этот требует тщательной проверки.

Известно, что кардинал де-Ришелье каждое утро, по совету своего медика, выпивал рюмку редечного соку.

Гений мыслит и создает. Человек обыкновенный приводит в исполнение. Дурак пользуется и не благодарит.

Некий начальник, осматривая одно воспитательное заведение, зашел, между прочим, и в лазарет. Увидав там больного, спросил его: «Как твоя фамилия?» Тому же послышалось, что его спрашивают, чем он болен, а потому с стыдливостью отвечал: «Понос, ваше превосходительство».— «А! греческая фамилия»,— заметил начальник.

Покупай только то мыло, на котором написано: la loi punit le contrefacteur [1].

ВЫДЕРЖКИ ИЗ МОЕГО ДНЕВНИКА В ДЕРЕВНЕ

I

28-го июля 1861 года. Село Хвостокурово. Очень жарко, даже и в тени, должно быть, много градусов.

На горе под березкой лежу,

. . . .

II

(Два дня спустя. Ртуть все поднимается выше и, кажется, скоро дойдет до того места, где написано С.-Петербург.)

Желтеет лист на деревах.

. . . .

Тот, кто вместо рубль, корабль, журавль, говорит рупь, карапь, журавь, тот, наверное, скажет колидор, фалетор, куфня, галдарея.

Почему иностранец менее стремится жить у нас, чем мы в его земле?

Потому, что он и без того уже находится за границей.

Прежде чем решиться на какое-либо коммерческое дело, справься: занимаются ли подобным делом еврей или немец? Если да, то действуй смело, значит, барыши будут.

---

[1] Подделка преследуется законом *(франц.)*.

ОТРЫВОК ИЗ ПОЭМЫ «МЕДИК»

Лукавый врач лекарства ищет,
Чтоб тетке сторожа помочь,—
Лекарства нет; в кулак он свищет,
А на дворе давно уж ночь.

В шкафу нет склянки ни единой,
Всего там к завтрашнему дню
Один конверт с сухой малиной
И очень мало ревеню.

Меж тем в горячке тетка бредит,
Горячкой тетушка больна...
Лукавый медик все не едет,
Давно лекарства ждет она!..

Огнем горит старухи тело,
Природы странная игра!
Повсюду сухо, но вспотела
Одна лишь левая икра...

Вот раздается из передней
Звонок поспешный: динь-динь-динь.
«Приехать бы тебе намедни!»
«А что?» — «Уж тетушке аминь!»

«Помочь старухе нету средства,—
Так злобный медик говорит,—
Осталось ли у ней наследство?
Кто мне заплатит за визит?»

Человек умирает, но ордена остаются на лице земли.

Вопрос. Кто имеет право говорить: боже мой, боже мой, все одно и то же: мой!

Ответ. Прачка.

Иностранное слово *аудиенция* весьма удобно может быть заменено русским словом *уедиенция*.

Коли смотришь куда-либо вдаль, делай над твоими глазами щиток из правой или левой твоей ладони.

Не вкусивши сладкого, горькое еще можно есть, а раз вкусивши сладкое, кислое уже неприятно.

Собери свои мысли и сосредоточься ранее, чем переступишь порог кабинета начальника. Иначе можешь оттуда вылететь наподобие резинового мячика.

Вспоминая минувшие счастливые дни твои, сравни их с настоящими и подведи итог.

(МЫСЛИ НАД ГРОБОМ «ПРЕКРАСНОЙ МАГОМЕТАНКИ»)

«Думаешь ли ты, что это сердце заливает огонь его, когда слезы, струясь по ржавчинам цепей иноплеменных, не смывают их?..»

Сильно сказано. Воспользоваться и развить сию мысль. Иметь в виду эту фразу для четвертого действия драмы «Ключ от подвала». (Подробности, касающиеся этой драмы, ищи в портфеле № 147.)

Вот все, что удалось нам разобрать в помянутой тетрадке. Из этих отдельных заметок, мыслей и стихотворений даровитого покойника ты можешь, благоразумный читатель, еще раз убедиться в разнообразности и силе творческого таланта моего незабвенного дядюшки.

В заключение спешу поделиться с тобою, читатель, известием, что в недалеком будущем выйдет в свет полное собрание сочинений знаменитого поэта и моего неоцененного родственника К. П. Пруткова.

Гордящийся этим родством племянник покойного

К. И. Шерстобитов

ПОСМЕРТНОЕ ПРОИЗВЕДЕНИЕ КОЗЬМЫ ПРУТКОВА

Спирит мне держит речь под гробовую крышу:
«Мудрец и патриот! Пришла чреда твоя;
Наставь и помоги! Прутков! Ты слышишь?» —
— Слышу
Я!
Пером я ревностно служил родному краю,
Когда на свете жил... И кажется, давно ль?!
И вот, мертвец, я вновь в ее судьбах играю —
Роль.

Я власти был слуга; но, страхом не смущенный,
Из тех, которые не клонят гибких спин,
И гордо я носил звезду и заслуженный —
Чин.

Я, старый монархист, на новых негодую:
Скомпрометируют они — весьма боюсь —
И власть верховную, и вместе с ней святую —
Русь.

Торжественный обет родил в стране надежду,
И с одобрением был встречен миром всем...
А исполнения его не видно между
Тем.

Уж черносотенцы к такой готовят сделке:
Когда на званый пир сберется сонм гостей —
Их чинно разместить и дать им по тарелке —
Щей.

И роль правительства, по мне, не безопасна;
Есть что-то d'inachevé... Нет! Надо власть беречь,
Чтоб не была ее с поступком несогласна —
Речь.

Я, верноподданный, так думаю об этом:
Раз властию самой надежда подана —
Пускай же просьба: «Дай!» — венчается ответом:
«На!»

Я главное сказал; но из любви к отчизне
Охотно мысли те еще я преподам,
Которым тщательно я следовал при жизни —
Сам.

Правитель! дни твои пусть праздно не проходят;
Хоть камушки бросай, коль есть на то досуг;
Но наблюдай: в воде какой они разводят —
Круг?

Правитель! избегай ходить по косогору:
Скользя, иль упадешь, иль стопчешь сапоги:
И в путь не выступай, коль нет в ночную пору —
Зги.

Дав отдохнуть игре служебного фонтана,
За мнением страны попристальней следи;
И, чтобы жертвою не стать самообмана,—
Бди!

Напомню истину, которая поможет
Моим соотчичам в оплошность не попасть:
Что необъятное обнять сама не может —
Власть.

Учение мое, мне кажется, такое,
Что средь борьбы и смут иным помочь могло б...
Для всех же верное убежище покоя —
Гроб.

II

КОРРЕСПОНДЕНЦИЯ

М. г. Находясь за границей, я только на этих днях успел ознакомиться с «Христоматией для всех» г. Гербеля. Позвольте мне чрез посредство вашей газеты исправить вкравшуюся в этот почтенный труд ошибку относительно меня. Не все, подписанное именем Кузьмы Пруткова, принадлежит мне, как полагает г. Гербель. Граф Алексей Константинович Толстой писал также под этим псевдонимом. Кроме того, весьма многое из Пруткова написано обоими нами вместе. Просмотрев и собрав в настоящее время мои стихотворения для издания их отдельною книжкою (в которой, скажу мимоходом, я предполагал, по личным моим соображениям, не помещать ни комедий, ни некоторых стихотворений, к числу которых отнесена мною и «Старая дорога», включенная в Христоматию), я намеревался присоединить к этому собранию шуточный отдел из творений Кузьмы Пруткова; но покинул это намерение именно потому, что теперь трудно определить долю участия каждого из нас в сочинении многих пьес, напечатанных под этим именем. Что же касается до тех, которые помещены в Христоматии и, следовательно, признаются г. Гербелем за лучшие, то я считаю долгом объявить, что одно из этих стихотворений: «Вянет лист, проходит лето...» — принадлежит исключительно графу Толстому. Мне очень приятно, что на этот раз я согласен с г. Гербелем относительно оценки стихотворений; и мне эта шутка очень нравится. Вообще Кузьме Пруткову в настоящем случае посчастливилось. Хотя у него, как и у всех, впрочем, поэтов, есть вещи менее удачные и просто слабые, он попал в категорию тех писателей, которые не имеют основания быть недовольными выбором, сделанным Христоматией из их творений. Ко всему сказанному я должен прибавить, что в некоторых произ-

ведениях Пруткова принимали участие и мои братья, в особенности Владимир Михайлович.

Позволю себе сделать еще одно замечание, до меня не касающееся. Задача г. Гербеля заключалась в том, чтоб представить образцы всех более или менее известных русских поэтов. Почему же он пропустил Арбузова, который издал собрание своих стихотворений, кажется, в начале пятидесятых годов?

Примите уверение и проч.

Алексей Жемчужников.

29 января (10-го февраля) 1874 г.
Ментона во Франции

ЗАЩИТА ПАМЯТИ КОСЬМЫ ПЕТРОВИЧА ПРУТКОВА

1

Не пожелаете ли, господин редактор, восстановить в вашей газете истину, коей помрачению вы сами нечаянно содействовали, перепечатав из «Петерб. листка» в № 389 «Нового времени» следующий анекдот из прошлого театрального мира:

«В 1850 г. представлен был оригинальный водевиль «Фантазия», принадлежащий перу одного из аристократов. Аристократия была в сборе. Водевиль провалился и проч.».

Смею поручиться, что в этом рассказе столько же непроницательности, сколько неполноты и ошибок. Начну с указания последних, вполне сознавая, что принесу этим неоценимую услугу отечественной истории, в особенности сценической:

1) «Фантазия» не водевиль, а «комедия в одном действии»,— как было откровенно объявлено автором и на афише;

2) представление этой комедии происходило не в 1850 году, а *8-го января 1851 года,* в бенефис актера Максимова 1-го, на Александринском театре; она была одобрена цензурою для представления на сем театре *29-го декабря 1850 г.;* узнав имя автора, всякий беспристрастный патриот согласится со мною, что указанные мною дни подлежат увековечению в истории русской драматической сцены и русской литературы;

3) знаменитая эта пьеса принадлежит вовсе не «перу одного из аристократов», а перу гениального нашего писателя *Косьмы Петровича Пруткова;* он писался всегда: Косьма (а не Кузьма), подобно

прочим своим великим тезкам — Косьме Минину, Косьме Медичи и т. д., и этого он придерживался с самого раннего детства, справедливо прозревая свою славу; и

4) комедия эта вовсе не «провалилась»; так можно выражаться лишь о неуспехе обыкновенном, а ее падение было вполне необыкновенно. Она не «провалилась», но поразила всех неожиданностью и небывалостью своего содержания и употребленных в ней автором новых сценических приемов; она осталась неоцененною и неразгаданною, потому что была изъята из театрального репертуара тотчас же после первого представления. Так остались бы доселе непонятными Гомер, Шекспир, Бетховен, если бы произведения их были прослушаны только по одному разу. Это сознавал и покойный Косьма Петрович Прутков, а потому и не отчаялся, но продолжал писать — и увенчался бессмертием.

Во всяком случае, благодарю рассказчика анекдота за отзыв, что комедия эта «принадлежала перу одного из аристократов», благодарю потому, что вижу в этом благоговейное уважение с его стороны к покойному Косьме Петровичу Пруткову, а я всегда был и есть непременным его членом. Скажу откровенно, что я присутствовал и на знаменитом этом представлении, вместе с другими членами покойного, и все мы были одинаково восхищены не только пьесою, но и ошеломлением публики; а недовольны были только вялою, будто бы невольною игрою актеров, кроме Мартынова и Толченова 1-го.

Имя автора не значилось на афише, но было скрыто под буквами «Y и Z», т. е. под самыми последними буквами азбуки, притом еще чужеземной! Но молва, кажется, огласила имя автора, и таким образом фактически подтвердилась мудрость его афоризмов, напечатанных впоследствии в «Современнике»:

«Великий человек подобен мавзолею».

«Гений подобен холму, возвышающемуся на равнине».

«Эгоист подобен давно сидящему в колодце».

«Усердный врач подобен пеликану».

«Одного яйца два раза не высидишь».

«Поощрение столь же необходимо гениальному писателю, сколь необходима канифоль смычку виртуоза».

«Вещи бывают велики и малы по воле судьбы и обстоятельств и по понятиям каждого».

Я, кажется, привел уже несколько неподходящих к настоящему делу афоризмов покойного Косьмы Пруткова, но не могу воздержать своей любви к нему и потому продолжаю для заключения:

«Жизнь — альбом, человек — карандаш, дела — ландшафт, время — гумиэластик: и отскакивает и стирает».

«Военные люди защищают отечество».

«Ничего не доводи до крайности: человек, желающий трапезовать слишком поздно, рискует трапезовать на другой день поутру».

«Многие вещи нам непонятны не потому, что наши понятия слабы, но потому, что сии вещи не входят в круг наших понятий».

«Иной певец подчас хрипнет».

«На чужие ноги лосины не натягивай».

«Не всякому офицеру мундир к лицу».

«Не всякий генерал от природы полный».

«Не всякий капитан исправник».

«Не все стриги, что растет».

«В сепаратном договоре не ищи спасения».

«Не ходи по косогору,— сапоги стопчешь!»

«И египтяне были в свое время справедливы и человеколюбивы!»

Не сомневаюсь, что в настоящее время покойный сказал бы: «И англичане были в свое время справедливы и человеколюбивы».

Надеюсь, достопочтенный редактор, что вы не откажете напечатать все это в вашей газете, по уважению к памяти покойного Косьмы Петровича.

Ваш искренний доброжелатель

Непременный член К. Пруткова

С.-Петербург.
30 марта (11 апреля) 1877 года (annus, i)

2

Однажды я выступал уже в вашей газете для защиты блаженной памяти Косьмы Петровича Пруткова, именно: в апреле 1877 года, в № 392 вашей газеты. Г. редактор! Вы снова принуждаете меня к этому, затронув опять драгоценную для всей России память ошибочным сведением о покойном.

В предпрошлом воскресном нумере вашей газеты смело высказаны две несправедливости про покойного Косьму Петровича Пруткова: 1) будто он не существовал, будто он псевдоним, и 2) будто под его именем писал, между другими, покойный Ив. Ив. Панаев.

Поспешите, г. редактор, из уважения к русской истории и к печатному слову, исправить эти две несправедливости.

Во-первых, о существовании и даже славном существовании Косьмы Петровича Пруткова известно не только современникам его, бывшим сослуживцам и подчиненным, но — смело скажу — всей грамотной России и, может быть, даже образованным из иноземцев. Он не только жил среди нас, но возбуждал и продолжает возбуждать зависть и подражание; он известен не только по своей частной жизни, но также своею примерно усердною и полезною службою, как начальник Пробирной Палатки, в которой достойно дослужился чина действительного статского советника. Это не мелкие факты, г. редактор; и мне странно, как вы не знаете их! Об этом, помнится, было напечатано и в некрологе его превосходительства, в «Современнике» 1863 г. Оттуда же вы можете узнать, что «он родился 11-го апреля 1801 года, недалеко от Сольвычегодска, в дер. Тентелевой». Поэтому название родины его вошло в известную общерусскую поговорку (особенно прежние, современные К. П. Пруткову, петербургские сановники говаривали часто: «Смотри ты у меня! сошлю тебя в Тентелеву деревню!»); и поэтому же большая часть его бессмертных сочинений носит пометку 11 апреля, или 11 какого-либо другого месяца. Поэтому и я пишу эти строки сегодня, 11-го октября.

Во-вторых, покойный Ив. Ив. Панаев искренно и глубоко уважал покойного К. П. Пруткова; он даже всегда спешил призвать покойного Н. Некрасова, для совместного собеседования с К. П. Прутковым, когда Косьма Петрович, невзирая на свой служебный сан, удостоивал их редакцию своим посещением. *Но никогда Ив. Ив. Панаев* в трудах покойного К. П. Пруткова не участвовал. Каковы бы ни были достоинства Ив. Ив. Панаева как писателя, он не мог дозволить себе даже прикоснуться к бессмертным творениям Косьмы Петровича Пруткова,— как никакой действительный артист не станет исправлять картин знаменитого живописца. Скажу более: те редкие случаи, в которых Ив. Ив. Панаев дерзал, ссылаясь на условия цензуры, прикасаться к творениям Пруткова, легко отгадает каждый беспристрастный художник, если только он действительно художник. Эти случаи заслуживают отметки для назидания потомства; и я уверен, г. редактор, что вы с радостью раскроете столбцы вашей газеты для помещения сих отметок. Я укажу для примера лишь немногие, приводя *подлинный* текст К. П. Пруткова и указывая в выносках искажение этого текста в печати:

ЦАПЛЯ И БЕГОВЫЕ ДРОЖКИ

Басня

На беговых помещик [1] ехал дрожках.
. . . .
— «Ах [2] почему такие ножки
. . . .
Коль дворянином,— дворянин [3];
А [4] мещанином,— мещанин;
. . . .

СТАН И ГОЛОС

Басня

. . . .
Надевши ваточный халат [5],
. . . .

Довольствуясь пока этими примерами, добавлю, что Ив. Ив. Панаев не только не вносил ничего в бессмертные творения К. П. Пруткова, но даже вовсе не напечатал некоторых творений, переданных ему для печати. Он говорил, что в этом препятствовали цензурные условия; но Косьма Петрович, сам действительный статский советник и кавалер, не верил этому. Для примера приведу следующую басню, которую бедный Косьма Петрович так и не дождался видеть в печати при своей жизни:

---

[1] Вместо слова «помещик» поставлено, ни с чем не сообразно, слово «философ». Но разве греческие философы знали чисто русское изобретение — беговые дрожки?

[2] Вместо простого: «Ах!» — поставлено: «И рек: Ах!» Покойный Косьма Петрович ни за что не употребил бы здесь слова «рек», ибо оно *церковно*славянское.

[3] Этот стих был совсем опущен, и таким образом: во-первых, нарушена справедливость пред другими сословиями; и, во-вторых, оказана несправедливость слову «мещанин», для которого не оставлено рифмы.

[4] Вследствие пропуска предшествующего стиха тут поставлено слово «Коль».

[5] Этот стих был совсем опущен; как будто становые не могут и дома надевать халатов, хотя бы даже ваточных.

. . . .

У Косьмы Петровича Пруткова были приближенные советники, но в числе их не было Ив. Ив. Панаева. Косьма Петрович имел дар вдохновляться чужими советами,— но не всякими, а только четырех лиц, которых я даже не назвал бы, если бы трое из них уже не были поименованы одним из этих советников, Алексеем Жемчужниковым, в «С.-Петербургских ведомостях» В. Ф. Корша, по поводу первого издания книги г. Гербеля: «Русские поэты в биографиях и образцах»; а четвертый назван в № 117. «СПб. вед.» издания Баймакова, 1876 г. В этом последнем сообщении много несправедливого; между прочим, приписаны К. П. Пруткову чужие произведения; но фамилии советников его верны, хотя не всех их покойный слушал в одинаковой мере. Имена этих советников следующие: граф Алексей Толстой и Алексей, Александр и Владимир Жемчужниковы.

Подумал ли автор заметки, напечатанной в прошлом воскресном нумере вашей газеты, в какое положение он ставит все управление нашего министерства финансов, уверяя, будто Косьма Прутков не существовал! Да кто же тогда был столь долго председателем Пробирной Палатки, производился в чины даже за отличие и получал жалованье?

Память Ив. Ив. Панаева неправильно примешалась к памяти действ. статск. сов., председателя Пробирной Палатки и великого поэта Косьмы Петровича Пруткова,— вероятно, потому, что творения Пруткова помещались в «Современнике» в отделе «Ералаш», где печатались и стихотворения Ив. Ив. Панаева за подписью «Новый Поэт»; но это не причина и даже не извинение такой грубой ошибки! Впоследствии, в 1863 году, остатки творений К. П. Пруткова печатались редакциею «Современника» в отделе «Свисток», где помещались и стихи Добролюбова; но это не дает права приписывать и почтенному Добролюбову участие в творениях К. П. Пруткова. Всякому свое.

Крепко стоя за неприкосновенность памяти почтеннейшего К. П. Пруткова, прошу вас, г. редактор, напечатать эту мою защиту в вашей газете и — остаюсь ваш искренний доброжелатель

Непременный член К. Пруткова

11 октября 1881 г. (annus,i)

<ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ>

Не признает ли редакция возможным напечатать в ближайшем нумере газеты «Новое время» прилагаемую копию с моего письма в редакцию журнала «Век», для защиты права собственности на литературное имя «Козьмы Пруткова»? Я сообщил такую же копию в редакцию газеты «Голос» и, разумеется, был бы очень благодарен редакциям тех повременных изданий, которые перепечатают это письмо у себя.

В. Жемчужников

Господину редактору журнала «Век».

М. г. Случайно увидав на днях две книги (декабрьскую 1882 г. и январскую 1883 г.) издаваемого вами журнала «Век», я был удивлен напечатанием в них статей за подписью «Козьмы Пруткова»,— подписью, не принадлежащею вам.

При этом я узнал, что и прежде вы печатали статьи за этою подписью и лишь одно время добавляли к ней какое-то слово.

В литературном и в нелитературном мире достаточно известно, что сочинения Козьмы Пруткова, доставившие известность этому имени, были сообщаемы в печать только: *Жемчужниковыми и графом Алексеем Толстым.* Об этом уже неоднократно было заявляемо печатно, начиная с 1874 г. (в «СПб. вед.», 1874 г., 6(18) февраля, № 37). Поэтому употребление подписи Козьмы Пруткова кем-либо другим, кроме вышепоименованных лиц, равносильно употреблению личных подписей этих лиц без их разрешения на это.

В настоящее время, за смертью графа Алексея Константиновича Толстого, *представителями и собственниками литературной подписи Козьмы Пруткова состоят лишь два лица:* брат мой, Алексей Михайлович Жемчужников, и я — Владимир Михайлович Жемчужников; и ни покойный гр. А. К. Толстой, ни мой брат, ни я,— никогда никому не предоставляли права пользования и распоряжения этою подписью.

Поэтому, по соглашению с упомянутым братом моим, покорнейше прошу вас, м. г.,— от него и за себя,— *прекратить употребление подписи Козьмы Пруткова и напечатать в ближайшей книге издаваемого вами журнала: что все, доселе напечатанное вами за подписью Козьмы Пруткова, и с добавкою к этому имени, не принадлежит Козьме Пруткову.*

Вместе с этим, так как ваше издание ежемесячное, и в февраль-

ской книге вы, может быть, опять напечатаете что-либо от имени Козьмы Пруткова, то я счел нужным теперь же сообщить копию с этого письма в некоторые газеты, для напечатания; дабы не приписывали Козьме Пруткову того, в чем он не повинен.

Примите, м. г., уверение в моем совершенном почтении.

Владимир Жемчужников

1-го (13-го) февраля 1883 г.
Ментона

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ПСЕВДОНИМА «КОЗЬМА ПРУТКОВ»

М. г. Начинаю с извинения, что займу слишком много места в вашей газете по поводу вопроса о псевдониме Козьмы Пруткова. Я вынужден войти в подробные объяснения потому, что г. редактор журнала «Век» дал в февральской книжке этому вопросу такой оборот в своем ответе на заявление моего брата Владимира, напечатанное недавно в «Голосе» и в «Новом времени», что дело идет теперь о литературной добросовестности покойного графа А. К. Толстого, брата моего Владимира и моей, Алексея Жемчужникова, т. е. тех трех лиц, на которых брат мой указал как на несомненных представителей Козьмы Пруткова. Впрочем, я постараюсь быть, сколь возможно, кратким и надеюсь, что это мое объяснение будет последним.

Г. Филиппов ошибается, говоря, что коллективный псевдоним «Козьма Прутков» был сочинен журналом «Современник» для своего фельетона. Этот псевдоним сочинен не редакциею «Современнника», а нами. В выборе этого псевдонима мы руководствовались нашими особыми соображениями, ни для кого, кроме нашего семейства, значения не имеющими. «Современник» для своего фельетона сочинил не псевдоним Пруткова, а названия: сперва «Литературного Ералаша», а потом «Свистка», и в своих фельетонах под этими названиями помещал, между прочим, а иногда и преимущественно, произведения Козьмы Пруткова. Редакция «Современника» знала очень хорошо, кто такие: Козьма Прутков, и потому не имела причин ни «предоставлять право пользоваться» этим псевдонимом тем, кому оно само собой бесспорно принадлежало, ни, тем более, этого права им «не предоставлять». Затем, г. Филиппов утверждает, что ему «положительно известно, что под псевдонимом Пруткова работал еще Панаев, Добролюбов и иные сатирики». Я позволю себе выра-

зить полное сомнение, чтобы участие Панаева и Добролюбова в произведениях Пруткова было г. Филиппову известно, да еще положительно. Панаев, Некрасов и Добролюбов находились в сношениях с Козьмою Прутковым и, без его разрешения, конечно, не захотели бы пользоваться его именем; а такого разрешения они у него никогда не спрашивали. Мы не отрицаем, что Панаев, Некрасов и Добролюбов (работавший в «Современнике» гораздо позднее) печатали в этом журнале *свои* шуточные и сатирические стихотворения; но мы протестуем против уверения, что они печатали их под псевдонимом Пруткова. Добролюбов подписывался в таком случае: «Яков Хам», как удостоверяет г. Гербель в своей «Христоматии для всех». Я желаю объяснить себе уверение г. Филиппова опять тем же ошибочным смешением псевдонима «Прутков» с «Литературным Ералашом» и с «Свистком». Произведения Пруткова печатались в этих отделах «Современника»; но из этого не следует, чтобы все то, что печаталось в этих отделах, принадлежало Пруткову. Во всяком случае, г. Филиппов напрасно прибегает к такому полемическому приему, как утверждение, что участие Панаева и Добролюбова в произведениях Пруткова ему *положительно известно*. Ведь идя далее по этому пути, можно было бы поставить нас в положение еще более неприятное. Можно было бы заявить о *положительной известности*, что мы, предъявляющие свои исключительные права на псевдоним Пруткова, принимали в его произведениях участие самое незначительное. Хотя г. Филиппов до этой крайности не доходит, но, тем не менее, он умаляет до того нашу роль в произведениях Пруткова, что его показание оказывается равносильным уличению моего брата в неправде. И действительно, выставлять себя творцами сочинений Пруткова, умалчивая о сотрудничестве известных писателей, притом еще таких, как Добролюбов,— это было бы с нашей стороны поступком лживым и постыдным. Я не отплачу г. Филиппову тою же монетою и заподозривать его в заведомой лжи не стану. Я повторяю мое предположение, что он ошибается, как случалось ошибаться и прежде, и в настоящее время другим по поводу псевдонима Козьмы Пруткова, который с самого своего появления сделался так популярен, что ему приписывались разные удачные шутки и сатиры, ему не принадлежавшие. Но, допуская в заявлении г. Филиппова возможность ошибки, я, однако, замечу, что решительная форма, в которую он его облек, достойна всякого порицания. Одно только неуважительное к человеческому достоинству легкомыслие способно опрометчиво и без надлежащей проверки утверждать факт, которым пятнаются честь и добросовестность людей. Вопрос о псе-

вдониме Пруткова, может быть, сам по себе совсем не важен, но важна фраза, употребленная г. Филипповым по этому вопросу: «мне положительно известно...» и проч. В настоящем случае, за невозможностью иметь отзывов Панаева и Добролюбова, оно имеет значение очистительной присяги, к которой иногда прибегают в уголовном деле. И в неважном деле, несомненно, важно показание, даваемое под ответственностью совести и чести.

Итак, сводя к общему итогу все вышесказанное, и в подтверждение заявления брата моего, Владимира, я удостоверяю своим честным словом: 1) что псевдоним: «Козьма Прутков» сочинен нами, а не «Современником»; 2) что Некрасов, Панаев и Добролюбов знали, что под этим псевдонимом пишут братья Жемчужниковы и гр. А. К. Толстой; 3) что ни Некрасов, ни Панаев, ни Добролюбов, ни «иные сатирики» к нам не обращались за разрешением печататься под принадлежащим нам псевдонимом и 4) что до нас не доходило никаких известий о том, чтобы или Некрасов, или Панаев, или Добролюбов печатали что-либо под псевдонимом К. Пруткова. Из двух последних пунктов вытекает само собою заключение, что ни один из трех названных писателей псевдонимом Пруткова втайне от нас не пользовался. Впрочем, так как они в украшение своих собственных произведений подписью Пруткова вовсе не нуждались, то этой одной причины, помимо всех прочих соображений, уже совершенно достаточно для подтверждения моего заключения.

Перед собранием, кажется, самых первых произведений Пруткова, напечатанным в «Современнике», помещено отдельно в виде эпиграфа стихотворение, Пруткову не принадлежащее. Оно, по всей вероятности, написано редакциею «Современника» и имело целью подготовить читателя к предстоящему ему чтению шуточного рода. По причине именно такого предумышленного своего характера, это стихотворение никем не могло быть отнесено к произведению музы Пруткова, по преимуществу вдохновенно-бессознательной и всегда убежденной в важности своего значения. Что же касается «иных сатириков», писавших под именем Пруткова, о которых говорит г. Филиппов, то мне помнится, что, вскоре после дебюта Пруткова, в печати (но не в «Современнике») появилось два-три не наши стихотворения за подписью Пруткова. Помню также весьма хорошо, что некоторые шуточные и сатирические стихотворения, нам также не принадлежавшие, приписывались обществом Пруткову, хотя и не были подписаны его именем. В то время мы считали неудобным ни разъяснять печатно ошибочные толкования, ни протестовать против самовольного употребления посторонними лица-

ми нам принадлежащего псевдонима, чтобы не придавать нашим шуткам серьезного значения и не объявлять публично имен, скрывавшихся под этим псевдонимом. Г. Гербель, в биографическом обо мне очерке, перечисляя произведения Пруткова, упоминает, между прочим, о трех юмористических стихотворениях, напечатанных в «Развлечении» 1861 года: «Простуда», «Я встал однажды рано утром» и «Сестру задев случайно шпорой». Из этого следует заключить, что эти стихотворения были подписаны именем Пруткова; но они, однако, ему не принадлежат. Одно из них «Я встал однажды рано утром» помещено даже г. Гербелем в его христоматии, в числе избранных стихотворений Пруткова. Таким образом, заявление г. Филиппова, что под именем Пруткова писали «иные сатирики», подтверждается; но из этого следует только то, что «иные сатирики», приняв псевдоним Пруткова, воспользовались правом, им не принадлежащим, и тем ввели в заблуждение г. Гербеля, приписавшего эти стихотворения мне. Кстати, по поводу христоматии Гербеля: происхождение литературной личности Козьмы Пруткова так известно в литературе и в обществе, близко к ней стоящем, что г. Гербель, разоблачая этот псевдоним, объявляет прямо, что Прутков есть не кто иной, как я, Алексей М. Жемчужников. Он ошибся, приписав одному мне все произведения Пруткова (я указал в свое время на эту ошибку печатно [1]); но он прав в том отношении, что указывает верно на происхождение Пруткова, обязанного своим существованием исключительно нашему семейству, т. е. братьям Жемчужниковым и двоюродному нашему брату гр. А. К. Толстому.

Я полагаю, что мое объяснение не лишено доказательности в пользу правоты нашего протеста, и не теряю надежды, что оно может заставить г. Филиппова усомниться в его собственной правоте, тем более что приводимый им в свое оправдание аргумент, что будущие его сотрудники гг. Краевский и Пыпин имеют же право подписываться своими фамилиями, несмотря на то что они — однофамильцы А. А. Краевского и А. Н. Пыпина,— совсем не убедителен и крайне несостоятелен. Имя и фамилию человек носит не по своему произволу и потому ни в каком случае отказываться от них в печати не обязан; но псевдоним он выбирает сам и при выборе волен руководствоваться условиями приличия. Так, например, писателю Крестовскому никто не поставит в укор, что он подписывает свои сочинения своею фамилиею, хотя в литературе уже известен

---

[1] Мне говорили, что во втором издании христоматии эта ошибка, несмотря на мою поправку, не исправлена.

псевдоним Крестовский; но если бы явился писатель, не носящий фамилии Щедрин, но выбравший себе этот псевдоним для печатания своих сатирических произведений, то такой его поступок оказался бы очень неблаговидным. По существующим в литературе обычаям, скромный Козьма Прутков не может быть лишен права, каким пользуются литературные знаменитости. Под именем Козьмы Пруткова, кроме нас, имел бы право писать только тот, кто наследовал эту фамилию от своих родителей и наречен при крещении Козьмою. Следовательно, г. М. Филиппов этого права не имеет. Если мы не протестовали прежде против незаконного употребления другими лицами нам припадлежащего псевдонима, то это не значит, чтобы мы вовсе отказались от права предъявить этот протест, когда нам заблагорассудится. И теперь мы его предъявляем по следующим причинам: 1) так как Прутков окончил свое поприще и притом удостоился чести занять в литературе особое, собственно ему принадлежащее, место, то мы не желаем, чтобы его именем пользовались лица, не участвовавшие в составлении его литературной репутации; и 2) незаконное пользование его псевдонимом не имеет уже характера случайного, как это бывало прежде, но употребляется теперь постоянно и преднамеренно в журнале «Век». Хотя г. Филиппов и утешает нас тем, что объявил в своем журнале, что он не Козьма Прутков «Современника», но этого нам недостаточно. Читатель «Века» может не знать об этом объявлении, или о нем позабыть, и принимать подложного Пруткова за настоящего.

Если г. Филиппов не убедится нашими доводами и не склонится на наше приглашение расстаться с принадлежащим нам псевдонимом, то мы должны будем принять другие меры. Одна из них будет заключаться в том, что мы предпошлем полному собранию сочинений Пруткова,— к изданию которого намереваемся приступить,— предостерегательное от злоупотребления его именем объяснение, а самую книгу заключим следующею отметкою: «С подлинным верно. Алексей и Владимир Жемчужниковы». Такую же отметку будем употреблять и при печатании посмертных произведений Пруткова, если таковые найдутся. В заключение объявляю, что так как за смертью гр. А. К. Толстого «триумвират», взявший на себя право и обязанность как взаимной себя проверки, так и сортировки и окончательной редакции творений Пруткова, уже не существует, то это право и эта обязанность остаются теперь только за двумя лицами; так что гарантией подлинности и годности к печати творений Козьмы Пруткова будут отныне служить только подписи Жемчужниковых, Алексея и Владимира — или обоих вместе, или, в случае

спешной необходимости, одного из двух. При издании Пруткова, мы упомянем еще о некоторых лицах нашего кружка, участие которых в его произведениях было или только случайное, или не столь деятельное и самостоятельное, и исключим из этого издания некоторые вещи, которые, хотя и вышли из нашего же кружка и уже были напечатаны, но, по нашему мнению, не согласны с общим характером творений Пруткова. Об этом предмете теперь не распространяюсь потому, что мое настоящее письмо имело в виду только ограждение Козьмы Пруткова от покушений на его самостоятельность и добрую славу со стороны лиц, ему совершенно чуждых.

Примите и пр.

Алексей Жемчужников

11-го апреля 1883 г.
Берн.

ПИСЬМА В. М. ЖЕМЧУЖНИКОВА К А. Н. ПЫПИНУ

Hôtel Bristol.
$\frac{6}{18}$ф./83
Menton. France.

1

Многоуважаемый Александр Николаевич,

Вероятно, Вы уже давно получили мой первый ответ (от 7/19 янв.) на Ваше письмо от 30 декабря прошлого года, относительно достолюбезного и достопочтенного Косьмы Пруткова. Я, в том ответе, обещал Вам сведения по всем, поставленным Вами, вопросам,— когда предварительно соглашусь с моим братом Алексеем и затем соберусь сам с расположением и силами. Зная лень моего брата, я полагал, что он возложит весь труд объяснений по Вашим вопросам на меня, оставив за собою лишь окончательное утверждение; поэтому я и выговаривал себе время, будучи теперь не в здоровом расположении духа и не в здоровых силах. Но, к удивлению моему, вчера получен мною такой обстоятельный ответ от него на Ваши вопросы (мною ему переданные), что мне остается только переписать этот ответ здесь дословно, лишь с ничтожными дополнениями, которые, ради точности, я пишу здесь без вносных знаков, отмечая его слова вносными знаками. Я прислал бы Вам ответ его в подлиннике, если б он был написан особо, а не в тексте письма, не имеющего связи с К. Прутковым.

Вот наши ответы на вопросы о Косьме Пруткове:

Извлечение из письма брата моего Алексея, от 1/13 фев., ко мне, из Берна:

«Достопочтенный Косьма Прутков — это ты, Толстой и я. Все мы тогда были молоды, и «настроение кружка»[1], при котором возникли творения Пруткова, было веселое, но с примесью сатирически-критического отношения к современным литературным явлениям и к явлениям современной жизни. Хотя каждый из нас имел свой особый политический характер, но всех нас соединила плотно одна общая нам черта: полное отсутствие «казенности» в нас самих и, вследствие этого, большая чуткость ко всему «казенному». Эта черта помогла нам — сперва независимо от нашей воли и вполне непреднамеренно, создать тип Кузьмы Пруткова, который до того казенный, что ни мысли его, ни чувству недоступна никакая, так называемая, злоба дня, если на нее не обращено внимания с казенной точки зрения. Он потому и смешон, что вполне невинен. Он как бы говорит в своих творениях: «все человеческое — мне чуждо». Уже после, по мере того как этот тип выяснялся, казенный характер его стал подчеркиваться. Так, в своих «прожектах» он является сознательно казенным человеком. Выставляя публицистическую и иную деятельность Пруткова в таком виде, его «присные» или «клевреты» (как ты называешь Толстого, себя и меня) тем самым заявили свое собственное отношение «к эпохе борьбы с превратными идеями, к деятельности негласного комитета» и т. д.[2]. Мы богато одарили Пруткова такими свойствами, которые делали его ненужным для того времени человеком, и беспощадно обобрали у него такие свойства, которые могли его сделать хотя несколько полезным для своей эпохи[3]. Отсутствие одних и присутствие других из этих свойств — равно комичны; и честь понимания этого комизма принадлежит нам.

В афоризмах обыкновенно выражается житейская мудрость. Прутков же в большей части своих афоризмов или говорит с важностью казенные, общие места; или с энергиею вламывается в

---

[1] Это выражение «настроение кружка» употреблено моим братом из поставленного Вами, Александр Николаевич, вопроса, который я передал ему дословно. *В. Ж.*

[2] Эти слова: «к эпохе... комитета» взяты опять из Вашего, Алекс. Ник-ч, вопроса. *В. Ж.*

[3] Т. е. если б он действительно жил, а не был вымышленным в насмешку лицом. *В. Ж.*

открытые двери; или высказывает мысли, не только не имеющие соотношения с его эпохою и с Россиею, но стоящие, так сказать, вне всякого места и времени. Будучи очень ограниченным, он дает советы мудрости. Не будучи поэтом, он пишет стихи. Без образования и без понимания положения России он пишет «прожекты». Он современник Клейнмихеля, у которого усердие все превозмогало. Он воспитанник той эпохи, когда всякий, без малейшей подготовки, брал на себя всевозможные обязанности, если Начальство на него их налагало. А Начальство при этом руководствовалось теми же соображениями, какими руководствовался помещик, делая из своих дворовых одного каретником, другого музыкантом и т. д. Кажется, Кукольник раз сказал: «если Ник. Павл. повелит мне быть акушером, я завтра же буду акушером». Мы всем этим строем вдохновились художнически и создали Пруткова. А что Прутков многим симпатичен — это потому, что он добродушен и честен. Несмотря на всю свою неразвитость, если бы он дожил до настоящего времени, он не увлекся бы примерами хищничества и усомнился бы в нравственности приемов Каткова.— Создавая Пруткова, мы все это чуяли, и, кроме того, были веселы и молоды, и — талантливы.

Отношения Пруткова к «Современнику»[1] возникли от связей с «Современником» моих и твоих. Я помещал в «Современнике» свои комедии и стихи, а ты был знаком с редакцией.

Вот вкратце мои мысли о том, как возник Прутков и о причинах его удачи и успехов. Я сказал бы еще более, но боюсь слишком расписаться».

Этот краткий очерк сущности, смысла и причины самого появления Козьмы Пруткова столь верен и полон, что мне нечего прибавить в ответ на Ваши вопросы. Лишь в целях биографических и библиографических я добавлю несколько мелочей и перечень его творений; потому что, по приобретении им заслуженной славы, было напечатано под его именем много не достойного его и вовсе не принадлежащего ему. (Полное собрание его сочинений, с биографиею, давно подготовляется мною к изданию, но доселе я не имел досуга для этого издания. Теперь, свободный по болезни и проживая недалеко от брата Алексея, надеюсь окончить эту подготовку, и тогда останется только напечатать и издать. Возьмется ли типография Михаила Матвеевича сделать это издание, с портретом, име-

[1] Это опять из текста Ваших вопросов. *В. Жем.*

ющимся у Вас?) Формат портрета велик, но так было сделано с умыслом, для сохранения притязательности Пруткова и в наружности издания его сочинений; это формат издания «Ста русских литераторов». Портрет этот, рисованный художником (впоследствии профессором) Бедеманом и братом нашим Львом, бывшим товарищем Бедемана в Акад. Художеств,— сделанный по нашим (т. е. трех клевретов Пруткова) указаниям,— был отпечатан, по моему заказу, пред отъездом моим на службу в Сибирь, в 1853—4 гг., когда предполагалось уже издать собрание сочинеинй Пруткова. Но цензор не дозволил выпуска этого портрета из литографии, подозревая, что это также насмешка над каким-либо действительным лицом. Я успел взять себе лишь несколько экземпляров, оставив остальные в складе у литографа, на хранении до востребования, разумеется уплатив ему сполна за все; но когда я возвратился из Сибири и когда кончилась Крымская война, то у литографа не оказалось ни одного экземпляра: прежний хозяин умер, мастерская перенесена в другой дом, и наследники говорили, что не принимали и не знают подобного портрета! Мои экземпляры портрета разошлись по разным знакомым; а впоследствии мне сказывали, будто бы портрет этот продавался на толкучем рынке! Благо у Вас есть экземпляр этого портрета, то не одолжите ли его для отлитографирования вновь к изданию всех соч. К. Пруткова?

Нравственный и умственный образ К. Пруткова создался, как говорит мой брат, не вдруг, а постепенно, как бы сам собою, и лишь потом дополнялся и дорисовывался нами сознательно. Кое-что из вошедшего в творения Кузьмы Пруткова было написано даже ранее представления нами, в своих головах, единого творца-литератора, типического, самодовольного, тупого, добродушного и благонамеренного. Сначала просто писалось от веселости и без заботы о сохранении в написанном какой-либо общей черты, кроме веселости и насмешки. Впрочем, это было непродолжительно, именно: так была написана в 1850 г. шутка-водевиль «Фантазия», за подписью Y и Z, данная в декабре того года на Александринском театре в бенефис Максимова 1-го и тотчас же запрещенная по высочайшему повелению, потому что откровенность шутки показалась и государю и публике слишком дерзкою. Эта шутка была написана гр. Алексеем Толстым и моим братом Алексеем. Потом, летом 1851 или 1852 г., во время пребывания нашей семьи (без гр. Толстого) в Орловской губ. в деревне, брат мой Александр сочинил, между прочим, исключительно ради шутки, басню «Незабудки и запятки»; эта форма стихотворной шалости пришлась нам по вкусу, и тогда же были состав-

лены басни, тем же братом Александром при содействии бр. Алексея: «Цапля и беговые дрожки» и «Кондуктор и тарантул», и одним бр. Алексеем: «Стан и голос» и «Червяк и попадья». Кроме последней из этих басней, остальные были напечатаны в «Современнике» в том же году, без обозначения имени автора, потому что в то время еще не родился образ К. Пруткова. Однако эти басни уже зародили кое-какие мысли, развившиеся впоследствии в брате моем Алексее и во мне до личности Пруткова; именно: когда писались упомянутые басни, то в шутку говорилось, что ими доказывается излишество похвал Крылову и др., потому что написанные теперь басни не хуже тех. Шутка эта повторялась и по возвращении нашем в Спб. и вскоре привела меня с бр. Алексеем и гр. А. Толстым (брат Александр был в то время на службе в Оренбурге) к мысли писать от одного лица, способного во всех родах творчества. Эта мысль завлекла нас, и создался тип Косьмы Пруткова. К лету 1853 г., когда мы снова проживали в елецкой деревне, набралось уже очень достаточно таких произведений; а летом прибавилась к ним комедия «Блонды», написанная бр. Александром при содействии бр. Алексея и моем. Осенью, по соглашению с А. Толстым и бр. моим Алексеем, я занялся окончательною редакциею всего подготовленного и передал это Ив. Ив. Панаеву для напечатания в «Современнике». Редакция «Современника» оценила это по достоинству и напечатала в отделе «Ералаш», дотоле не существовавшем, добавив стихотворный эпиграф — кажется — Некрасова. Кроме этого эпиграфа, напечатанного, без подписи, впереди соч. Пруткова, решительно ничего нет ни панаевского, ни некрасовского в сочинениях К. Пруткова.

Во все это время продолжалась уже сознательная работа от имени К. Пруткова, передававшаяся чрез меня в редакцию «Современника». Затем началась восточная война, я уехал на службу в Тобольскую губ., и творчество Пруткова замолкло. В Тобольске я познакомился с Ершовым (творцом «Конька-горбунка»). Мы довольно сошлись. Он очень полюбил Пруткова, знакомил меня также с прежними своими шутками и передал мне свою стихотворную сцену «Черепослов, сиречь Френолог», прося поместить ее куда-либо, потому что «сознает себя отяжелевшим и устаревшим». Я обещал воспользоваться ею для Пруткова и впоследствии, по окончании войны и по возвращении моем в СПб., вставил его сцену, с небольшими дополнениями, во 2-ое действие оперетты «Черепослов», написанной мною с бр. Алексеем и напечатанной в «Современнике» 1860 г.— от имени отца Пруткова, дабы не портить уже

вполне очертившегося образа самого Косьмы Пруткова.— Затем Косьма Прутков должен был умереть, потому что мы, три его присных, или клевретов, проживали в разных местах, уже не были такими молодыми и веселыми и соединялись воедино лишь изредка [1].— Я сказал уже, что в печати явилось кое-что от имени К. Пруткова, вовсе не принадлежащее ему. Чтоб очистить его память и образ, исчисляю тут все то, что входит в «Полное собрание его сочинений»:

Басни:

Незабудки и запятки.

Кондуктор и тарантул.

Стан и голос.

Попадья и червяк.

Пастух, молоко и читатель.

Архитектор и птичница.

Помещик и садовник.

Звезда и брюхо.

Урок внучатам.

Пятки некстати.

Помещик и трава.

Чиновник и курица.

Сценические творения:

Фантазия.

Черепослов, сиречь Френолог.

Блонды.

Опрометчивый турка, или Приятно ли быть внуком?

Министр плодородия (рукопись была передана в ред. «Современника» 1863 или 4 г., не напечатана и *не возвращена).*

Проза:

Записки деда.

Мысли и афоризмы. Плоды раздумья.

От известного Кузьмы Пруткова неизвестному фельетонисту «СПбургских ведомостей», по поводу статьи сего последнего (в № 80 «СПб. вед.» 1860 г.). В этом ответе (в «Совр.», 1860 г., за май) Прутков сам определяет литературное свое значение.

Краткий некролог («Совр.», 1863 г., IV).

Прожекты.

Объяснения непременного члена К. Пруткова: в «Нов. врем.»,

---

[1] См. также в № 37 «СПб. вед.» 1874 г. «Корреспонденция» Алексея Жемчужникова.

1877 г., № 392, и в «Нов. врем.», 1881 г., № 2026 (в этом последнем басня «Звезда и брюхо» напечатана не вполне верно).

Стихи:

К моему портрету.
Козак и Армянин (не б. напечатано).
Честолюбие.
Путник.
Спор греческих философов об изящном.
Поездка в Кронштадт.
Возвращение из Кронштадта.
Эпиграмма № 1.
Эпиграмма № 2.
Письмо из Коринфа.
Желание быть испанцем.
Древней греческой старухе, если б она домогалась моей любви.
Из Гейне № 1.
К толпе.
*** подражание Гейне.
Безвыходное положение.
Эпиграмма № 3.
Осада Памбы.
В альбом красивой чужестранке.
Баллада.
Пластический грек.
В альбом.
Из Гейне № 2.
К друзьям после женитьбы.
Мое вдохновение.
Аквилон.
Желания поэта.
Мой сон.
Память прошлого.
Осень.
Разочарование.
Философ в бане.

Очень возможно, что при окончательном просмотре творений К. Пруткова, для их издания отдельным сборником, иное будет исключено даже из этого перечня, для цельности и достоинства типа.

Вот, кажется, достаточно полный ответ на вопросы Ваши, Александр Николаевич, относительно Косьмы Пруткова; а от нас обоих, т. е. от остающихся двух клевретов К. Пруткова, искреннее спасибо Вам за уважение к его имени и к достойной памяти о нем.

Не ответите ли и мне что-либо на мой вопрос относительно изд. «Полн. собр. соч. К. Пр.»?

Да будет Вам все наилучшее.

Ваш *В. Жемчужников.*

2

$\frac{15}{27}$ф./83 *Hôtel Bristol.*

Menton France.

Я уже ответил Вам, уважаемый Александр Николаевич, от 7/19 января и (заказным) от 6/18 февраля, на вопросы Ваши о К. Пруткове; но шлю еще этот добавок: 1-е) в вящее объяснение личности К. П. Пруткова, на основании дальнейшей моей переписки о нем с моим братом Алексеем; и 2-е) в дополнение к посланному Вам (в письме от 6/18 фев.) перечню его «творений».

I) Подобно шекспировскому Гамлету, Косьма или Кузьма Прутков достоин и требует обстоятельных «комментариев». Так, между прочим, постыдно промахнулся бы тот, кто не усмотрел бы и не оценил бы в нем одной из важнейших сторон его литературной личности, поразительно верно выражающей вообще образцовые черты современных русских, из числа учившихся и «образованных». Эта, здесь указываемая, сторона его личности заключается — в самодовольстве, в самоуверенности, в решительности и смелости выводов и приговоров. Эти черты господствуют у нас и теперь, едва ли даже не резче прежнего, но теперешняя суть их иная; прежде они исходили преимущественно из в н е ш н е г о значения человека, а теперь они исходят из в н у т р е н н е г о самодовольства, из уверенности почти каждого в глубине своих поверхностных взглядов и своих маленьких познаний и в принадлежности своей к чину «интеллигенции». Замечательно, что в Пруткове совместились оба эти вида самодовольства и решительности; но неизвестно: произошло ли это от разнообразного богатства его природы, или же и в современном ему обществе существовали оба эти вида, лишь не в одинаковой степени, как существуют всегда? Во всяком случае К. Прутков, живя и действуя в эпоху суровой власти и предписанного мышления, понял силу власти и команды и сам стал властью: он не заслуживает, а требует уважения, почитания и даже любви,

и — получает их не только от современников, но и от потомства. Такое отношение к своим читателям и слушателям выразилось у него, всего более, в афоризмах, в «плодах раздумья». Иногда он действительно вдумывается, и тогда изрекает не наставление или совет, а приказ, команду, предписание; напр., в афоризмах: «если хочешь быть счастливым, будь им!» — «смотри в корень!» — «бди!» и т. п. Иногда же он вдохновляется только прихотью, властью, командой, и столь же повелительно изрекает свои предписания, хотя в них нельзя найти ни повода, ни мысли, ни цели; таковы, напр., афоризмы: «если у тебя есть фонтан, заткни его: дай отдохнуть и фонтану»; «стрельба в цель упражняет руку и причиняет верность глазу»; «в доме без жильцов известных насекомых не обрящешь», и т. п.— Во всех этих случаях он покоряет читателя своею смелостью, требовательностью, самоуверенностью. Он, как зачастую случается в жизни, заставляет, своею смелостью, признать за ним достоинства и значение. Он завоевывает себе славу, имя поэта, философа, мыслителя и мудреца; так почитали его при жизни, так почитают и поныне. И он тем достойнее такой славы, что приобрел ее не случайно, не прирожденными качествами, но — сознательно, простым хотением заставить общество смотреть прутковскими глазами и думать прутковским умом. Я очень любил Кузьму Петровича Пруткова и потому скажу решительно, что он был гений.

II) По распадении Косьмы Пруткова, т. е. по смерти его, многое печаталось беззаконно и бесстыдно от его имени. Так и доселе поступает редактор журнала «Век», г-н Филиппов. Из числа напечатанного в то время от имени К. Пруткова только в комедии «Любовь и Силин», напечатанной в журнале «Развлечение», № 18, 1861 г., и в малой частице фельетонов «Спб. вед.» 1876 г.— имеется кое-что действительно прутковское; но это «кое-что» смешано со столькими чужим и нисколько не свойственным К. Пруткову, что лишь он один, если б еще жил и пребывал в прежних силах, мог бы очистить свое от примешанного и представить это свое публике, в должной отделке. Но для этого уже миновало время; и потому «Любовь и Силин», а тем паче помянутые фельетоны, должны быть сполна причислены к чьим-то чужим сочинениям, неправильно выданным за прутковские. Кроме поименованного в данном Вам перечне, нет никаких иных творений Кузьмы Пруткова.

Кончая сим, желаю Вам повторительно всего наилучшего.

В. Жемчужников

ОТ ИЗДАТЕЛЕЙ

Во время приготовления к изданию настоящего полного собрания сочинений Козьмы Пруткова до издателей дошел слух: 1) что в публике ходят по рукам рукописные пасквильные и неприличные стихотворения, подписанные именем Козьмы Пруткова, и 2) что в журнале «Век» продолжается печатание статей, подписанных подложно этим же именем.

Издатели настоящего собрания сочинений Козьмы Пруткова, как единственные, по смерти графа Алексея Константиновича Толстого, лица, имеющие законное право говорить от имени Козьмы Пруткова и печатать его произведения, уже неоднократно протестовали печатно против злоупотребления этим именем. Они вынуждены теперь повторить свой протест,— не с целию бесполезной попытки исправить литературные нравы, но в предостережение нашей публики от обмана.

В предисловии к настоящему изданию (см. «Биографические сведения о Козьме Пруткове») перечислены те произведения Козьмы Пруткова, которые, принадлежа ему, *не вошли* в это собрание его сочинений, по соображениям издателей. Засим, все *написанное* Козьмою Прутковым — в этом издании *напечатано.* Следовательно, всякие *другие* произведения, в стихах или в прозе, рукописные или печатные, оглашенные от имени Козьмы Пруткова, *не принадлежат ему,* т. е. составляют подлог. Лица, прибегающие к такому подлогу, очевидно желают: или придать своим произведениям значение и вес, облекаясь в популярное имя Козьмы Пруткова, или взвалить на него совершение таких поступков, за которые сами хотят избегнуть ответственности.

ИЗ ДНЕВНИКА АЛЕКСЕЯ ЖЕМЧУЖНИКОВА

1883-й год. Ноябрь 27/15
Pension Neptun, Zürich.

Государь Николай Павлович был на первом представлении «Фантазии», написанной Алексеем Толстым и мною. Эта пьеса шла в бенефис Максимова. Ни Толстой, ни я в театре не были. В этот вечер был какой-то бал, на который мы оба были приглашены и на котором быть следовало. В театре были: мать Толстого и мой отец с моими братьями. Воротясь с бала и любопытствуя знать: как про-

шла наша пьеса, я разбудил брата Льва и спросил его об этом. Он ответил, что пьесу публика ошикала и что государь в то время, когда собаки бегали по сцене во время грозы, встал со своего места с недовольным выражением в лице и уехал из театра. Услышавши это, я сейчас же написал письмо режиссеру Куликову, что, узнав о неуспехе нашей пьесы, я прошу его снять ее с афиши и что я уверен в согласии с моим мнением графа Толстого, хотя и обращаюсь к нему с моей просьбой без предварительного с гр. Толстым совещания. Это письмо я отдал Кузьме, прося снести его завтра пораньше к Куликову. На другой день я проснулся поздно, и ответ от Куликова был уже получен. Он был короток: «Пьеса ваша и гр. Толстого уже запрещена вчера по высочайшему повелению».


Примечания

Первый шаг в развитии «литературной физиономии» Пруткова в начале 1850-х годов сделали А. К. Толстой и Алексей Жемчужников. «Мы, я и Алексей Константинович Толстой... жили вместе и каждый день сочиняли по какой-нибудь глупости в стихах,— рассказывал А. М. Жемчужников И. А. Бунину,— потом решили собрать и издать эти глупости, приписав их нашему камердинеру Кузьме Пруткову» (И. А. Бунин, Автобиографические заметки, 1927 года).

Сами они на первых порах расценивали эти свои произведения не более как литературные шутки, не представляя еще образ Пруткова, который создавался и дорисовывался постепенно. Так была написана в 1850 году Толстым и Алексеем Жемчужниковым шутка-водевиль «Фантазия» и пять басен: «Незабудки и запятки», «Цапля и беговые дрожки» и др. Однако имя Пруткова появилось в печати позднее, в 1854 году, когда в юмористическом приложении к журналу «Современник» «Литературный ералаш» публиковались его «Досуги и пух и перья».

Со временем авторы создали биографию Пруткова с датами жизни и смерти, был даже написан его портрет, стали известны его предки и потомки. В жизнеописании Пруткова очерчены его служебная и литературная деятельность; в характеристиках, данных ему Жемчужниковыми и Толстым, запечатлены черты его личности — «самодовольного, тупого, добродушного и благонамеренного» писателя. Это не литературный псевдоним, а «вымышленное в насмешку лицо», комический тип — характерная фигура своего времени.

После публикации в «Современнике» в 1854 году Прутков не появлялся в печати несколько лет. Лишь в 60-х годах возобновилась его деятельность, на которой по-своему отразилась сложная эпоха

крестьянских реформ и вызванные ею новые веяния в русской жизни. Прутков «в период подготовления реформ... как бы растерялся,— писал В. Жемчужников.— Сначала ему казалось, что из-под него уходит почва, и он стал роптать» и, чтобы отличиться, писал «преобразовательные проекты», которые не имели успеха, «стал впадать в уныние, даже приходил в отчаяние. В один из моментов такого мрачного отчаяния он написал мистерию: «Сродство мировых сил»... Вскоре, однако, он успокоился, почувствовав вокруг себя прежнюю атмосферу, а под собою — прежнюю почву. Он снова стал писать проекты, но уже стеснительного направления, и они принимались с одобрением. Это дало ему основание возвратиться к прежнему самодовольству и ожидать значительного повышения по службе».

Произведения Пруткова в эти годы печатались в революционно-демократических журналах — «Современнике» и «Искре», и некоторые — в журнале «Развлечение». Продолжали появляться «Плоды раздумья», «Гисторические материалы», «Досуги» и комедии.

В 1863 году в «Современнике» был напечатан «Краткий некролог», извещавший о смерти директора Пробирной Палатки — Козьмы Пруткова. Его сочинения продолжали пользоваться успехом у читателей и в дальнейшем. Творчество К. Пруткова — великолепный образец русской сатирической литературы — ценилось Герценом и Достоевским, Гончаровым и Л. Толстым.

Первое «Полное собрание сочинений Козьмы Пруткова» вышло в 1884 году. Над подготовкой его Жемчужниковы работали много лет. В 1883 году В. М. Жемчужников писал издателю М. М. Стасюлевичу, что издание «всего К. Пруткова» он «взял на себя еще при жизни всех трех создателей Пруткова» («М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке», т. IV, СПб. 1912, стр. 318). В. М. Жемчужников, по соглашению с А. К. Толстым и Алексеем Жемчужниковым, приступил к редактированию произведений Пруткова в 1853 году. Тогда же для готовящегося собрания сочинений был литографирован портрет К. Пруткова. Но издание это не было осуществлено. В 1859 году была сделана новая попытка издать сочинения К. Пруткова (сохранилась наборная рукопись с цензурным разрешением этого года), но по неизвестным причинам и на этот раз осуществить издание не удалось. Работа по подготовке собрания сочинений продолжалась, и 2 апреля 1876 года В. М. Жемчужников сообщал Стасюлевичу: «Собрание сочинений настоящего Пруткова

приводится мною в окончательный порядок и, по изготовлении, будет Вам показано» (т а м ж е, стр. 312).

Главная роль в подготовке собрания сочинений к печати принадлежит Владимиру Жемчужникову. «Отдельное издание К. Пруткова делается собственно моим трудом, с просмотром брата моего Алексея»,— писал он в 1884 году (т а м ж е, стр. 325).

В сочинениях Пруткова в издании 1884 года, кроме произведений, публиковавшихся в журналах, впервые были напечатаны также такие, например, стихотворения, как «Новогреческая песнь», «Предсмертное», мистерия «Сродство мировых сил».

Была проведена большая работа по отбору и исправлению журнальных текстов. В. Жемчужников писал Стасюлевичу 16/6 октября 1883 года: «Наконец я сейчас отправил на Ваше имя, под бандеролью *recommandée*, рукопись *«Полного собрания сочинений Козьмы Пруткова».* Вышла объемистее, чем я писал Вам в Dinard, потому что, по соглашению с моим братом Алексеем, мы прибавили немало противу того, что когда-либо было напечатано» (т а м ж е, стр. 317). Для готовившегося издания подвергся коренной переработке «Проект: о введении единомыслия в России» (первая публикация — 1863 г.). Образ Пруткова, угоднически преданного властям гонителя свободомыслия, стал еще более выразительным. Несомненно, что лишь из-за цензуры «Проект» не попал в собрание сочинений. В этом издании в комедии «Фантазия» Жемчужниковы восстановили и отметили в подстрочных примечаниях все цензурные купюры; цензурные искажения текста были устранены также в комедии «Любовь и Силин», которую, как это видно из сохранившихся рукописей, предполагалось включить в собрание сочинений.

В январе 1884 года собрание сочинений Пруткова в одной книге вышло в свет. По свидетельству современников, оно «через неделю, через две после своего выхода исчезло из книжных лавок». «Успех, можно сказать, давно небывалый»,— писал один из рецензентов газеты «Новое время» (1884, 30 марта, № 2905).

На второй же месяц после выхода книги, в феврале 1884 года, Владимир Жемчужников повел переговоры со Стасюлевичем о ее переиздании. Он писал своему издателю: «Жаль начать теперь же печатать *второе* издание, потому что в намерениях моих и моего брата Алексея было — *дополнить* второе издание, а для этого потребно время: кое-что не удалось мне отыскать и доселе (об одном из неотыскивающихся произведений К. Пруткова я пишу сегодня же А. Н. Пыпину, на случай возможности разыскать *оное* в архиве последних годов «Современника», а кое-что не готово. Кроме того,

надо исправить во 2-м издании некоторые ошибки первого, вкравшиеся, вероятно, в моей рукописи. Надо также выкинуть некоторые афоризмы, вошедшие в 1-е издание, но плоховатые; всего бы лучше заменить их новыми, а такие новые надо сочинить не в одиночку, но по соглашению с моим братом Алексеем» («М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке», т. IV, СПб. 1912, стр. 327).

Однако столь значительных изменений во 2-м издании сделано не было. Афоризмы остались те же, только некоторые из них улучшены стилистически, остался прежним и весь остальной состав книги, снята лишь предварявшая собрание сочинений 1884 года небольшая заметка «От издателей». Пополнить книгу произведением, затерянным в архиве «Современника», не удалось. Несомненно, В. Жемчужников имел здесь в виду рукопись комедии «Торжество добродетели» («Министр плодородия»), которая не была пропущена цензурой (см. стр. 435 наст. изд.). 28 марта/9 апреля 1884 года В. Жемчужников сообщал Стасюлевичу, что «кроме корректурных исправлений, никаких перемен в тексте 2-го издания К. Пруткова, по всей вероятности, не пожелаем сделать: ни мой брат Алексей, ни я» («М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке», т. IV, СПб. 1912, стр. 329).

В архиве Института русской литературы Академии наук СССР (Пушкинский дом) сохранился экземпляр «Полного собрания сочинений Козьмы Пруткова» изд. 1884 года, с многочисленными поправками Владимира Жемчужникова. Но далеко не все поправки внесены во 2-е издание, вышедшее в 1885 году; по-видимому, в корректуре авторы продолжали работу над текстом. До 1916 года сочинения Пруткова переиздавались еще десять раз.

Наиболее полно издавался Прутков в советское время,— научно-исследовательские работы советских ученых явились новым этапом в изучении творчества Козьмы Пруткова. В 1927 году вышло «Полное собрание сочинений Козьмы Пруткова», под редакцией Б. Томашевского и К. Халабаева, в разделе приложений которого даны произведения, ранее не включавшиеся в собрания сочинений К. Пруткова. В издании Academia, М.— Л. 1933 (редактор П. Н. Берков), отдел приложений еще более расширен, а научный комментарий включает важнейшие варианты текстов и подробные библиографические сведения о Пруткове. Но в этом издании не учтены как авторская переработка произведений, так и структура собраний сочинений 1884 и 1885 годов: тексты напечатаны по журнальным публикациям и в той последовательности, в какой они появлялись в периодической печати. Впервые тексты собрания со-

чинений 1885 года были взяты за основу Б. Я. Бухштабом — редактором «Полного собрания сочинений» Козьмы Пруткова, изд. «Советский писатель», М. 1949 (Большая серия «Библиотеки поэта»). В примечаниях к этому изданию также впервые опубликованы многие варианты текстов.

В настоящее издание вошли все известные произведения К. Пруткова. Тексты печатаются по изданию: «Сочинения Козьмы Пруткова», Гослитиздат, М. 1955, в основу которого положено «Полное собрание сочинений Козьмы Пруткова», второе издание, СПб. 1885, сверенное по первым публикациям, по изданию 1884 года и по рукописям. В «Приложениях» под цифрой I даны предисловия к журнальным публикациям и произведения, принадлежащие или по всей вероятности принадлежащие Александру Жемчужникову, но не включавшиеся его братьями в собрания сочинений Пруткова. Здесь же помещено стихотворение Алексея Жемчужникова, написанное в 1907 году: «Посмертное произведение Козьмы Пруткова». Под цифрой II в «Приложения» включены корреспонденции В. М. и А. М. Жемчужниковых и дневниковая запись Алексея Жемчужникова.

В примечаниях приводятся сведения о темах прутковских пародий, взятые нами из работ П. Н. Беркова: 1) «Козьма Прутков — директор Пробирной Палатки и поэт», изд. АН СССР, Л. 1933; 2) комментарий к «Полному собранию сочинений» Козьмы Пруткова, изд. «Academia», М.— Л. 1933.

Подстрочные примечания принадлежат Козьме Пруткову или авторам статей и писем, за исключением иноязычных переводов, сделанных редакцией.

Принадлежность произведений Пруткова тому или иному из его создателей во многих случаях отмечена В. М. и А. М. Жемчужниковыми в рукописях или указана в их письмах. Кроме того, авторство бесспорно устанавливается иногда на основании автографов. Но в ряде случаев не представляется возможным выяснить принадлежность стихотворений или прозаических сочинений Толстому или Жемчужниковым, поэтому приводимый ниже перечень произведений по авторам не исчерпывает всего наследия Пруткова.

Алексею Толстому принадлежит:

Эпиграмма № 1
Юнкер Шмидт
Письмо из Коринфа

Древний пластический грек
Память прошлого
Мой портрет

Владимиру Жемчужникову:

Немецкая баллада
Разница вкусов
Поездка в Кронштадт
Мое вдохновение
Аквилон
Проект: о введении единомыслия в России
К друзьям после женитьбы
Пятки некстати
Эпиграмма № III
Желания поэта
Безвыходное положение
В альбом красивой чужестранке
К толпе
Возвращение из Кронштадта
Защита памяти Косьмы Петровича Пруткова
Биографические сведения о Козьме Пруткове
Мое посмертное объяснение к комедии «Фантазия»
Разочарование
Осень

Алексею Жемчужникову:

Древней греческой старухе...
В альбом N. N.
Стан и голос
Чиновник и курица
Сродство мировых сил
Помещик и садовник
Помещик и трава
Блестки во тьме
Пред морем житейским
Посмертное произведение Козьмы Пруткова

Александру Жемчужникову:

Незабудки и запятки
Азбука для детей
При поднятии гвоздя близ каретного сарая
Любовь и Силин
С того света

Алексею Толстому и Алексею Жемчужникову:

Фантазия
Осада Памбы
Доблестные студиозусы
Желание быть испанцем
Звезда и брюхо

Алексею Толстому и Владимиру Жемчужникову:

На взморье

Владимиру и Алексею Жемчужниковым:

Честолюбие
Черепослов, сиречь Френолог

Александру, Алексею и Владимиру Жемчужниковым:

Блонды

Алексею и Александру Жемчужниковым:

Кондуктор и тарантул
Цапля и беговые дрожки
Червяк и попадья [1]

---

[1] Басня «Червяк и попадья» В. Жемчужниковым в письме к Пыпину (см. стр. 398 наст. изд.) отнесена к произведениям, написанным «одним братом Алексеем». Но на одном из автографов Алексея Жемчужникова есть пометка: «с братом моим Александром».

Предположительно можно отнести к произведениям Алексея Толстого:

Философ в бане

Владимира Жемчужникова:

Эпиграмма № II
Предсмертное

Александра Жемчужникова:

Простуда
Я встал однажды рано утром...
Сестру задев случайно шпорой...
Некоторые материалы для биографии К. П. Пруткова
Выдержки из моего дневника в деревне («На горе под березкой лежу...» и «Желтеет лист на деревах...»)

Рукописи произведений Пруткова хранятся в Центральном государственном архиве литературы и искусства СССР, в Государственной библиотеке СССР имени В. И. Ленина и в Институте русской литературы Академии наук СССР (Пушкинский дом). Подробные сведения о рукописях см. в издании: «Сочинения Козьмы Пруткова», Гослитиздат, 1955, стр. 387—389.

ДОСУГИ И ПУХ И ПЕРЬЯ

Почти все произведения этого раздела печатались в юмористическом приложении к журналу «Современник» — «Литературный ералаш» 1854 года; семь стихотворений и басен — в «Свистке» 1860 года. Публикациям 1860 года в «Свистке» предпослана заметка «от редакции», написанная Н. А. Добролюбовым: «Мы все думаем, что общественные вопросы не перестают волновать нас, что волны возвышенных идей растут и ширятся и совершенно затопляют луга поэзии и вообще искусства. Но друг наш Кузьма Прутков, знакомый многим из читателей «Современника», убежден совершенно в противном. Он полагает, что его остроумные басни и звучные стихотворения могут и теперь увлечь массу публики. Печатаем в виде

опыта одну серию его стихотворений, под названием «Пух и перья». От степени фурора, какой они возбудят, будет зависеть продолжение» («Современник», 1860, № 3).

О возникновении заглавия любопытные сведения приводит А. Н. Пыпин («Вестник Европы» за 1884 год, кн. 3): «...Первый отдел его (Пруткова.— *А. Б.*) сочинений назван: «Досуги и пух и перья — Daunen und Federn». Издатели не объясняют в предисловии, откуда взялось это название; но современники рассказывают, что мысль этого заглавия внушена была Пруткову просто вывескою склада, существовавшего (и до ныне существующего) на Васильевском острове, в Волховском переулке; старая надпись цела и до сих пор; но кому могла прийти в голову связь этой вывески с поэзией?» Пруткову, говорит автор рецензии, «приходили в голову удивительные мысли и сближения».

Предисловие. Впервые — в «Современнике», 1854, № 2.

Письмо известного Козьмы Пруткова.— Впервые — в «Современнике», 1854, № 6.

«Письмо...» является ответом автору статьи «Русская журналистика» («Санкт-Петербургские ведомости», 1854, № 80, 9 апреля), который писал: «Недурно написан «Спор греческих философов об изящном», но мы решительно не видим, где же в нашей литературе поводы или оригиналы для этой карикатуры; скажите, читали ли вы в последние тридцать лет какие-нибудь «Разговоры мудрецов», или «Разговоры об изящном, прекрасном», или что-нибудь в этом роде? Во всех этих пародиях (лучших в «Ералаши») нет цели, нет современности, нет жизни».

«Письмо...» являлось также ответом на нападки консервативной печати того времени, враждебно относившейся к сатирическому творчеству Пруткова. Так, в статье «Журналистика» рецензент журнала «Пантеон» (1854, № 4) писал: «О «Литературном ералаше» четвертой книги («Современника», 1854.— *А. Б.*) мы не можем сказать ничего нового: то же отсутствие вкуса и уважения к литературе, та же пустая проза, являющаяся только в форме анекдотов, как в третьей книге являлась в виде афоризмов».

Стр. 28. *...приписываешь, кажется, моему перу и «Гномов», и прочие «Сцены из обыденной жизни»?* — Имеются в виду следующие произведения: «Литературные гномы и знаменитая артистка (Фантастическая сцена из подземной литературы)», публиковалось в «Современнике», 1854, № 3; «Драмы из обыденной, преимущественно столичной жизни», напечатанные там же без подписи,— их автор — А. В. Дружинин.

Мой портрет.— Впервые — в «Современнике», 1860, № 3, под заголовком: «К моему портрету (который будет издан вскоре, при полном собрании моих сочинений)».

Незабудки и запятки.— Впервые — в «Современнике», 1851, № 11, без подписи, в статье И. И. Панаева «Заметки Нового Поэта о русской журналистике» вместе с баснями Пруткова «Кондуктор и тарантул», «Цапля и беговые дрожки».

Честолюбие.— Впервые — в «Современнике», 1854, № 2.

Кондуктор и тарантул.— Впервые — в «Современнике», 1851, № 11 (см. прим. к басне «Незабудки и запятки»).

Поездка в Кронштадт.— Впервые — в «Современнике», 1854, № 2.

Стр. 35. *Бенедиктов В. Г.* (1897—1873) — поэт, автор напыщенных стихотворений, «состоящих из вычурности и эффектов»; был чиновником министерства финансов.

Мое вдохновение.— Впервые — в «Современнике», 1854, № 10.

Цапля и беговые дрожки.— Впервые — в «Современнике», 1851, № 11 (см. прим. к басне «Незабудки и запятки»).

Юнкер Шмидт.— Впервые — в «Современнике», 1854, № 2, под заголовком: «Из Гейне».

Разочарование.— Впервые — в «Современнике», 1860, № 3, со сноской: «Музыка, собственного моего изобретения, будет напечатана при полном собрании моих творений. Прим. Козьмы Пруткова». Прутков пародирует стихотворение Я. П. Полонского «Финский берег».

Лес да волны — берег дикий,
А у моря домик бедный.
Лес шумит; в сырые окна
Светит солнца призрак бледный.

Словно зверь голодный воя,
Ветер ставнями шатает.
А хозяйки дочь с усмешкой
Настежь двери отворяет.

Я за ней слежу глазами,
Говорю с упреком: «Где ты
Пропадала? Сядь хоть нынче
Доплетать свои браслеты!»

И, окошко протирая
Рукавом своим суконным,
Говорит она лениво
Тихим голосом и сонным:

«Для чего плести браслеты?
Господину не в охоту
Ехать морем к утру, в город,
Продавать мою работу!»

«А скажи-ка, помнишь, ночью,
Как погода бушевала,
Из сеней укравши весла,
Ты куда от нас пропала?

В эту пору над заливом
Что мелькало, не платок ли?
И зачем, когда вернулась,
Башмаки твои подмокли?»

Равнодушно дочь хозяйки
Обернулась и сказала:
«Как не помнить! Я на остров
В эту ночь ладью гоняла...

Тот, кто ждал меня на камне,
Дожидался долго. Зная,
Что ему там нужен хворост,
Дров сухих ему свезла я!

Там у нас во время бури
В ночь костер горит и светит;
А зачем костер? — на это
Каждый вам рыбак ответит...»

Пристыженный, стал я думать,
Грустно голову понуря:
Там, где любят помогая,
Там сердца сближает буря...

Эпиграмма № I.— Впервые — в «Современнике», 1854, № 2.

Червяк и попадья.— Впервые — в «Полном собрании сочинений» 1884 года.

Аквилон.— Впервые — в «Современнике», 1854, № 10. В рукописи В. Жемчужникова зачеркнута сноска к подзаголовку: «Г. Бенедиктов тоже служил в министерстве финансов». Пародия на стих. Бенедиктова «Море» (приводим отрывок):

Чу! Гремит... Гигант проснулся;
Встал из бездны страшный вал,
Развернулся, расплеснулся,

Поскакал, заклокотал;
Как боец, он озирает
Поля битвенного ширь,
Рыщет, пенится, сверкает,—
Среброглавый богатырь!
Кто ж идет на вал гремучий
Через молнию небес?
Это он — корабль могучий,
Белопарусный, плавучий,
Волноборец-водорез!
Он летит, собрал все силы,
Роет моря крутизны;
Верви мощные, как жилы,
У него напряжены,
И средь волн, отваги полный,
Гнет и ломит он свой путь,
Давит волны, режет волны,
Гордо вверх заносит грудь,
Спорит с влажными горами,
И средь свалки их слепой
Он, как гений над толпой,
Торжествует над волнами!
Тщетно бьют со всех сторон
Водных масс в него громады:
Нет могучему преграды!
Не волнам уступит он —
Нет! Пусть прежде вихрь небесный,
Молний пламень перекрестный
Мачту, парус и канат
Изорвут, испепелят!
Лишь тогда, став бледной тенью,
Остов, призрак корабля,
Волн безумному стремленью
Покорится, без руля...
Свершилось... Кончен бег свободный,—
И вот — при бешенстве пучин
Летит на грань скалы подводной
Пустыни влажной бедуин.

Стр. 44. *Будто влажный сарацин.*— Как справедливо отметил П. Н. Берков (см. «Полное собрание сочинений» Козьмы Пруткова, изд. «Academia», М.— Л. 1933, стр. 542), эта строка пародирует стих Бенедиктова «Пустыни влажной бедуин», и для того чтобы усилить бессмыслицу указанной строки Пруткова, определение «влажный» отнесено не к «пустыне», а к «сарацину».

Желания поэта.— Впервые — в «Современнике», 1854, № 10.

В экземпляре «Полного собрания сочинений» 1884 года, прав-

ленном В. Жемчужниковым для изд. 1885 года, автор сделал сноску к заглавию стихотворения, которая, однако, не была напечатана: «Клевреты покойного Козьмы Пруткова настоятельно убеждали его не высказывать публично таких желаний; но он не слушал, ссылаясь на примеры многих других поэтов и утверждая, что подобные желания составляют один из непременных признаков истинного поэта». Пародия на стихотворение А. С. Хомякова «Желание»:

Хотел бы я разлиться в мире,
Хотел бы с солнцем в небе течь,
Звездою в сумрачном эфире
Ночной светильник свой зажечь.
Хотел бы зыбию стеклянной
Играть в бездонной глубине
Или лучом зари румяной
Скользить по плещущей волне.
Хотел бы с тучами скитаться,
Туманом виться вкруг холмов,
Иль буйным ветром разыграться
В седых изгибах облаков;
Жить ласточкой под небесами,
К цветам ласкаться мотыльком,
Или над дикими скалами
Носиться дерзостным орлом.
Как сладко было бы в природе
То жизнь и радость разливать,
То в громах, вихрях, непогоде
Пространство неба обтекать!

Память прошлого.— Впервые — в «Современнике», 1860, № 3.

Разница вкусов.— Впервые — в «Современнике», 1854, № 2.

В экземпляре «Полного собрания сочинений» 1884 года, подготовленном для изд. 1885 года В. Жемчужниковым, написано продолжение сноски, которое напечатано не было. Здесь, как и в басне, сатирически противопоставлялись славянофилы западникам. «Именно: в день его именин, за многолюдным обедом, на котором присутствовал, в числе прочих чиновных лиц, и приезжий из Москвы, известный своею опасною политическою благонадежностью, действительный статский советник Кашенцов,— с почтенным хозяином вступил в публичный спор о вкусе цикорного салата внучатный племянник его К. И. Шерстобитов. Козьма Прутков сначала возражал спорщику шутя и даже вдруг произнес, экспромтом, следующее стихотворение:

Я цикорий не люблю —
Оттого что в нем, в цикорье,
Попадается песок...
Я люблю песок на взморье,
Где качается челнок;
Где с бегущею волною
Спорит встречная волна
И полуночной порою
Так отрадна тишина!

Этот неожиданный экспромт привел всех в неописуемый восторг и вызвал общие рукоплескания. Но Шерстобитов, задетый в своем самолюбии, возобновил спор с еще большею горячностью, ссылаясь на пример Западной Европы, где, по его словам, цикорный салат уважается всеми образованными людьми. Тогда Козьма Прутков, потеряв терпение, назвал его публично щенком и высказал ему те горькие истины, которые изложены в печатаемой здесь басне, написанной им тотчас после обеда, в присутствии гостей. Он посвятил эту басню упомянутому действительному статскому советнику Кашенцову в свидетельство своего патриотического предпочтения даже худшего родного лучшему чужестранному».

Письмо из Коринфа.— Впервые — в «Современнике», 1854, № 2, с подзаголовком: «Греческое стихотворение».

Пародия на стихотворение Н. Ф. Щербины (1821—1869) «Письмо» (из сборника «Греческие стихотворения Николая Щербины», Одесса, 1850), автора антологических стихотворений (написанных на древнегреческие темы) — однообразных, далеких от современности (приводим в сокращении):

Я теперь не в Афинах, мой друг;
В беотийской деревне живу я.
Мне за ленью писать недосуг...
Не под портиком храма сижу я,
Не гляжу на кумиры богов,
Не гляжу на Зевксиса картины:
Я живу под наметом дубов,
Средь широкой цветущей долины;
Я забыл об истмийских венках,
Агоры мне волнения чужды
. . . .
Будто в море, я весь погружен
В созерцанье безбрежной природы
И в какой-то магический сон,
Полный жизни, ума и свободы.
Здесь от речи отвыкли уста:
Только слухом живу я да зреньем...
Красота, красота, красота! —
Я одно лишь твержу с умиленьем.

Романс («На мягкой кровати»).— Впервые — в «Полном собрании сочинений» 1884 года.

Древний пластический грек.— Впервые — в «Современнике», 1854, № 4, под заглавием: «Пластический грек».

Помещик и садовник.— Впервые — в «Современнике», 1860, № 3.

Безвыходное положение.— Впервые — в «Современнике», 1854, № 3.

Стр. 54. *Аполлон Григорьев* (1822—1864) — критик славянофильского направления.

В альбом красивой чужестранке.— Впервые — в «Современнике», 1854, № 3.

В рукописи 1859 года имеется подзаголовок: «от Славянофила». В экземпляре «Полного собрания сочинений» 1884 года, правленном для издания 1885 года, В. Жемчужников сделал следующее примечание (напечатано не было): «Это патриотическое стихотворение написано, очевидно, по присоединении Козьмы Пруткова к славянофильской партии, под влиянием Хомякова, Аксаковых и Аполлона Григорьева. Впрочем, Козьма Прутков, соображавшийся всегда с видами правительства и своего начальства, отнюдь не вдавался в крайности и по славянофильству: он сочувствовал славянофилам в превознесении только тех отечественных особенностей, которые правительство оставляло неприкосновенными, как полезные или безвредные, не переделывая их на западный образец; но при этом он, следуя указаниям правительства, предпочитал для России: государственный совет и сенат — боярской думе и земским собраниям; чистое бритье лица — ношению бороды; плащ-альмавиву — зипуну и т. п.».

Пародия на стихотворение А. С. Хомякова «Иностранке» (К А. О. Россет):

Вокруг нее очарованье,
Вся роскошь Юга дышит в ней:
От роз ей прелесть и названье,
От звезд полудня блеск очей.
Прикован к ней волшебной силой,
Поэт восторженный глядит;
Но никогда он деве милой
Своей любви не посвятит.
Пусть ей понятны сердца звуки,
Высокой думы красота,
Поэтов радости и муки,
Поэтов чистая мечта.
Пусть в ней душа, как пламень ясный,
Как дым молитвенных кадил;

Пусть ангел светлый и прекрасный
Ее с рожденья осенил:
Но ей чужда моя Россия,
Отчизны дикая краса;
И ей милей страны другие,
Другие лучше небеса!
Пою ей песнь родного края,—
Она не внемлет, не глядит!
При ней скажу я: «Русь святая!»
И сердце в ней не задрожит.
И тщетно луч живого света
Из черных падает очей:
Ей гордая душа поэта
Не посвятит любви своей.

Стан и голос.— Впервые — в «Современнике», 1853, № 1, в статье Нового Поэта (Панаева) «Канун Нового, 1853 года».

Осада Памбы.— Впервые — в «Современнике», 1854, № 3.

Стр. 58. *Ниже* — ни даже, отнюдь не.

Стр. 59. *Каплан* — капеллан, священник.

Эпиграмма № II.— Впервые — в «Искре», 1859, № 28, за подписью Б. Ф., под заглавием: «Опрометчивость (быль)».

Доблестные студиозусы.— Впервые — в «Современнике», 1854, № 4, под заглавием: «Из Гейне».

Шея.— Впервые — в «Полном собрании сочинений» 1884 года, с подзаголовком: «Посвящается поэту-сослуживцу, г-ну Бенедиктову».

В рукописи В. Жемчужникова в конце стихотворения есть следующие строки (зачеркнуты автором):

Я тебя держал бы в холе,
И берег бы, охранял;
Я б тебя, гуляя в поле,
Дымкой нежной прикрывал.

Я б врагов твоих с раченьем
Дланью собственной давил;
А тебя бы с восхищеньем
Все ласкал бы и любил!

Пародия на стихотворение В. Г. Бенедиктова «Кудри»:

Кудри девы-чародейки,
Кудри — блеск и аромат,
Кудри — кольца, струйки, змейки,
Кудри — шелковый каскад!

. . . .
«Кто ж владелец будет полный
Этой россыпи златой?
Кто-то будет эти волны
Черпать жадною рукой?
Кто из нас, друзья-страдальцы,
Будет амвру их впивать,
Навивать их шелк на пальцы,
Поцелуем припекать,
Мять и спутывать любовью
И во тьме по изголовью
Беззаветно рассыпать?»
. . . .

Помещик и трава.— Впервые — в «Современнике», 1860, № 3.

На взморье.— Впервые — в «Современнике», 1854, № 3, под заглавием: «*** (Подражание Гейне)».

Катерина.— Впервые — в «Полном собрании сочинений» 1884 года.

Стр. 67. *«Quousque tandem, Catilina, abutere patientia nostra?»* (лат.) (Доколе же, Катилина, будешь ты испытывать наше терпение?) — из речи Цицерона (106—43 до н. э.), выдающегося оратора и политического деятеля Древнего Рима, против Катилины (108—62 до н. э.) — политического противника Цицерона.

Немецкая баллада.— Впервые — в «Современнике», 1854, № 4, под заглавием «Баллада (с немецкого)». Пародия на балладу Шиллера (в переводе Жуковского) «Рыцарь Тогенбург».

Чиновник и курица.— Впервые — в «Современнике», 1861, № 1, с подзаголовком: «Новая басня К. Пруткова».

Философ в бане.— Впервые — в «Современнике», 1860, № 3.

Пародия на стихотворение Н. Ф. Щербины «Моя богиня». Приводим его начальные строки:

Члены елеем натри мне, понежь благородное тело
Прикосновением мягким руки, омоченной обильно
В светло-янтарные соки аттической нашей оливы.
Лоснится эта рука под елейною влагой, как мрамор,
Свеже прохладной струей разливаясь по мышцам и бедрам,
Иль будто лебедь касается белой ласкающей грудью.
. . . .

При переиздании стихотворения Щербина опустил эти строки, как предполагает П. Н. Берков, под влиянием пародии Пруткова (см. «Полное собрание сочинений Козьмы Пруткова», изд. «Academia», М.—Л. 1933).

Новогреческая песнь.— Впервые — в «Полном собрании сочинений» 1884 года.

В альбом N. N.— Впервые — в «Современнике», 1854, № 4.

Осень.— Впервые — в «Современнике», 1860, № 3.

В подзаголовке — намек на переводы Фета с персидского. Пародия на стихотворение А. А. Фета «Непогода. Осень...»:

Непогода. Осень. Куришь,
Куришь — все как будто мало...
Хоть читал бы — только чтенье
Подвигается так вяло.
. . . .

Звезда и брюхо.— Впервые — в газете «Новое время», 1881, № 2026.

Путник.— Впервые — в «Современнике», 1854, № 4.

Желание быть испанцем.— Впервые — в «Современнике», 1854, № 2. В писарскую копию текста, опубликованного в «Современнике», В. Жемчужниковым вписаны (перед заключительным четверостишием) следующие строки, не вошедшие в собрание сочинений:

Дайте мне конфетку,
Хересу, малаги,
Персик, амулетку,
Кисточку для шпаги;

Дайте опахало,
Брошку иль вуаль,
Если же хоть мало
Этого вам жаль,—

К вам я свой печальный
Обращаю лик:
Дайте нацьональный
Мне хоть воротник!..

Стр. 79. *Альгамбра* — крепость в Гренаде: *Эстремадура* — провинция в Испании.

Стр. 80. *Сьерра-Морена* — горный хребет в Испании.

Стр. 81. *Эскурьял* — город с старинным дворцом и монастырем.

Древней греческой старухе.— Впервые — в «Современнике», 1854, № 2.

Пастух, молоко и читатель.— Впервые — в «Современнике», 1859, № 10.

Р о д н о е.— Впервые — в «Полном собрании сочинений» 1884 года, с подзаголовком: «Из письма московскому приятелю».

Б л е с т к и в о т ь м е.— Впервые — в «Полном собрании сочинений» 1884 года. Подзаголовок в рукописях — «С персидского. Из Ибн-Фета». Пародия на стихотворение А. А. Фета:

В дымке-невидимке
Выплыл месяц вешний.
Цвет садовый дышит
Яблонью, черешней,
Так и льнет, целуя
Тайно и нескромно...
И тебе не грустно?
И тебе не томно?
Истерзался песней
Соловей без розы.
Плачет старый камень,
В пруд роняя слезы.
Уронила косы
Голова невольно...
И тебе не томно?
И тебе не больно?

П е р е д м о р е м ж и т е й с к и м.— Впервые — в «Полном собрании сочинений» 1884 года.

М о й с о н.— Впервые — в «Современнике», 1854, № 10.

П р е д с м е р т н о е.— Впервые — в «Полном собрании сочинений» 1884 года.

В третьем издании «Полного собрания сочинений» 1893 года 12-я строка напечатана так: «Иль опрокинутая кадка!» По этому поводу Алексей Жемчужников писал М. М. Стасюлевичу: «Кстати, о Пруткове. Один из его поклонников и ценителей указал мне недавно (и с большой грустью) на одну *поправку*, сделанную в 3-м издании. А именно, в *предсмертном* стихотворении Пруткова (стр. 82) последний стих второй строфы оказывается измененным. Вместо: «иль опрокинутая лодка» напечатано: «иль опрокинутая кадка». Конечно: кадка и лампадка рифмуют; между тем как лодка и лампадка — не рифмы; но ведь *лодка* потому и хороша, что она — не рифма. Прутков принял ее за рифму потому, что он в это время уже угасал. На стр. 83 (в конце) именно сказано: «уже в последних двух стихах 2-й строфы несомненно высказывается предсмертное замешательство мыслей и *слуха* покойного». После сделанного в третьем издании исправления это замечание не имеет уже значения. Замешательства слуха не было. Лампадка и кадка — прекрас-

ные рифмы, удовлетворяющие самому утонченному слуху. Как могло случиться такое обстоятельство? Это — не опечатка; это — явное, преднамеренное *исправление*. Как видите, и я также очень огорчен. По этому поводу обращаюсь к Вам с следующей убедительнейшей просьбою. Если я не дождусь 4-го издания Пруткова, а вы, бог даст, будете живы и здоровы и будете таковым руководить в Вашей типографии (чего я очень желаю), то *непременно* восстановить *лодку*, которая в первых двух изданиях фигурировала с таким успехом, что ее еще до сих пор не забыли почитатели Пруткова» («М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке», т. IV, СПб. 1912, стр. 376).

СТИХОТВОРЕНИЯ, НЕ ВКЛЮЧАВШИЕСЯ В СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ КОЗЬМЫ ПРУТКОВА

Эпиграмма № II.— Впервые — в «Современнике», 1854, № 2.

Стр. 91. *Лизимах* — римский философ-стоик III века.

К толпе.— Впервые — в «Современнике», 1854, № 3.

Возвращение из Кронштадта.— Впервые — в «Современнике», 1854, № 3.

Эпиграмма № III.— Впервые — в «Современнике», 1854, № 3.

Пятки некстати.— Впервые — в «Современнике», 1854, № 3.

К друзьям после женитьбы.— Впервые — в «Современнике», 1854, № 10.

От Козьмы Пруткова к читателю в минуту откровенности и раскаяния. К месту печати.— Впервые опубликованы Б. Я. Бухштабом по корректурам «Современника», 1860, № 3, в «Полном собрании сочинений Козьмы Пруткова», изд. «Советский писатель», 1949. Эти произведения в «Современнике» опубликованы не были.

Современная русская песнь.— Впервые стихотворение опубликовано В. Э. Боградом в «Литературном наследстве», т. 67, М. 1959, стр. 773. Печатается по тексту этой публикации. Стихотворение является сатирой на славянофилов.

Военные афоризмы.— Впервые опубликованы Н. Л. Бродским в журнале «Голос минувшего», 1922, № 2. Печатаем текст этой публикации. Рукопись, которой располагал Бродский, утеряна.

По обнаруженной нами в Государственной библиотеке СССР имени В. И. Ленина машинописной копии, содержащей и «Церемониал», производим следующие исправления текста в публикации Бродского: в «Военных афоризмах» стихи под № 41 вместо: «Посмотри, как вальсируют Глазенап и Бутеноп», печатаем: «Посмотри, как вальсируют Блазенап и Гутеноп». В таком виде фраза соответствует смыслу примечания, в котором сказано: «В последней строке фамилии перековерканы. Приказать аудитору, чтоб переправил, сохраняя рифму». В афоризме 89 в «Голосе минувшего» отсутствуют латинские слова: in anima vili; печатаем этот афоризм по машинописной копии: «Те, кто помещиков польских душили, делали пробу in anima vili». Из этой же копии взято также заглавие (см. стр. 102).

Предположительно, автором или одним из авторов «Военных афоризмов» Б. Я. Бухштаб считает А. К. Толстого (см. «Полное собрание сочинений Козьмы Пруткова», «Советский писатель», М. 1949, стр. XXI и стр. 370, 373). Этой же точки зрения придерживается также И. Г. Ямпольский.

П. Н. Берков высказал предположение, что создателем «Военных афоризмов» мог быть В. Жемчужников, который вместе с А. К. Толстым служил в Крымскую войну в действующей армии и хорошо знал военный быт. Сатирический пафос этих стихов был близок также Алексею Жемчужникову, по-видимому принимавшему участие в их создании.

По содержанию афоризмы нередко перекликаются с его стихами и дневниковыми записями. Фальшивое величие, ложные заслуги чиновных и сановных любителей смотров и парадов остроумно высмеяны Алексеем Жемчужниковым в «Парадных песнях» (рукопись — в Гос. библиотеке СССР имени В. И. Ленина). «Дух аракчеевский — дух произвола» является предметом сатиры в его стихотворении «Новая вариация на старую тему». То обстоятельство, что машинописная копия автографа афоризмов находится в архиве Алексея Жемчужникова (Гос. библиотека СССР имени В. И. Ленина) косвенно также подтверждает его авторство.

В основе афоризмов 52, 53, 56, 72, как установил Б. Я. Бухштаб, лежат реальные факты. Корш и Суворин не приняли вызова на дуэль В. В. Крестовского, который счел себя оскорбленным рецензией Буренина,— в то время либерально настроенного журналиста,— на роман «Панургово стадо», напечатанной в «Санкт-Петербургских ведомостях» (1870, № 16). Резкий тон рецензии был вызван нападками Крестовского на «нигилистов».

Стр. 103. *Ремонтерство* — пополнение конского состава в армии.

Стр. 105. Как отметил П. Н. Берков, «козлом» называлась полковая касса.

Два голубя, как два родные брата жили — строка из басни И. А. Крылова «Два голубя» (1809).

Стр. 107. *Ижора* и *Тосна* — притоки Невы, здесь происходили военные маневры.

Стр. 109. *Глазенап* и *Бутеноп* — этими именами делается намек на немецкое засилие в русской армии.

Стр. 112. *Корш* В. Ф. (1828—1883) — с 1869 по 1874 год редактор газеты «Санкт-Петербургские ведомости».

Крестовский В. В. (1840—1895), *Суворин* А. С. (1834—1912), *Буренин* В. П. (1841—1926) — реакционные литераторы; в то время, когда произошло столкновение редакции «Санкт-Петербургских ведомостей» с Крестовским, вызвавшее газетную перепалку, Суворин состоял сотрудником редакции.

Фурштадский — рядовой обозной части.

Коцебу П. Е. (1801—1884) — во время Крымской войны начальник штаба Южной армии, позже генерал-губернатор южных губерний.

Стр. 118. *In anima vili* (лат.) — выражение, обычно означающее проведение научных опытов над живыми животными.

Черкасский В. А. (1824—1878) — общественный деятель умеренно-либерального направления, принимал активное участие в подготовке крестьянской реформы в Польше (1864).

Милютин Н. А. (1818—1872) — государственный деятель; будучи статс-секретарем по делам Царства Польского, крайне враждебно относился к национально-освободительному движению в Польше.

Стр. 119. *Бобровая струя* — вещество, вырабатываемое особой железой у речного бобра. Ранее использовалось в медицине для лечебных целей; возбуждающее средство.

Церемониал...— Впервые опубликовано вместе с «Военными афоризмами» Н. Л. Бродским в журнале «Голос минувшего», 1922, № 2, по рукописи, которая, как уже говорилось, в настоящее время утеряна. Частично «Церемониал» был опубликован в журнале «Русский архив», 1884, кн. 2.

В публикации Бродского 35-й афоризм читается так:

Для решения этого
Стороны приглашают аудитора.

По машинописной копии, хранящейся в Гос. библиотеке СССР имени В. И. Ленина (см. прим. к «Военным афоризмам»), печатаем:

Для решения этого спора
Стороны приглашают аудитора.

Стр. 125. *Блудова* А. Д. (1812—1891) — организовала на Волыни, в Остроге, религиозное общество — Кирилло-Мефодиевское братство.

Стр. 126. *Жомини* Анри (1779—1869) — французский генерал и военный писатель.

ПЛОДЫ РАЗДУМЬЯ

Мысли и афоризмы.— Часть афоризмов этого раздела впервые печаталась в 1854 году в «Современнике», № 2 и № 6, другая часть — в 1860 году в «Искре», № 26 и № 28. Многие афоризмы были впервые опубликованы в «Полном собрании сочинений» 1884 года. В это издание вошли не все ранее публиковавшиеся афоризмы, кроме того, многие были значительно переработаны.

Стр. 135. *Метемпсихозия.*— Метемпсихоз — религиозно-мистическое учение о переселении души.

Терпентин — смолистый сок хвойных деревьев; при перегонке дает скипидар и канифоль.

ПЛОДЫ РАЗДУМЬЯ, НЕ ВКЛЮЧАВШИЕСЯ В СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ КОЗЬМЫ ПРУТКОВА

Мысли и афоризмы.— Впервые — в «Современнике», 1854, № 6 (афоризмы 1—15), и в «Искре», 1860, № 26 и № 28 (афоризмы 16—91); афоризмы 92—102 — в сб. «Литературное наследство», № 3, М. 1932, стр. 206—207.

Проект: о введении единомыслия в России.— Впервые — в «Современнике», 1863, № 4, под заглавием «Проект» в статье «Краткий некролог и два посмертные произведения К. П. Пруткова». Журнальный текст был значительно переработан В. Жемчужниковым для собрания сочинений 1884 года, в которое, однако, не вошел, надо полагать, по цензурным причинам. В новой редакции сатирическое звучание «Проекта» усилилось.

В предложении: «Можно бы даже противодействовать развивающейся наклонности возбуждать *«вопросы»* по делам общественной и государственной жизни; ибо к чему они ведут?» (стр. 165) — слово «общественной» в автографе читается предположительно.

В автографе зачеркнута фраза: «Но самым важным условием успеха будет выбор редактора для такого правительственного органа» (стр. 165). Вместо этого написана следующая неоконченная фраза: «но тем не менее, скажу откровенно, что для обеспечения успеха проектируемой меры необходимо заблаговременно озаботиться приглашением лица, которое...» Печатаем зачеркнутую, законченную фразу.

В журнальной публикации перед датой: «1859 года...» и т. д. стоит следующая подпись, исключенная впоследствии автором при переработке текста: *«Кузьма Прутков,* начальник Пробирной Палатки, действительный статский советник и разных орденов кавалер».

ВЫДЕРЖКИ ИЗ ЗАПИСОК МОЕГО ДЕДА

Предисловие Козьмы Пруткова.— Впервые — в «Современнике», 1854, № 4. В тетради 1859 года есть подзаголовок: «(Издание этих записок посвящается г. Погодину)».

Погодин М. П. (1800—1875) — историк консервативного направления.

ГИСТОРИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ ФЕДОТА КУЗЬМИЧА ПРУТКОВА (деда)

Впервые — в «Современнике», 1854, № 4 — «Приступ старика» и №№ 1—2 (под загл. «Гастроном»), №№ 3—4, №№ 6—8 (последний под загл. «Ответ италианского старца»), № 10 (под загл. «Остроумное замечание»), №№ 12—15 (последний — под загл. «Неуместная настойчивость»), № 17. В «Искре», 1860, № 31, под заглавием «Из записок моего деда (Продолжение)», №№ 5, 11. В «Искре», 1860, № 32, под заглавием «Выдержки из записок моего деда (Продолжение)», № 9. В «Полном собрании сочинений» 1884 года, № 16 (в рукописи Алексея Жемчужникова озаглавлено: «Повесть о злоключениях профессорши и инженера, или: Не всегда слишком сильно»).

ГИСТОРИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ, НЕ ВКЛЮЧАВШИЕСЯ В СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ КОЗЬМЫ ПРУТКОВА

Впервые — в «Современнике», 1854, № 4 (№№ 1—2); в «Искре», 1860, № 31 (№№ 3—5); в «Искре», 1860, № 32 (№№ 6—9). № 10 впервые был опубликован П. Н. Берковым в «Литературном наследстве», кн. 3, М. 1932.

«Гисторические материалы» — пародия на «достопримечательности» и сборники анекдотов, которые издавались в XVIII веке,— например, анекдоты в книге для домашнего чтения Курганова «Письмовник»,— и на псевдонаучные публикации различных материалов в славянофильском журнале «Москвитянин».

О «Гисторических материалах» Достоевский писал в «Зимних заметках о летних впечатлениях»: «Вы думаете, что это надуванье, вздор, что никогда такого деда и на свете не было. Но клянусь вам, что я сам лично в детстве моем, когда мне было десять лет от роду, читал одну книжку екатерининского времени, в которой и прочел следующий анекдот... «Остроумный ответ кавалера де-Рогана». Изложив содержание анекдота, Достоевский говорит: «То есть вообразите только себе этого помещика, старого воина, пожалуй еще без руки, со старухой помещицей, с сотней дворни, с детьми Митрофанушками, ходящего по субботам в баню и парящегося до самозабвения; и вот он, в очках на носу, важно и торжественно читает по складам подобные анекдоты, да еще принимает все за самую настоящую суть, чуть-чуть не за обязанность по службе. И что за наивная тогдашняя вера в дельность и необходимость подобных европейских известий. «Известно, дескать, что у кавалера де-Рогана весьма дурно изо рту пахло...» Кому известно, зачем известно, каким медведям из Тамбовской губернии это известно? Да кто еще и знать-то про это захочет? Но подобные вольнодумные вопросы деда не смущают. С самой детской верой соображает он, что сие «собрание острых слов» при дворе известно, и довольно с него» (Ф. М. Достоевский, Собр. соч., т. 4, Гослитиздат, М. 1956, стр. 75).

ДРАМАТИЧЕСКИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Фантазия.— Впервые — в «Полном собрании сочинений» 1884 года. Поставлена на сцене Александринского театра в Петербурге в январе 1851 года (после первого представления запрещена). Сохранилась писарская копия с многочисленными поправками

В. Жемчужникова. После слов: «Боже, если б это было возможно!» (стр. 215) в печатном тексте исключен следующий отрывок:

Разорваки *(входит)*

Ничего нет необыкновенного; это случилось очень просто. Я тут был.

Все

Вы видели, как это случилось? Расскажите, расскажите!..

Разорваки

Слушайте! *(поет)*

Уж смерклось, в гостиной старушка
Сидевши вязала чулок;
Под нею лежала подушка,
Собачка лежала у ног.
В подушке своей потонувши,
Она все вязала чулок,
Но вдруг, неприметно заснувши,
Из рук упустила клубок...
Скатился клубок по собачке,
А та завизжала, и вот —
Старуха, не дав ей потачки,
Ее же толкнула в живот!
Сама ж, испугавшись в потемках,
Внезапно вскричала она;
Ей вдруг показалось, впросонках,
Что лезет солдат из окна!..
Дрожа перед мнимым служивым,
Велит она кликнуть людей
И вместе пинком неучтивым
Толкает меня из дверей.
С солдатом готовясь на драку,
С людьми прихожу я назад;
Старуха кричит нам: «Собаку,
Собаку похитил солдат!
Собаку, собаку, собаку,
Собаку похитил солдат!»

А совсем не солдат! Врет старуха! Просто сама убежала моська.

Кутило *(про себя)*

Я давно заметил в этой старухе склонность к жестокому обращению и неприличным приемам!

Попытка опубликовать «Фантазию» еще до издания собрания сочинений предпринималась дважды. В. Жемчужников предлагал А. Н. Пыпину напечатать комедию в «Современнике»; он писал

25 ноября 1865 года (дата письма установлена Б. Я. Бухштабом): «Пытались ли отдавать Министра Плодородия и Фантазию в цензуру и как приняли?» В 1881 году В. Жемчужников намерен был отдать комедию в «Исторический вестник». В письме от 22 октября 1881 года он спрашивал А. С. Суворина: «...Продолжается ли издание при «Новом времени» *«Исторического вестника»?* И если продолжается, примут ли туда для напечатания комедию Пруткова «Фантазия», которая была играна при Николае Павловиче однажды и запрещена им? Политического *ничего* нет в ней. Я напишу к ней предисловие. В газету она не годится,— потому, между прочим, что не вместится в одном №» (Центральный государственный архив литературы и искусства СССР, ф. 459, оп. 1, ед. хр. 1409).

Стр. 193. *«Ремонтеры»* — комедия В. И. Мирошевского «Ремонтеры, или Сцены на ярмарке», написана в 1839 году; в сезон 1839/40 года была поставлена на сцене Александринского театра (см. «Литературная газета», 1840, № 4). Пьеса выдержала только два представления.

Блонды.— Впервые — в «Современнике», 1854, № 10.

Комедия «Блонды» написана в ответ на рецензию, опубликованную в «Москвитянине», в которой разбирается комедия А. Жемчужникова «Сумасшедший». Автор рецензии Б. Алмазов упрекал А. Жемчужникова в незнании «хорошего тона», который «господствует в высшем свете».

Спор древних греческих философов об изящном.— Впервые — в «Современнике», 1854, № 2, под заглавием: «Спор греческих философов об изящном. Отрывок из древнеклассической жизни».

В комедии пародируются стихотворения на античные темы Щербины, Майкова, Фета и др. В конце прошлого века (1896) комедия исполнялась в любительском театре, устроенном А. Блоком в Шахматове.

Черепослов, сиречь Френолог.— Впервые — в «Современнике», 1860, № 5, с редакционным примечанием, написанным Н. А. Добролюбовым: «Поклонники искусства для искусства! Рекомендуем вам драму г. Пруткова. Вы увидите, что чистая художественность еще не умерла».

Пьеса «Черепослов» ставилась в петербургских театрах в 1909—1911 годах: в «Веселом театре» и в театре «Фарс»; в 1922—1923 годах — в театре Юдовского.

Стр. 253. *Френология* (греч. phrenos — ум, разум; logos — понятие, учение) — ложное учение о связи между наружной

формой черепа и психическими свойствами человека. Создатель френологии — австрийский врач и анатом Ф. И. Галль (1758—1828).

Опрометчивый Турка, или: Приятно ли быть внуком? — Впервые — в «Современнике», 1863, № 4, в статье «Краткий некролог и два посмертные произведения Кузьмы Петровича Пруткова».

Стр. 281. *Я знал его!.. Мы странствовали с ним в горах Востока и тоску изгнанья делили дружно* — из стих. М. Ю. Лермонтова «Памяти А. И. Одоевского» (1839).

Стр. 282. *Синапизм* — горчичник.

Фонтанель — искусственно вызванная гнойная рана — старинный способ лечения.

Сродство мировых сил.— Впервые — в «Полном собрании сочинений» 1884 года.

Стр. 286. *Среди долины ровныя* — русская народная песня, слова А. Ф. Мерзлякова.

Стр. 291. *...в тот мир, откуда к нам никто еще не возвращался* — из монолога Гамлета (трагедия У. Шекспира «Гамлет»).

ДРАМАТИЧЕСКИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ, НЕ ВКЛЮЧАВШИЕСЯ В СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ КОЗЬМЫ ПРУТКОВА

Любовь и Силин.— Впервые — в журнале «Развлечение», 1861, т. V, № 18, с значительными цензурными искажениями.

Стр. 295. *Альгемейн Цейтунг* — от названия немецкой газеты «Allgemeine Zeitung».

Стр. 298. *Что в имени тебе моем?* — первая строка стихотворения А. С. Пушкина (1830).

...что имя звук пустой — видоизмененная строка из стихотворения Лермонтова «Ребенку» (1840).

Не нам, не нам, а имени твоему! — видоизмененная строка из Псалтири (псалом 113, стих 9) — надпись на медали в память изгнания Наполеона из России в 1812 году.

Стр. 301. *Экартсгаузен* Карл (1752—1803) — немецкий философ-мистик. В начале XIX века его произведения были популярны в аристократических кругах России.

Торжество добродетели.— Впервые комедия опубликована в «Литературном наследстве», т. 67, М. 1959 В. Э. Биградом по корректуре «Современника», хранящейся в архиве Академии наук СССР в Ленинграде (ед. хр. 172). Печатается по тексту этой публикации.

В 1864 году комедия была принята журналом «Современник» к печати, но в корректуре запрещена цензурой. В 1884 году В. М. Жемчужников, редактируя второе издание сочинений Пруткова, хотел включить в него комедию «Торжество добродетели», которую в письме от 24/12 февраля 1884 года к А. Н. Пыпину из Франции называет «Министр плодородия». «Во имя покойного Козьмы Пруткова, которого память (как ныне оказывается из радушного приема публикою издания его сочинений) достойно чтится по сию пору,— прошу вас,— писал он Пыпину,— наиубедительнейше: нет ли возможности поручить кому-либо пересмотреть в бумагах бывшей редакции «Современника» (если таковые остались) за 1860—1864 годы,— не найдется ли там рукописи или даже корректурных листов *комедии Козьмы Пруткова «Министр плодородия»*. Она была дана мною в 1860—1864 годах, охотно принята редакциею, но, как мне сообщили потом,— *не пропущена цензурой* (поэтому я и говорю о «корректурных листах»). Я помню, что мы все смеялись тогда, что Валуев принял тип министра за свой. Теперь я не нахожу подлинной рукописи этой комедии у себя и не могу съездить в СПб. и поискать ее там, в бумагах покойного графа Перовского; а между тем хотелось бы поместить ее во втором издании сочинений Козьмы Пруткова. Хотя в этой рукописи, которая была передана мною редакции «Современника», эта комедия была немного переделана, именно в цензурных видах, но я мог бы теперь повсюду выкинуть эти переделки и восстановить подлинник по памяти; а восстановить ее всю по памяти мы не можем: ни я, ни брат мой Алексей, ибо уже стары, живем не вместе, да и духом не прежние».

Приспосабливаясь к требованиям цензуры, авторы перенесли действие комедии во Францию. Но сатирическая ее направленность: обличение карьеризма и лицемерия высшего чиновничества в России, произвол тайной полиции, либеральное фразерство государственных деятелей — остались, что, несомненно, и послужило причиной цензурного запрета. Так, в реплике Гюгеля: «...нет на свете государства свободнее нашего, которое, наслаждаясь либеральными политическими учреждениями, повинуется вместе с тем малейшему указанию власти»,— не трудно разглядеть сатирический намек на российскую действительность; сановник и журналист де Лагероньер по своему рвению к карьере напоминал министра внутренних дел Валуева.

Стр. 312. *Биенинтенсионне* — от франц. bien intentionné — благонамеренный, политически благонадежный.

БИОГРАФИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ

I

Биографические сведения о Козьме Пруткове.— Впервые — в «Полном собрании сочинений» 1884 года.

Даты публикации «Досугов Козьмы Пруткова» и «Пуха и перьев» указаны здесь неточно. «Досуги...» напечатаны в 1854 году, а «Пух и перья» — в 1860 году.

II

Краткий некролог и два посмертные произведения Кузьмы Петровича Пруткова.— Впервые — в «Современнике», 1863, № 4. В состав этой публикации входили комедия «Опрометчивый турка» и «Проект». Комедия «Опрометчивый турка» при подготовке изданий 1884 и 1885 годов была включена авторами в раздел Драматических произведений; «Проект» также был извлечен Жемчужниковыми из состава «Краткого некролога» и готовился для собрания сочинений. «Краткий некролог» не вошел в прижизненные издания: на его основе для собрания сочинений было написано новое произведение — «Биографические сведения о Козьме Пруткове».

ПРИЛОЖЕНИЯ

I

Предуведомление.— Впервые — в «Современнике», 1860, № 3. Предисловие к публикации «Пух и перья».

Стр. 351. *Григорий Бланк* (1811—1889) и *Николай Безобразов* (1816—1867) — реакционные публицисты.

Читатель! Прочти о сих записках...— Впервые — в «Искре», 1860, № 31. Предисловие к публикации «Из записок моего деда (Продолжение)».

Азбука для детей.— Впервые — в «Искре», 1861, № 3.

Простуда.— Впервые — в журнале «Развлечение», 1861, т. VI, № 1.

Я встал однажды утром.— Впервые — в журнале «Развлечение», 1861, т. VI, № 3.

Стр. 353. *О ты, что в горести напрасно На бога ропщешь, человек!* — из «Оды, выбранной из Иова» М. В. Ломоносова.

Морозной пылью серебрился Его бобровый воротник — неточная цитата из «Евгения Онегина» А. С. Пушкина (гл. 1, строфа XVI).

Сестру задев случайно шпорой...— Впервые — в журнале «Развлечение», 1861, т. VI, № 13.

Выдержки из моего дневника в деревне.— Печаталось в журнале «Развлечение», 1861, т. VI, № 15 (1-е и 3-е стих.), а также в «Искре», 1862, № 48 (1-е, 2-е и 3-е стих.).

<С того света>.— Впервые — в газете «Санкт-Петербургские ведомости», 1876, №№ 84 и 96.

Стр. 357. *Дибич* И. И. (1785—1831) — главнокомандующий русской армией во время русско-турецкой войны 1828—1829 годов.

Стр. 358. *Юм* Даниель Дуглас (1833—1886) и *Бредиф* — английские медиумы.

Стр. 359. *Леонтьев* П. М. (1822—1875) — сотрудник реакционной газеты «Московские ведомости».

Стр. 363. *Федоров* Б. М. (1798—1875) — реакционный писатель.

Некоторые материалы для биографии К. П. Пруткова.— Впервые — в газете «Санкт-Петербургские ведомости», 1876, №№ 110 и 117.

«Выдержки из моего дневника в деревне», публиковавшиеся ранее как самостоятельное произведение (см. выше) и вошедшие не полностью в состав «Некоторых материалов...», нами здесь не перепечатываются.

Стр. 369. *Грай-Жеребец* — фамилия, упоминающаяся в стихотворении А. К. Толстого «Сон Попова».

Стр. 378. *(Мысли над гробом «Прекрасной магометанки»)*.— Имеется в виду лубочный роман Н. Зряхова «Битва русских с кабардинцами, или Прекрасная магометанка, умирающая на гробе своего супруга» (1840).

Посмертное произведение Козьмы Пруткова.— Впервые — в «Вестнике Европы», 1907, № 11, с подписью: «Алексей Жемчужников», и с датой: «Октябрь, 1907, Тамбов».

II

Корреспонденция.— Впервые — в газете «Санкт-Петербургские ведомости», 1874, № 37.

Защита памяти Косьмы Петровича Пруткова.— Впервые — в газете «Новое время», 1877, № 392 (первая корреспон-

денция), и 1881, № 2026 (вторая). Из басен «Цапля и беговые дрожки», «Стан и голос» приводим лишь строки, к которым даны примечания, так как согласно составу прижизненных собраний сочинений эти басни публикуются в разделе «Стихотворения» (стр. 38 и 57). По этой же причине не перепечатывается здесь басня «Звезда и брюхо» (стр. 75).

Автор «Защиты...» — В. Жемчужников. В письме к А. С. Суворину от 5 октября 1881 года он писал: «Уважаемый Алексей Сергеевич, не поместите ли прилагаемой защиты памяти К. П. Пруткова в вашей газете?» В. Жемчужников держал корректуру статьи. «Посылаю вам, многолюбезный Алексей Сергеевич,— писал он 10 октября того же года,— прокорректированную защиту Пруткова, с добавкою на особом листке нескольких строк взамен бывших там,— дабы не разрушать указания на псевдонимность Пруткова» («Сочинения Козьмы Пруткова», Гослитиздат, М. 1955, стр. 370—371).

<Письмо в редакцию>.— Опубликовано в газете «Новое время», 1883, № 2496, и в газете «Голос», 1883, № 40.

Происхождение псевдонима «Козьма Прутков».— Впервые — в газете «Новости и Биржевая газета», 1-е издание, 1883, № 20.

Письма В. М. Жемчужникова к А. Н. Пыпину.— Впервые — в «Полном собрании сочинений Козьмы Пруткова», изд. «Academia», М.— Л. 1933, стр. 451—464.

От издателей.— Впервые — в «Полном собрании сочинений» 1884 года.

Из дневника Алексея Жемчужникова.— Впервые опубликовано П. Н. Берковым в «Полном собрании сочинений Козьмы Пруткова», изд. «Academia», М.— Л. 1933, стр. 488—489, по рукописи из архива А. М. Жемчужникова.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

СОДЕРЖАНИЕ

Стихотворения, не включавшиеся в собрание сочинений Козьмы Пруткова

Плоды раздумья

Плоды раздумья, не включавшиеся в собрание сочинений Козьмы Пруткова

ВЫДЕРЖКИ ИЗ ЗАПИСОК МОЕГО ДЕДА

Исторические материалы Федота Кузьмича Пруткова (деда)

Гисторические материалы, не включавшиеся в собрание сочинений Козьмы Пруткова

ДРАМАТИЧЕСКИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Драматические произведения, не включавшиеся в собрание сочинений Козьмы Пруткова

БИОГРАФИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ

I

II

ПРИЛОЖЕНИЯ

I

II

С о ч и н е н и я
К о з ь м ы П р у т к о в а

Редактор *М. Гордон*

Художественный редактор
И. Жихарев

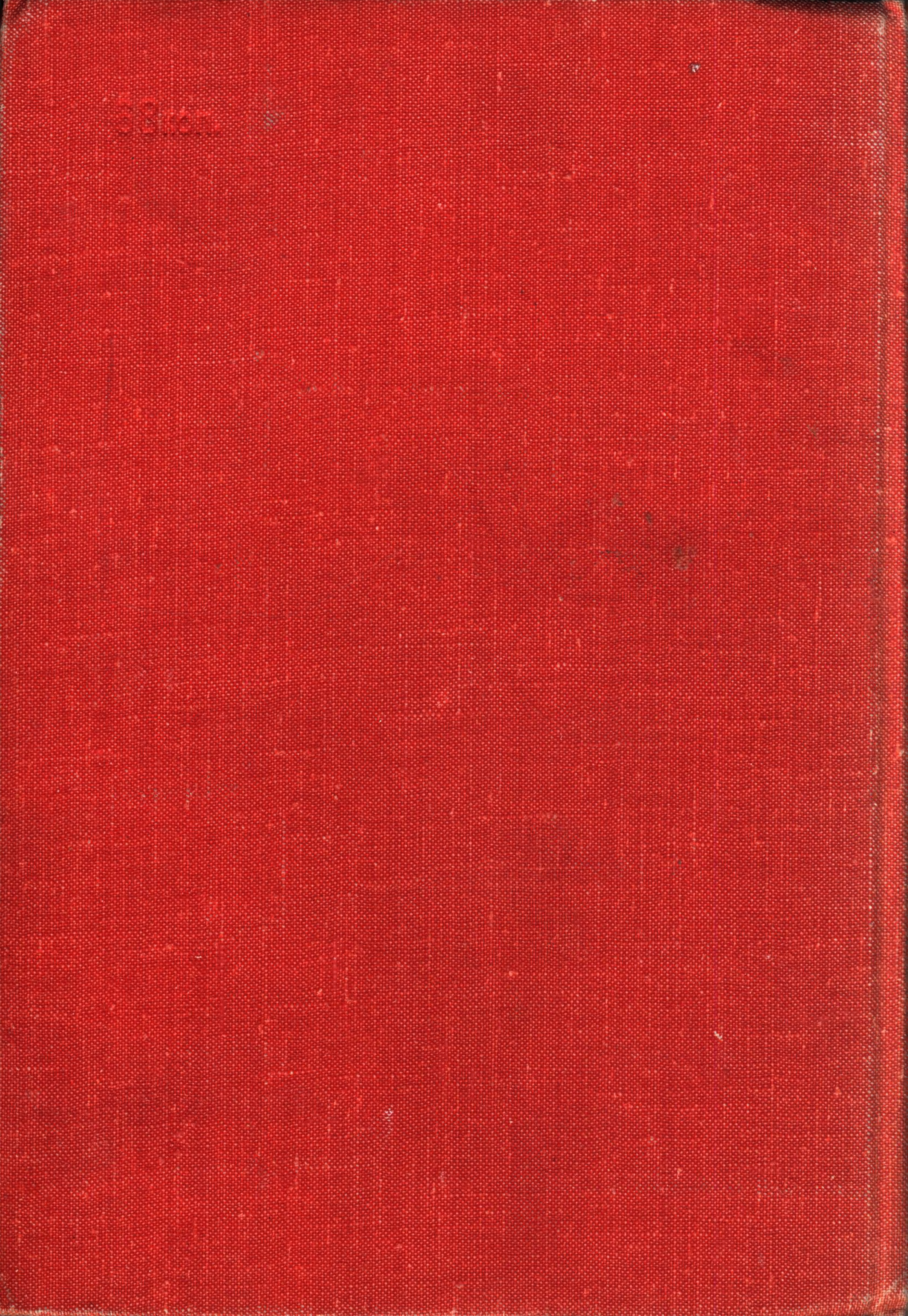
Технический редактор *З. Евдокимова*

Корректор *Г. Сурис*

Сдано в набор 16/XII 1964 г. Подписано к печати 11/III 1965 г. Бумага 60×84[1]/16. 28,0 печ. л. 26,04 усл. печ. л. 18,06 + 1 вкл. = 18,14 уч.-изд. л.
Тираж 100 000. Заказ № 2760.
Цена 68 коп.

Издательство
«Художественная литература»
Москва, Б-66, Ново-Басманная, 19.

Типография «Красный пролетарий»
Политиздата.
Москва, Краснопролетарская, 16.



Сочиненія Козьмы Пруткова